

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2014

№ 3

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Д. Функ, Московский государственный университет, Россия – главный редактор
С. Соколовский, Институт этнологии и антропологии, Россия – зам. главного редактора
И. Нам, Томский государственный университет, Россия – зам. главного редактора
А. Рассказчикова – секретарь
Е. Карагеоргий – редактор-переводчик

Редактор номера
О. Харусь

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

М.М. Балзер, Джорджтаунский университет, США
Х. Бич, университет г. Уппсала, Швеция
А. Бирталан, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
Л. Дериглазова, Томский государственный университет, Россия
В. Дятлов, Иркутский государственный университет, Россия
Т. де Грааф, университет г. Гронинген, Нидерланды
А. Хазанов, университет Висконсин-Мэдисон, США
О. Харусь, Томский государственный университет, Россия
Н. Мамонтова, университет Хельсинки, Финляндия
Е. Миськова, Московский государственный университет, Россия
Е. Трубина, Уральский федеральный университет, Россия
П. Швайцер, университет г. Вена, Австрия
А. Сорокин, Томский государственный университет, Россия
О. Зайцева, Томский государственный университет, Россия
В. Зиновьев, Томский государственный университет, Россия

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

- D. Funk**, Lomonosov Moscow State University, Russia – Editor-in-Chief
S. Sokolovsky, Institute of Ethnology and Anthropology, Russia – Associate Editor
I. Nam, Tomsk State University, Russia – Associate Editor
A. Rasskazchikova – Secretary
E. Karageorgii – Editor-Translator

Guest Editor
O. Kharus

EDITORIAL COLLEGIUM
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

- M.M. Balzer**, Georgetown University, USA
H. Beach, Uppsala University, Sweden
A. Birtalan, Eötvös Loránd University, Hungary
L. Deriglazova, Tomsk State University, Russia
V. Dyatlov, Irkutsk State University, Russia
T. de Graaf, Groningen University, the Netherlands
A. Hazanov, University of Wisconsin-Madison, USA
O. Kharus, Tomsk State University, Russia
N. Mamontova, University of Helsinki, Finland
E. Miskova, Lomonosov Moscow State University, Russia
E. Trubina, Ural Federal University, Russia
P. Schweitzer, University of Vienna, Austria
A. Sorokin, Tomsk State University, Russia
O. Zaytseva, Tomsk State University, Russia
V. Zinovyev, Tomsk State University, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора номера (О.А. Харусь)	6
---	---

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Смит-Питер С. С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начале XVIII в. (перевод Е.М. Карагеоргий)	7
---	---

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ

Зиновьев В.П. Виды заработной платы горнорабочих Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	24
Дмитриенко Н.М. Томские женщины-крестьянки в условиях социальных перемен (1920–1930-е гг.)	46
Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг. ...	71

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Кудряшев В.Н. Нация в системе взглядов В.С. Соловьева	88
Сорокин Ю.А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе XIX–XX вв.	108

РЕЦЕНЗИИ

Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ: сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 320 с.: ил. ISBN 978-5-7511-2240-9. (С.А. Красильников)	138
Уникальный источник по истории Сибири и Аляски: рецензия на серию книг «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven», Halle, 2000–2010 / «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». М.; СПб., 1999–2013. (Д.А. Функ)	142
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	151

CONTENTS

A note from Guest Editor (O.A. Kharus)	6
---	---

ISSUES OF IDENTITY AND SOCIAL ADAPTATION

Smith-Peter S. S.U. Remezov and Siberian Identity in the Late 17 th and Early 18 th Centuries (translated by E.M. Karageorgii)	7
--	---

SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL HISTORY OF SIBERIA

Zinovyev V.P. Categories of Wages for Siberian Mine Workers in the Late 19 th and Early 20 th Centuries	24
Dmitrienko N.M. Peasant Women of Tomsk Region under Conditions of Social Changes in the 1920s and 1930s	46
Razgon V.N., Zhdanova G.D. The Great Terror in Micro Historical Research: Repressions in Solton District of Altai Region in 1937–1938	71

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SOCIAL AND HISTORICAL THOUGHT

Kudriashev V.N. V.S. Solovyov's Views on Nation	88
Sorokin Yu.A. Political Regimes of Catherine II and Paul I in Russian Historical Literature of the 19 th and 20 th Centuries	108

BOOK REVIEWS

Slav'sia, universitet! Illiustrirovannye stranitsy istorii TGU [Be glorious, university! Illustrated pages of the TSU history]: compiled by N.M. Dmitrienko; ed. by E.I. Cherniak. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2014, 320 p.: il. ISBN978-5-7511-2240-9. (S.A. Krasilnikov)	138
A Unique Source on the History of Siberia and Alaska. Review of a series “Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven“, Halle, 2000–2010 / «Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov», Moscow / St.-Petersburg, 1999–2013. (D.A. Funk)	142

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	149
--	-----

CONTRIBUTION GUIDELINES	151
--------------------------------------	-----

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

От редактора номера

Тематическое единство очередного номера журнала «Сибирские исторические исследования» определяется тем, что объектом представленных в нем исследований являются проблемы истории России, разработка которых осуществляется, главным образом, на региональных материалах. В фокусе исследовательских интересов большинства авторов – социокультурные, социально-экономические, политические процессы, имевшие место в Сибири на разных этапах истории. Анализ региональных процессов в контексте общероссийских позволяет обозначить как общие тенденции и закономерности исторического развития, так и специфические характеристики, нюансы, раскрыть многообразие проявлений, сложность устройства и жизни социума в различных временных и пространственных координатах. Широта и репрезентативность комплекса привлеченных источников, в составе которых доминируют неопубликованные архивные документы и местные периодические издания, обеспечивают верифицируемость основных положений и выводов, предлагаемых в статьях В.П. Зиновьева, Н.М. Дмитриенко, В.Н. Разгона и Г.Д. Ждановой.

Исследовательские стратегии, использованные Н.М. Дмитриенко, а также В.Н. Разгоном и Г.Д. Ждановой при изучении драматичных, а в ряде случаев и трагических страниц истории сибирской деревни в 1920–1930-е гг., позволили ввести дополнительное социально-антропологическое измерение в рассматриваемую проблематику.

С особой яркостью антропологическое измерение представлено в материалах исследования Сьюзан Джоан Смит-Питер. Статья американской коллеги посвящена комплексному анализу творческого наследия С.У. Ремезова в контексте процесса конструирования сибирской региональной идентичности в конце XVII – начале XVIII в. Надеемся, что публикация этой работы откроет новые возможности для диалога с зарубежными коллегами.

Поскольку сфера научных интересов исследователей, проживающих и работающих в Сибири, естественно, не ограничивается проблемами сибиреведения, в номере публикуются статьи, проблематика которых имеет общероссийский формат. Материалы исследований В.Н. Кудряшева и Ю.А. Сорокина будут особо интересны специалистам по истории общественной мысли России и историографии отечественной истории.

*Ольга Харусь
Томск, 29 сентября 2014 года*

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

УДК 908+7.03(571.1)

С.У. РЕМЕЗОВ И СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Сьюзан Смит-Питер
(Перевод Е.М. Карагеоргий)

Аннотация. В статье дается развернутая характеристика представлений известного энциклопедиста конца XVII – начала XVIII в. Семена Ульяновича Ремезова о мистической сибирской идентичности и особой роли Тобольска как религиозного и политического центра. На основе исторического экскурса выявлены истоки этих представлений, связанные с легитимацией завоевания русскими Сибирского ханства. Специфические черты составленной С.У. Ремезовым карты Сибири и содержание пояснений к ней позволили сделать вывод о восприятии Сибири как Вселенной, а Тобольска – как нового Иерусалима. Это видение подтверждается анализом текста и иллюстраций ремезовской летописи, а также характеристикой архитектурных проектов С.У. Ремезова и его деятельности по реконструкции Тобольской крепости и возведению Тобольского кремля. Результатом комплексного исследования творческого наследия С.У. Ремезова стали обоснование вывода о том, что лейтмотивом его деятельности являлось представление о Тобольске как центре не только Сибири, но и всей Вселенной, а также стремление оформить и закрепить этот образ как в летописании и картографии, так и в архитектурных сооружениях.

Ключевые слова: региональная идентичность, Сибирь, Тобольск

Постановка проблемы. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф, историк и архитектор конца XVII – начала XVIII в., который всегда стремился представить восточносибирский город Тобольск не только в качестве столицы Сибири, но и как сияющий город на холме, новый Иерусалим. Такая мистическая региональная идентичность характеризовала Сибирь как архипелаг сакральных мест, центром которого был Тобольск. Будучи столицей Сибири Тобольск сам по себе составлял органичное целое и был, по мнению Ремезова, особой Вселенной. Он являлся центром собственного мира, подобно Иерусалиму, который находился в центре средневекового взгляда на мир. Тобольск был не единственным местом в России и за ее пределами, претендовавшим на звание нового Иерусалима. Однако ни одна другая территория в мире не имела большей площади, и, таким образом, ощущение себя как самостоятельной Вселенной было крайне важно. Тобольск был самодостаточен в качестве религиозной и, потенциально, политической

единицы. Как мы увидим далее, жители Тобольска в начале XVIII в. вполне могли представить себе создание независимой Сибири.

У самобытной региональной идентичности Сибири в рамках России длинная история. Сибирь принадлежит к первой категории регионов, Мирославу Гроху, – тех, что представляют собой «бывшие политические единицы», среди которых Моравия, Трансильвания, Бавария, Голландия и др. (Hroch 2009: 4). Это есть также яркий пример ханства, управляемого в качестве периферии¹. Устойчивое ощущение отличия Сибири от русского ядра проистекало из отсутствия здесь крепостного права и огромных размеров территории.

Для Ремезова Сибирь была не холодным отдаленным местом, а любимым Богом регионом, орошаемым могучими реками, прорезающимися сквозь покрытые травой холмы с множеством красивых, благословенных мест. Наибольшее значение для него представлял кремль Тобольска, возвышавшийся на холме над слиянием рек Тобол и Иртыш. Массивные укрепления Тобольска, спроектированные и построенные Ремезовым как напоминание о московских, заявляли о своей значимости для государства, а новые, построенные в стиле барокко церкви в пределах его стен, демонстрировали непреходящую ценность кремля в качестве опоры миссионерской деятельности для русского православия. В представлениях Ремезова о мистической региональной идентичности Сибирь чтилась как место, избранное и освященное Богом, со столицей в городе Тобольске.

Свыше ста лет ученые изучают личность и творческое наследие Ремезова. Ему посвящены многочисленные, но фрагментарные работы. Исследователи занимались его картографией (Багров 1954; Атлас Сибири... 1958; Дергачева-Скоп 1965; Гольденберг 1990; Potter 1994; Postnikov 1996; Kivelson 2006; Белич 2009; Службная чертежная книга... 2006), его работами в качестве летописца Сибири (Armstrong 1975; Солодкин 1997: 149–150), его деятельностью в качестве архитектора Кремля Петровской эпохи в Тобольске (Кириллов 1984; Заварихин, Князев 1995; Brumfield 2006), однако немногие рассматривали творчество Ремезова в совокупности (Witzenrath 2011) или анализировали его видение Тобольска в целом.

Из предыстории сибирской идентичности. Мистическая христианская сибирская идентичность в представлении С.У. Ремезова имела глубокие корни, уходящие во времена начавшейся сразу после завоевания русскими Сибирского ханства легитимации этого самого завоевания, когда христианские летописи «стирали» исламское прошлое. Поскольку в значительной мере сибирская идентичность, по утверждению С.У. Ремезова, проистекала из этого раннего ханства и в то же время являлась его отрицанием, стоит более подробно рассмотреть процесс завоевания и преобразования данной территории. В XV в. контроль

монголов над их бывшими огромными территориями ослаб, ханства, сформировавшиеся в Казани и Сибири и управлявшиеся тюркоязычными мусульманами, известными как татары, правили коренными народами региона (Armstrong 1975: 1). Сибирское ханство охватывало большую часть территории между реками Тобол и Обь, той, что ныне называется Западной Сибирью. После того, как Иван Грозный одержал победу над Казанским ханством в 1552 г., Сибирское ханство встало на пути дальнейшей русской экспансии. Узнав о завоевании Казани, сибирский хан Едигер стал платить дань Москве, что прекратилось с насильственным приходом к власти Кучума в 1563 г. (Perdue 2005: 86). Также являясь потомком Чингисхана, Кучум-хан непримиримо, хотя и безуспешно, противостоял русской экспансии.

В XVI в. ключевую роль в завоевании Сибири сыграла семья Строгановых, нанявшая казачьего атамана Ермака Тимофеевича для борьбы с ханом Кучумом. Центральная фигура многих народных песен, Ермак, предположительно, был волжским речным пиратом, за чью голову было обещано вознаграждение. Участие в покорении Сибири он принял отчасти в надежде получить прощение царя (Harrison 1975: 13–18). В ходе кампании, которую историки сравнивали с кампанией Эрнана Кортеса, Ермак собрал 840 человек (у Кортеса было 617) для похода на Сибирь (Lantzeff, Pierce 1973: 93–107; Lincoln 2007: 41–42). 26 октября 1582 г., в местечке неподалеку от слияния рек Тобол и Иртыш, столицы Кучума и будущего города Тобольска, Ермак встретил Махмет-Кула, племянника хана Кучума, и разгромил татар залпом мушкетного огня (Armstrong 1975: 7; Миненко 1999).

Уступавшие не в численности, но в вооружении татары проиграли бой, однако продолжали противостоять русским в течение нескольких последующих десятилетий (Lincoln 2007: 42–43). Следующей весной посланцы Ермака побывали в Москве, где были тепло приняты Иваном Грозным, направившим Ермаку «длинную тонкую кольчугу, украшенную позолоченными двуглавыми орлами, изображавшимися на головных уборах московских правителей» (43). В 1585 г. в ходе атаки, предпринятой Кучумом, Ермак попытался запрыгнуть в лодку, но не сумел и утонул под тяжестью дарованной царем кольчуги (Lantzeff, Pierce 1973: 105–106). Кучум продолжал борьбу с русскими вплоть до своей смерти (примерно после 1598 г.) (Khodarkovsky 2002: 147). Ранее, в 1597 г., в своем письме русским чиновникам в Сибири он писал: «Со времени прихода Ермака я пытался противостоять вам. Я не отдал вам Сибирь; вы ее захватили. Сейчас давайте устремимся к миру, вероятно, так было бы лучше» (Lantzeff, Pierce 1973: 117). Кучум не обрел мира, и последнее упоминание о нем в 1598 г. содержит его отказ подчиниться царю: «Я не пошел на поклон к Государю, когда я был в здравии и носил меч, почему же я должен пойти сейчас, когда я глух и слеп и всего

лишился? Они забрали моего сына Асманака; если бы я утратил всех своих детей, но сохранил Асманака, я еще мог бы жить, но без него я пойду к ногайцам, а сына своего посылаю в Бухару» (119). Впоследствии Кучум был убит ногайцами или калмыками.

В 1587 г. недалеко от места, где находилась столица Кучума, был основан новый русский город Тобольск. В первой картографической ссылке на Тобольск, сделанной в 1613 г. голландским картографом Гесселем Герритсом, содержалась аннотация «столица Сибири» (*Сибирская метрополия*) (Brumfield 2006: 2, 4). Метрополия, в переводе с греческого языка, – «материнский город» и определяется как «материнский город или страна по отношению к заморской колонии, особенно в древнегреческом языке» (The American Heritage Dictionary... 2000: 1107). Карта 1613 г. основывалась на той, что была нарисована голландским картографом Исааком Мааса с русского оригинала. Мааса сохранил русские названия и просто перевел их на латиницу; эта карта затем была дополнена русской картой, которую Герритс приобрел у царевича Федора Годунова (Schilder 1984: 501)². Таким образом, все источники этой карты были русскими, и можно сделать вывод о том, что, будучи голландской, карта все же отражала русский взгляд на эту территорию. Примечательно, что Москва и Архангельск были единственными городами, показанными на карте во вставках (Brumfield 2006: 2, 4).

После покорения Сибирского ханства русские продолжили использовать его название для обозначения своих все прирастающих восточных земель. Тем самым они заявляли о себе как о законных преемниках ханства, одновременно стирая его мусульманскую идентичность. Впоследствии цари и императоры уравнили термины «ханство» и «царство». Историки раннего нового времени России заметили, что многие из претензий Московии на законное правление также проистекали из ее роли в качестве преемницы Золотой Орды. Так, стратегия на периферии перекликалась со стратегией центра (Halperin 1985; Ostrowski 1998). Московия также подчеркивала свою христианскую идентичность, как это делал Ремезов в отношении Сибири.

Русская имперская печать – еще один пример того, как империя основывала легитимность на своем статусе преемницы более ранних государств. Иван III первым ввел символ двуглавого орла в подражание печати Священной Римской империи (Wortman 1995: 25). Иван Грозный заимствовал элементы польской печати, среди них – гербы польских земель; в русской версии изображались гербы правителя Новгорода, Казанского и Астраханского царств, а также девяти других городов, включая Псков, Смоленск, Тверь и Вятку, располагавшиеся вокруг двуглавого орла (Лакиер 1990: 149). На печати царя Алексея Михайловича изображался герб Москвы в центре; Киева, Новгорода и Астрахани – в

правой части; Владимира, Казани и Сибири – в левой. Таким образом, ханства получали равное с русскими государствами-предшественниками признание. На печати Екатерины Великой 1769 г. изображены гербы только Москвы, Казани, Астрахани и Сибири, что указывало на особую, ключевую роль нерусских в легитимации государства (149–150). С 1832 по 1859 г. гербы Казани, Астрахани и Сибири располагались на правом крыле орла, а гербы Польши, Таврии и Великого княжества Финляндского – на левом (151). Региональная идентичность была особенно сильна в Сибири, Казани и Астрахани, и память об их некогда независимом статусе, закрепленная в официальных символах Российской империи, сыграла в этом свою роль. Царства и ханства были в равной степени важны в качестве источников законности Русского государства, и те и другие управлялись в качестве периферии. Конечно, некоторые из земель, изображенных на печати, впоследствии вернули себе независимость, продемонстрировав центру риски, связанные с сохранением (ими) собственной идентичности.

Образ Тобольска как центра «нового христианского рая». Важно отметить, что в данной статье речь идет о Сибири в том виде, как она понималась еще до того, как В.Н. Татищев отметил Уральские горы в качестве границы между Европой и Азией, выделяя Сибирь как азиатскую и отличную от Европейской России территорию (Bassin 1991: 768). Во времена до Татищева Сибирь отмечалась не как азиатская часть, но как новый христианский рай. В автобиографии Аввакума, религиозного диссидента XVII в., сосланного в Тобольск, Сибирь, включая ее восточную часть и четыре главные реки, наглядно связывается с раем (Ташлыков 2004: 259).

Местом, где это новое видение Сибири в качестве нового необъятного христианского рая было впервые сформулировано, стало архиепископство Тобольское. С назначением в 1621 г. первого архиепископа в Тобольск город стал центром «культурного сепаратизма» (Лихачев 1989: 447; Lincoln 2007: 59). Архиепископство «приступило к решению задачи включения народов Сибири, ее территорий и прошлого в русскую – и, таким образом, в общую христианскую – литературную и религиозную традицию» (Slezkine 1994: 41). Посредством летописей и церковных писаний Дома архиепископа Тобольского архиепископ способствовал восприятию Тобольска как части Московии и христианского мира, даже несмотря на различия между ними (Лихачев 1989: 447). Схожее ощущение отличительности регионов в рамках большего целого в то время существовало и в случае с Фландрией, где религия служила средством определения региона (Holford 2007; Esser 2009). То же самое наблюдается и в Сибири: самые ранние работы по Сибири сосредоточивают свое внимание на регионе как на христианской территории. Это может рассматриваться как продолжение завоевания, поскольку предыдущий исламский статус региона³ был ликвидирован.

Первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан (Старорусенков) был важной политической фигурой в Новгороде во время и после Смуты. Он выступал в качестве посредника между оккупированным шведами Новгородом и Московией. Когда шведы направили его к первому царю Романовых, Михаилу Федоровичу, в качестве посланника, он умолял царя о пощаде и сообщил ему о действиях, предпринимаемых шведами. После его возвращения в Новгород шведы подвергли его пыткам, но он отказался отречься (Ромодановская 2002: 358). За его страдания Михаил Федорович в 1620 г. нарек Киприана первым архиепископом Тобольска, куда последний торжественно прибыл год спустя. Киприан разделял новгородское представление о верховенстве церкви над государством и стремился «к полной независимости в ее руководстве – независимости не только от местных, но и от центральных властей» (Очерки русской литературы 1982: 50). Сам Киприан был суровым, гордым и самоуверенным и даже сверг Тобольского правителя (воеводу), обличив его перед царем (Ромодановская 2002: 359, 365).

Киприан стремился воссоздать облик Новгорода в Тобольске, включая строительство деревянного собора Святой Софии по образу и с соблюдением всех черт новгородского собора (Лихачев 1947: 394). Он также привез новгородские святыни и икону в Тобольск, где население, многие из которого происходили с Русского Севера, приветствовало их (Окладников 1982: 48). Подобно тому, как дом архиепископа Новгородского был центром летописания, новый дом архиепископа Тобольского Киприана служил той же цели. Киприан добился того, что у города были земли и крепостные, необходимые для самообеспечения, еще в течение длительного времени после окончания его двухлетнего пребывания в Тобольске (Ромодановская 2002: 359)⁴.

Сибирские летописи XVII в. представляли важный противовес по отношению к нарастающей централизации летописания в Московии. При том, что сибирские летописи чтит включение Сибири в Московию и в христианский мир, они сосредоточивали свое внимание на Сибири, а не на Романовых. К XVII в. у Московии были веские дипломатические, политические и военные основания для развития новых форм исторического письма, не предполагавших, в отличие от летописей старого стиля, последовательного изложения событий по годам. Московские правители также стремились к тому, чтобы летописи придерживались московского видения событий. В 1657 г. царь Алексей Михайлович создает Записной приказ для фиксации официальной истории. Несмотря на то что традиции написания и чтения летописей продолжали влиять на создание и восприятие новых исторических жанров, Романовы утратили интерес к летописанию в старом стиле (Лихачев 1947: 375–377)⁵. Новые имперские жанры сосредоточили свое внимание на правящей семье; хронографы теперь

организовывали материал, основываясь на правлении царей, а не по годам (Клосс 2000: 338).

Напротив, три основные летописи о покорении Сибири – Строгановская, Есиповская и Ремезовская – рассматривали Сибирь в рамках Московии и христианского мира, но именно она (Сибирь) была в центре их внимания. Москва на разных этапах летописания оказывала на него свое влияние, но, тем не менее, отражение в этих летописях находила именно сибирская, а не московская перспектива. Одной из тем летописей было то, что Тобольск является законным преемником столицы хана Кучума, и что оба города являлись столицей Сибири. Строгановская летопись, написанная в течение XVII в. с целью подчеркнуть роль семьи Строгановых во взятии Сибири, утверждала, что татары во главе с ханом Кучумом были встревожены известием о прибытии правителя (воеводы) из Москвы. В летописи отмечено: «Татар, опасавшихся частых приходов русских войск, это встревожило, и они оставили город, который до этого был татарской столицей в Сибири, расположенной в месте слияния рек Тобол и Иртыш и называвшейся Сибирь. Они бросили этот город. Русские войска пришли, заселились и значительно укрепили его; сейчас это город Тобольск, хранимый Богом» (Armstrong 1975: 59).

Есиповская летопись, которую Савва Есипов, служивший при архиепископстве Тобольском, завершил 15 марта 1649 г., была еще более определенной в своем утверждении примата Тобольска над Сибирью: «В 7095 [1587] году, во время правления Благочестивого Государя, Царь и Великий Князь Федор Иванович всея Руси, в соответствии с его царской волей, отправил из Москвы Государева воеводу Данилу Чулкова с многочисленным войском. Согласно Государеву распоряжению они достигли реки Иртыш в десяти верстах от города Сибирь; ему было приятно осветить эту землю во славу Отца и Сына и Святого Духа. Она пришла на смену Сибири в качестве главного города. Тобольск был во главе, поскольку именно здесь произошло покорение проклятых безбожников, и, таким образом, он занял место Сибири в качестве правящего города» (Armstrong 1975: 26, 80).

Данный текст говорит о Тобольске, который по размерам не совпадал с городом Сибирь, однако приобрел статус «правлящего города» благодаря решительным действиям казаков и установлению русского контроля. Так, в XVII в. сторонники Тобольска, казалось, почти или вовсе не испытывали чувства неполноценности в отношениях с Москвой и гордились лидирующей ролью своего города в Сибири (Kivelson 2006).

Мистическая региональная идентичность в картографии и летописании С.У. Ремезова. Аналогичным образом картограф Семен Ремезов, работая в конце XVII – начале XVIII в. по воле царя Алексея Михайловича и Петра Великого, чтит Тобольск как «Богом спасенный» город,

даже отводя ему центральное место во всем мире. Ремезов принадлежал к служилому классу детей боярских (сын боярский), возможно, был казаком. Он родился в Тобольске в 1642 г., был внуком человека из двора патриарха Филарета, сосланного вследствие неизвестного проступка, и сыном советника воеводы Тобольска (Hellie 1971: 28; Гольденберг 1990: 78–98). Ремезов создал три атласа Сибири: *Хорографическую книгу* 1697–1711 гг., *Чертежную книгу* 1699–1701 гг. и *Служебную книгу* 1702–1703 гг. В последнюю он включил карту Сибири, где Тобольск окружен красным ореолом, – своего рода сияющий город в степи (Kivelson 2006: 133, вкладыш 18). Действительно, Ремезов открыто связывал Тобольск с Иерусалимом, поясняя: «По отношению к центру мира, городу Иерусалиму, Тобольск расположен ближе к холодным странам, ближе к северу, в степи... Поднебесной планетой, под солнцем, он цветет счастьем и красотой» (138). Характерно, что Москве на этой карте места не отводилось, хотя Казань располагалась здесь в дальнем правом углу. Подобно другим московским картам, карты Ремезова были ориентированы на юг.

Как отмечает Валери Кивельсон, Ремезов «фактически создал центр в том месте, которое в общепринятом понимании являлось периферией» (2006: 138). На другой удивительной карте Тобольск недвусмысленно располагался в центре мира, с концентрическими кругами, расходящимися от него в соответствии с картографической традицией в отношении Иерусалима. Текст карты «описывает кольца опасных хорд, что окружают город, а также естественные ограждения, возведенные здесь для его охраны» (Kivelson 2006: вкладыш 23). В то время как Тобольск изображался как конклав многочисленных церквей, все остальные поселения в сравнении с ним были крохотными: некоторые из них изображены как палатки, некоторые – как одиночные церкви. Как и на другой карте, Москва здесь не была отмечена.

Видение Ремезова не ограничивалось одним только городом, оно также включало всю Сибирь. Тобольск был ее сердцем, которое было само по себе полноценным. Например, в барочной аналогии, что демонстрирует его владение риторической традицией, Ремезов писал о Сибири, словно это был «миролюбивый ангел. Главой и ядром всего являются Тобольск, Тюмень и Томск; два плеча – это две части Тобольска, Златоразрядная [и] Софийская части; правая рука с пальцами – приятные, обеспеченные окрестности; левая рука и пальцы – город Березов». Другими составляющими этой метафоры были Иркутск в качестве золотых одежд и медный лук как «сибирские нравы» (Ely 2002: 29; Kivelson 2006: 138). Это не сепаратистское видение, но видение, согласно которому Сибирь представлялась в качестве Вселенной, как отметил Ремезов в заключении к *Служебной книге*, которую он описывает как атлас «Вселенной [*на Вселенной*] внутри Сибири; верховный го-

род Тобольск и города, поселения, форпосты, деревни и села под юрисдикцией приказа» (Kivelson 2006: 144). Под приказом здесь понимается Сибирский приказ. В «Описании народов Сибири и граней их земель», что «написано по приказу великого Государя слугой Тобольским Семенов Ульяновичем Ремезовым, на 7206 году от рождения Адама, на 1698 году от Рождества Христова, на 118 году со взятия Сибири» (143), Ремезов наделил Сибирь собственной священной хронологией, подчеркивая ее особую благословенную природу, при этом несомненно законным рассматривалось им и правление царя.

Ремезовская летопись, завершенная С.У. Ремезовым и его сыном Леонтием примерно в 1700 г., обеспечивает историческое обоснование того, что Тобольск есть центр Вселенной – сияющий город на холме, – которое дополняет другие его работы. Согласно Ремезову, Тобольск был тем средством, с помощью которого Господь решил освятить Сибирь. Ремезов уделяет много внимания в своей летописи описанию святых образов Тобольска до и после его основания. В самом начале летописи, в главе «История Сибири», Ремезов связывает Тобольск с Богом: «С начала времен наш христианский Бог, Всевидящий... завещал проповедовать Евангелие по всей Сибири и до края Вселенной, и гор, и прославленного города Тобольска» (Armstrong 1975: 88). Глава сопровождается иллюстрацией с изображением Божьего ока над раскрытой книгой, потоки света из которого освещают 22 сибирских города; необозначенному городу, очевидно представляющему собой Тобольск, расположенному в нижней части иллюстрации, достается больше всего света. Выбор Господом Тобольска в качестве центра Сибири и, таким образом, Вселенной, несомненен. Глава 139 содержит схожее изображение над надписью «Сибирь, освещенная Божественным проявлением и прославленная». В тексте говорится о том, что во время прихода сюда Ермака «земля была освещена таким светом неопишуемой радости... словно орел накрыл свое гнездо Сибирь с птенцами и наделил каждый город пером своей славы» (248–249). Иллюстрация изображает орла, посылающего перья и языки пламени каждому из сибирских городов, и самому крупному из них – Тобольску, в нижней части.

Еще до основания города, согласно Ремезову, Тобольск представлялся непокоренным татарам как город, сияющий в воздухе: «На протяжении лет правители, регенты, муллы, проповедники и неверующие продолжали наблюдать на месте нынешнего Тобольска с его Собором и колокольной образ сияющего христианского города, парящего над землей с церквями и великим колокольным звоном» (Armstrong 1975: 112). Это отсылает к Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Ты – свет мира. Город, расположенный на холме, не может быть сокрыт» (Евангелие от Матфея, 5:14). Иллюстрация состоит из образа укрепленного города с несколькими церквями, озаряющего степь лучами света, в то время как

люди в тюрбанах и длиннополых одеждах наблюдают за ним с правой стороны (Armstrong 1975: 112). В летописи это видение нашло отражение в записи о том, что в 1587 г. воевода Данило Чулков по приказу царя Федора Ивановича «доплыл до места назначения и напротив устья Тобола построил на холме город под названием Тобольск, первую среди всех остальных городов столицу и возвел первый храм в честь Святой Троицы, а на подъеме – другой – храм Всемилоственного Спаса» (227). На иллюстрации изображены речная система и город Тобольск, окруженные очертаниями гор, которыми на русских картах в то время обозначалась возвышенность. Подобно описанному выше образу, он укреплен, имеет несколько церквей. Вдобавок виден двор, в котором люди приближаются к сидящей фигуре, таким образом, подчеркивается своего рода правопреемство Тобольска в качестве столицы.

Архитектурные проекты С.У. Ремезова: замыслы и реализация. Ремезову представилась необычная возможность реализовать свое видение Тобольска, когда ему было поручено значительно расширить городскую крепость. Однако работа была прервана вследствие суда и казни за различные преступления Сибирского губернатора Матвея Гагарина, что породило в Тобольске легенду о попытке создания независимого Сибирского царства (Акишин 1996). Сибирским приказом Ремезову было поручено переконструировать укрепительные сооружения Тобольска, заменив прежний деревянный частокол в стиле Русского Севера на каменную крепость, достойную сибирской столицы. С одобрения Сибирского приказа митрополит Павел начал перестраивать Тобольскую крепость в 1680-е гг. В 1698 г. Ремезов прибыл в Сибирский приказ в Москве, где прошел подготовку по западной «итальянской» архитектуре (Brumfield 1993: 169). Вернувшись, он принялся за строительство Тобольского кремля, который бы донес новый петровский имперский барочный стиль до иных земель, как было в случае с Ярославлем, Тотьмой, Казанью и другими городами (Shvidkovsky 2007: 184). По Указу Петра I от 27 апреля 1709 г. кремль Тобольска должен был быть «сооружен по примеру Московского» (Ремезов Служебная чертежная книга...: 25). Ремезов представил Сибирскому приказу пять вариантов Тобольского кремля, при этом удивительно то, что длина стен от плана к плану увеличивалась. К тому же большая часть важнейших городских сооружений, в частности купеческий двор, была перенесена в пределы стен кремля, что предполагало наличие угрозы нападения (Заварихин, Князев 1995: 111).

Работа Ремезова над Тобольским кремлем тесно связана с великой Северной войной, которая столкнула Петра Великого с королем Швеции Карлом XII. По итогам войны, продолжавшейся с 1700 по 1721 г., Россия утвердилась в качестве великой европейской державы, в то время как Швеция навсегда утратила свой статус крупнейшей военной си-

лы в Европе (Hughes 1998: 24–38). Поскольку Петру Великому требовалось больше налогов и дани от Сибири для ведения войны, необходимо было укрепить административный центр Сибири с тем, чтобы он мог отразить внутреннее или внешнее нападение. Опасение нападения явно обозначено в *Служебной книге* Ремезова, в которой представлены изображения европейских осадных машин, угрожающих городу, и крепостные валы, которые он должен был построить для защиты Тобольской крепости (*Служебная чертежная книга* 2006: 27). Вдобавок, поскольку многие шведские военнопленные были расквартированы здесь, чиновники действительно могли опасаться нападения с их стороны. Тобольск был настолько стратегически важен для Петра I, что он позволил продолжить здесь строительство из камня даже после издания в 1714 г. Указа, запрещающего такое строительство везде, кроме Санкт-Петербурга (Заварихин, Князев 1995: 118).

Ремезов чувствовал, будто выполняет божественную, но также и царскую задачу, перестраивая крепость Тобольска. В Ремезовской летописи изображение Тобольска в виде «христианского города, сияющего в воздухе», упомянутое ранее, представлено не как деревянное укрепительное сооружение в стиле Русского Севера, просуществовавшее до конца XVII в., но как город, который Ремезов сам должен был спроектировать и построить, с кремлем по образу московского и церковью в стиле барокко (Armstrong 1975: 112)⁶. Ремезов сыграл важную роль во введении стиля барокко в Сибири, проектируя свои церкви на основе архитектурной книги, которую он получил в Москве. Барочная архитектура слилась с местными архитектурными формами, что привело к появлению тобольского барокко, представляющего собой сочетание европейских и азиатских форм (Заварихин, Князев 1995: 6). Изображения, содержащиеся в этой летописи, таким образом, необычны вследствие наслоения времени и верований, нашедших здесь свое отражение. Татары, скорее, были свидетелями того, как Ремезов собирался строить будущий христианский город, а не самого города. Мусульманским бывшим правителям было дано видение нового христианского города, который вобрал в себя не только традиционные русские черты крепости, но также европейское влияние барочной архитектуры, для распространения которой сделал многое Петр Великий.

Одно из двух сохранившихся до сих пор строений Ремезова – купеческий двор (*Гостинный двор*) – также переключается с представленным в Ремезовской летописи кремлем. Строительство его началось в 1703 г. в ответ на указ Петра, вышедший годом ранее, призывавший к наращиванию торговли с Центральной Азией, Индией, Китаем и Афганистаном (Заварихин, Князев 1995: 114). Построенное спустя пять лет здание предназначалось для лавок купцов, которые ранее торговали в собственном районе к югу от кремля через реку (115). Уильям Брумфилд

описывает его так: «Четырехугольный по форме, с угловыми башнями в средневековом стиле, Гостиный двор должен был упорядочить сибирскую торговлю, как местную, так и удаленную. Для этого в двухэтажных строениях располагалась таможня в дополнение к 67 торговым палаткам, открытым во внутреннем дворе, очевидно, в целях безопасности» (Brumfield 2006: 15)⁷. Несмотря на внешний вид, отсылающий к западноевропейским замкам, он был организован таким образом, чтобы торговля проходила во внутреннем дворе, как в восточных караван-сараях (Кириллов 1984: 91)⁸. Он был огромен, лишь немного уступая в размерах московскому Гостиному двору, построенному в 1665 г. Как бы напоминая о мусульманских правителях Сибирского ханства, формы кремля отражали нечто, содержащее Восток.

Другое строение Ремезова красноречиво воплощает устремления и реальное положение Тобольска в Российской Империи. Казначейство (рентерея, место хранения мехов, привезенных в качестве дани царю коренными народами), или Шведская палата, в настоящее время соединяет две части Тобольского кремля, представляющего собой длинное одноэтажное строение с наличниками в московском стиле⁹. В 1713 г. от 80 до 170 шведских заключенных выполняли в Тобольске «городские работы» и получали за это 290 руб., а также продовольственные пайки (Акишин 1996: 195).

Первоначально Ремезов планировал построить триумфальные ворота, достойные торжественных государственных мероприятий, под названием Ворота Святого Дмитрия в память о победе Ермака над Кучумом в День Святого Дмитрия, важнейшей даты для города Тобольска (Кириллов 1984: 88–89). Именно для строительства этих ворот Петр сделал исключение, разрешив, помимо Санкт-Петербурга, каменное строительство и здесь. Однако они так и не были построены, поскольку князь Матвей Гагарин, управлявший Сибирью с 1711 по 1720 г., распорядился вместо них сосредоточить усилия на строительстве укрепительных сооружений, и прежде чем он мог вновь вернуться к плану строительства ворот, он был отозван в Москву¹⁰. Триумфальные ворота, подобные тем, что проектировал Ремезов, отнесли бы Тобольск к Иерусалимской традиции и заявили бы о его центральном положении. Интересно, что в 1709 г. Гагарину было поручено построить триумфальные ворота в Москве в честь празднования победы Петра Великого в Полтавском сражении (Hughes 1998: 206). Один из тобольских историков говорил о связи между непостроенными триумфальными воротами и предполагаемыми сепаратистскими планами Гагарина, включая создание собственного Сибирского царства, возможно, с помощью шведских военнопленных, удерживаемых в Тобольске. С приходом Гагарина строительство в кремле ускорилося после нескольких лет фактического застоя; после его отъезда в Москву и казни оно полностью

было прекращено (Заварихин, Князев 1995: 117). Незавершенное здание продолжает стоять как свидетельство того, какую роль центр был готов предоставить Сибири – в качестве хранилища ресурсов, но не центра как такового.

Выводы. Анализ различных аспектов жизни и деятельности Ремезова показывает, что вера в Тобольск как центр Сибири и, фактически, всей Вселенной пронизывала всю его работу. Ремезов видел Сибирь не периферией, но самим центром. В Москве, однако, были иные представления, и архитектурный проект Ремезова не получил своего завершения.

Примечания

¹ Выражение «королевство, управляемое в качестве периферии» употребляется в отношении Шотландии, Неаполя (Robertson 2005: 147–200).

² Герритс был картографом в Голландской Ост-Индской компании, заинтересованной в процессе исследования Северного морского пути в изучении картографии Сибири, которую Московское государство желало сохранить в тайне.

³ Впрочем, собственно «исламской», исламизированной могла быть названа лишь незначительная часть территории Западной Сибири (прим. гл. ред.).

⁴ Фактически, эти царские дарения земли стали причиной трений с новым губернатором и окончательного изгнания Киприана.

⁵ Однако Насонов (1969: 478–499) утверждает, что государство продолжило летописание вплоть до Петра Великого, хотя его объем и значение были иными, чем прежде.

⁶ Кириллов (1984: 46) предполагает, что форма кремля оказала влияние на потенциально сепаратистские идеи сибирского губернатора Матвея Гагарина, о котором будет сказано ниже. Детали рисунков из летописи см.: <http://www.mmedia.nsu.ru/remezov/ybook/obj85/INTERFACE.htm>.

⁷ Фотографии см.: <http://www.loc.gov/pictures/resource/ppmsc.04021>.

⁸ Верхние башни, построенные в западноевропейском средневековом стиле, были добавлены позднее, но основная часть кремля осталась прежней (Кириллов 1984: 92).

⁹ Современный вид Казначейства. см.: <http://www.allcastles.ru/photos/castles/album/457/photo/2898>

¹⁰ Петр Великий назначил Гагарина управляющим Сибирью не позже апреля 1706 г. С этого же года он являлся также ответственным за вооружения (Bushkovtich 2001: 276–277). В 1710 г. Гагарин не смог набрать необходимое количество рекрутов от Сибири, и Петр приказал заковать его в кандалы и отправить в тюрьму на два дня (302). Рыженков (2008: 66) утверждает, что Гагарин прибыл в Тобольск 6 октября 1712 г.

Литература

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское областничество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Атлас Сибири Семена У. Ремезова. Факсимильное издание / Предисл. Л. Багрова. Гаага, 1958.

Багров Л. Семен Ремезов – сибирский картограф // *Imagomundi*. 1954. № 11. С. 111–125.

Белич И.В. Чертеж «Кучумово городище» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2009. № 7. С. 90–100.

- Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990.
- Дергачева-Скоп Е.И. «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // Труды отдела древнерусской литературы. 1965. № 21. С. 266–274.
- Евангелие от Матфея, 5:14.
- Заварихин С.П., Князев В.В. Экология зодчества: о некоторых объективных основах «второй природы». СПб., 1995.
- Кириллов В. Тобольск. М., 1984.
- Клосс Б.М. Летописи // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. М., 2000.
- Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990.
- Лихачев Д.С. История русской литературы XI–XVII веков. М., 1989.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Миненко Н.А. Поход Ермака в контексте восточной политики московского государства // Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России / Под ред. Г.Н. Чадина и др. Пермь, 1999. С. 106–111.
- Насонов А.Н. История русского летописания XII – начала XVIII века. М., 1969.
- Очерки русской литературы Сибири / Гл. ред. А.П. Окладников. Новосибирск, 1982. Т. 1.
- Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Избранные труды. Новосибирск, 2002.
- Рыженков М.П. Губернии в России при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы в России). М., 2008.
- Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья [Текст]: текст рукописи Российской национальной библиотеки. Тобольск, 2006.
- Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.
- Ташлыков С.А. Сибирь в древнерусской литературе // Сибирь: Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 255–262.
- Armstrong T. Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents / Trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975.
- Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, № 3.
- Brumfield W.A. History of Russian Architecture. Cambridge, 1993.
- Brumfield W.A. Tobolsk: Architectural Heritage in Photographs. Moscow, 2006.
- Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001.
- Ely C. This Meager Nature; Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL, 2002.
- Esser R. Flandria Illustrata: Flemish Identities in the Late Middle Ages and the Early Modern Period // Frontiers, Regions and Identities in Europe / Ed. Steven G. Ellis et al. Pisa, 2009. P. 143–162.
- Halperin C.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985.
- Harrison W. Yermak as folk-hero // Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents / Trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975. P. 13–18.
- Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.
- Holford M. The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England // An Agenda for Regional History / Ed. Bill Lancaster et al. Newcastle upon Tyne, 2007. P. 303–320.
- Hroch M. Regional Memory: Reflections on the Role of History in (Re)constructing Regional Identity // Frontiers, Regions and Identities in Europe / Ed. Steven G. Ellis and Raingard Esser. Pisa, 2009.
- Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998.

- Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN, 2002.
- Kivelson V.* Angels in Tobolsk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28, № 1–4. P. 543–556.
- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca, 2006.
- Lantzeff G.V., Pierce R.A.* Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal, Ont., 1973.
- Lincoln W.B.* The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. Cornell University Press, 2007.
- Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, UK, 1998.
- Perdue P.C.* China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA, 2005.
- Postnikov A.* Russia in Maps: A History of the Geographical and Cartographical Study of the Country. Moscow, 1996.
- Potter S.* On the Thematic Illustrations in Eighteenth-Century Russian Cartography // Acta Slavica Iaponica. 1994. № 12. P. 180–204.
- Robertson J.* The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760. Cambridge, England, 2005.
- Schilder G.* Development and Achievements of Dutch Northern and Arctic Cartography in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Arctic. 1984. Vol. 37, № 4. P. 493–514.
- Shvidkovsky D.* Russian Architecture and the West. Trans. Anthony Wood. New Haven, 2007.
- Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, NY, 1994.
- The American Heritage Dictionary of the English Language.* 4th ed. Boston, 2000. 1107.
- Witzenrath C.* S.U. Remezov, Cossack Adventurer, and the Opening of Siberia // Portraits of Old Russia: Imagined Lives of Ordinary People, 1300–1725 / Ed. Donald Ostrowski and Marshall Poe. Armonk, NY, 2011. P. 209–221.
- Wortman R.S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, Volume One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2014 г.

Smith-Peter Susan, College of Staten Island / City University of New York (New York, USA)
S.U. REMEZOV AND SIBERIAN IDENTITY IN THE LATE 17th AND EARLY 18th CENTURIES

Abstract. The paper presents the detailed characteristics of ideas of the well-known polymath that was active in the late 17th to the early 18th centuries, Semyon Uliyanovich Remezov, about mystical Siberian identity and the special role of Tobolsk as a religious and political centre. The origins of these ideas related to the legitimation of the Russian conquest of the Siberian Khanate are revealed through a historical review. The specific features of the map of Siberia compiled by Semyon U. Remezov, as well as the commentary to it, allowed for concluding that Siberia was considered as a Universe, with Tobolsk being perceived as a new Jerusalem. This understanding is confirmed by the analysis of the text and illustrations of the Remezov Chronicles and by that of the characteristics of Remezov's architectural projects as well as of his activities as to the reconstruction of Tobolsk Fortress and the building of Tobolsk Kremlin. As a result, the integrated study of the heritage and works by S.U. Remezov helps support the conclusion that the main theme line of his activities was the idea of Tobolsk being a centre of not only Siberia but of the whole of the Universe, along with his pursuit to establish this image in the chronicles, cartography, and architectural structures.

Key words: regional identity, Siberia, Tobolsk

References

- Akishin M.O. *Politseiskoe gosudarstvo sibirskoe oblastnichestvo. Epokha Petra Velikogo* [The police state and Siberian regionalism. The era of Peter the Great]. Novosibirsk, 1996.
- Atlas Sibiri Semena U. Remezova*, faksimil'noe izdanie [The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov, facsimile edition]. Introduction by L. Bagrova. Hague, 1958.
- Bagrov L. *Semen Remezov – sibirskii kartograf* [Semyon Remezov – Siberian cartographer], *Imago mundi*, 1954, no. 11, pp. 111–125.
- Belich I.V. *Chertezh «Kuchumovo gorodishche» iz «Khorograficheskoi chertezhnoi knigi» S.U. Remezova* [The drawing of 'Kuchumovo gorodishche' (Kuchumovhillfort) from the 'Khorograficheskaya kniga' (cartographical sketch book) by S.U. Remezov], *Vest. Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 7, pp. 90–100.
- Gol'denberg L.A. *Изграф земли Сибирской: zhizn' i trudy Semena Remezova* [The isograph of the Siberian land: the life and work of Semyon Remezov]. Magadan, 1990.
- Dergacheva-Skop E.I. *«Pokhvala» Sibiri S.U. Remezova* ['In praise of Siberia' by S.U. Remezov], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1965, no. 21, pp. 266–274.
- Matthew 5:14*. English Standard Version.
- Zavarikhin S.P., Kniazev V.V. *Ekologiya zodchestva: o nekotorykh ob"ektivnykh osnovakh «vtoroj prirody»* [The ecology of architecture: on some objective fundamentals of the 'second nature']. St. Petersburg, 1995.
- Kirillov V. *Tobol'sk*. Moscow, 1984.
- Kloss B.M. *Letopisi, Otechestvennaia istoriia: Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda* [Chronicles, National history: the history of Russia from ancient times to the year 1917]. Moscow, 2000.
- Lakier A.B. *Russkaia geraldika* [The Russian heraldry]. Moscow, 1990.
- Likhachev D.S. *Istoriia russkoi literatury XI–XVII vekov* [The history of Russian literature of the 11th to 17th centuries]. Moscow, 1989.
- Likhachev D.S. *Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie* [The Russian chronicles and their cultural and historical significance]. Moscow; Leningrad, 1947.
- Minenko N.A. *Pokhod Ermaka v kontekste vostochnoi politiki moskovskogo gosudarstva, Cherdyn' i Ural v istoricheskom i kul'turnom nasledii Rossii* [Yermak's campaign in the context of the Moscow state's Eastern policy, Cherdyn' and the Urals in the historical and cultural heritage of Russia], eds. G.N. Chadina et al. Perm', 1999, pp. 106–111.
- Nasonov A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia XII – nachala XVIII veka* [The history of Russian chronicles of the 12th to the early 18th centuries]. Moscow, 1969.
- Ocherki russkoi literatury Sibiri* ed. A.P. Okladnikov [The essays on Russian literature of Siberia]. Novosibirsk, 1982, vol. 1.
- Romodanovskaia E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek. Izbrannye trudy* [Siberia and literature. The 17th century. Collected works]. Novosibirsk, 2002.
- Ryzhenkov M.P. et al. *Gubernii v Rossii pri Petre Velikom (300-letie pervoi gubernskoi reformy v Rossii)* [Provinces in Russia under Peter the Great (the 300th anniversary of the first provincial reform in Russia)]. Moscow, 2008.
- Sluzhebnaia chertezhnaia kniga. Semen Remezov i synov'ia* [Tekst]: tekst rukopisi Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [The service book of drafts. Semyon Remezov and children [Text]: the text of chronicles of the Russian national library]. Tobol'sk, 2006.
- Solodkin Ia.G. *Istoriia pozdnego russkogo letopisaniia* [History of the late Russian chronicles]. Moscow, 1997.
- Tashlykov S.A. *Sibir' v drevnerusskoi literature, Sibir': Vzgliad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia in old Russian literature, Siberia: a view from outside and inside. A spiritual dimension of space]. Irkutsk, 2004, pp. 255–262.
- Armstrong T. *Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents*, trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975.

- Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century*, *American Historical Review*, 1991, vol. 96, no. 3.
- Brumfield W.A. *History of Russian Architecture*. Cambridge, 1993.
- Brumfield W.A. *Tobolsk: Architectural Heritage in Photographs*. Moscow, 2006.
- Bushkovitch P. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725*. Cambridge, 2001.
- Ely C. *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*. DeKalb, IL, 2002.
- Esser R. *Flandria Illustrata: Flemish Identities in the Late Middle Ages and the Early Modern Period*, *Frontiers, Regions and Identities in Europe*, ed. Steven G. Ellis et al. Pisa, 2009, pp. 143–162.
- Halperin C.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington, 1985.
- Harrison W. *Yermak as folk-hero, Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents*, trans. by Tatiana Minorsky and David Wileman. London: The Hakluyt Society, 1975, pp. 13–18.
- Hellie R. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, 1971.
- Holford M. *The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England, An Agenda for Regional History*, eds. Bill Lancaster et al. Newcastle upon Tyne, 2007, pp. 303–320.
- Hroch M. *Regional Memory: Reflections on the Role of History in (Re)constructing Regional Identity*, *Frontiers, Regions and Identities in Europe*, eds. Steven G. Ellis and Raingard Esser. Pisa, 2009.
- Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, 1998.
- Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, IN, 2002.
- Kivelson V. Angels in Tobolsk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia, *Harvard Ukrainian Studies*, 2006, vol. 28, no. 1–4, pp. 543–556.
- Kivelson V. *Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, 2006.
- Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750*. Montreal, Ont., 1973.
- Lincoln W.B. *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*. Cornell University Press, 2007.
- Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge, UK, 1998.
- Perdue P.C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA, 2005.
- Postnikov A. *Russia in Maps: A History of the Geographical and Cartographical Study of the Country*. Moscow, 1996.
- Potter S. On the Thematic Illustrations in Eighteenth-Century Russian Cartography, *Acta Slavica Iaponica*, 1994, no. 12, pp. 180–204.
- Robertson J. *The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760*. Cambridge, England, 2005.
- Schilder G. Development and Achievements of Dutch Northern and Arctic Cartography in the Sixteenth and Seventeenth Centuries, *Arctic*, 1984, vol. 37, no. 4, pp. 493–514.
- Shvidkovsky D. *Russian Architecture and the West*, trans. Anthony Wood. New Haven, 2007.
- Slezkine Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, NY, 1994.
- The American Heritage Dictionary of the English Language*, 4th ed. Boston, 2000, 1107.
- Witzenrath C. *S.U. Remezov, Cossack Adventurer, and the Opening of Siberia, Portraits of Old Russia: Imagined Lives of Ordinary People, 1300–1725*, eds. Donald Ostrowski and Marshall Poe. Armonk, NY, 2011, pp. 209–221.
- Wortman R.S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. One: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 94(470) «17/19»

ВИДЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ГОРНОРАБОЧИХ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Василий Зиновьев

Аннотация. Соотношение натуральной и денежной заработной платы является показателем зрелости капиталистического производства. Чем выше в заработной плате доля наличных, тем более «чистыми» представляются отношения труда и капитала. Классики марксизма уделяли этой теме заметное внимание при анализе капиталистического производства. В статье анализируются виды заработной платы рабочих на горных и горнозаводских предприятиях Сибири во второй половине XIX – начале XX в. В это время в условиях слабости рынка и инфраструктуры предприниматели были вынуждены брать на себя снабжение нанятых работников жильем, питанием, другими видами услуг, сокращая тем самым долю наличных денег, оставшихся в распоряжении работников. Натуральная оплата труда, создававшая условия для «вторичной» эксплуатации рабочих и являвшаяся почвой для социальных конфликтов, практически не вытеснялась в горной индустрии Сибири деньгами. В Сибири XIX в. хозяйское содержание было традиционным при расчете с наемными рабочими. В 1860–1880-х гг. средние показатели доли «хозяйского содержания» на фабрично-заводских предприятиях Сибири составляли 40% заработной платы, на золотых приисках – 25–35%. Вследствие скудости хозяйского питания рабочие всегда дополняли его забором товаров и продуктов из хозяйских же лавок. В конце XIX в. хозяйские харчи отменили практически все предприниматели, они были полностью заменены выдачей продуктов из лавок в счет заработной платы. На основе анализа отчетной документации предприятий и результатов официальных обследований автор выяснил, что доля натуральной заработной платы на горных предприятиях Сибири не обнаруживала тенденции к уменьшению и в среднем составляла 30–50% от всех видов заработной платы горняков края вплоть до 1917 г. Рабочие были вынуждены брать продукты и другие товары из хозяйских лавок, они также обеспечивались хозяйским жильем, получали медицинское обслуживание, а дети – образование. Горнорабочие Сибири получали в начале XX в. натурой в 3–5 раз больше, чем рабочие Европейской России. Автор ставит вопрос о факторах, определивших длительное сохранение натуральных видов оплаты труда на горных предприятиях Сибири. Основная причина этого, по его мнению, лежит в слабости розничной торговой сети Сибири, которая не охватывала горные поселки. Роль торговцев брали на себя управления предприятий. В советское

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

время эту же роль выполняли отделы рабочего снабжения – ОРСы. Они занимали монопольное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями – завышением цен, отсутствием контроля за качеством товара. Только предприятия, расположенные в обжитой местности Сибири, прежде всего горные заводы, откачивались от торгово-снабженческой функции.

Ключевые слова: натуральная заработная плата, хозяйские харчи, горнорабочие Сибири

Постановка проблемы. Соотношение натуральной и денежной заработной платы считается верным показателем зрелости капиталистического производства. Чем выше в заработной плате доля наличных, тем более «чистыми» представляются отношения труда и капитала, не замутненными остатками средневековой кабалы. Рабочий, получив заработок деньгами, мог его обменять на предметы потребления по рыночной цене. Получая же часть заработка в виде продуктов, жилья, услуг, рабочий зависел от произвола работодателя, не стеснявшегося и на этом получить барыш, завышая цены и снижая качество товара. К. Маркс и Ф. Энгельс назвали это вторичной эксплуатацией, «мелким обворовыванием», признаком юношеского возраста капиталистических отношений (Маркс К. Заработная плата 1957, Капитал Т. 1. Кн. 1. Кн. 2. 1961; Энгельс Ф. Анти-Дюринг 1961). Практика расчета товарами – «trucksystem», предоставление жилья за плату – «cottagesystem» была широко распространена в Англии первой половины XIX в. К концу XIX в., по мнению Ф. Энгельса, только для Англии был характерен отказ от таких грубых форм эксплуатации, но они господствовали в других индустриальных странах – США, Германии, Франции. К подобным странам классики марксизма относили и Россию. К. Маркс писал в «Капитале»: «На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы» (Капитал Т. 1. Кн. 1: 572). Ф. Энгельс, опираясь на материалы В.В. Берви-Флеровского, отмечал, что при найме артелями в России и Сибири развивается самым гнусным образом система оплаты товарами (Курьянов). В России, судя по данным Ю.И. Курьянова, в XIX в. хозяйские харчи и казармы для рабочих были обычным явлением (1979). Из современных исследователей истории рабочих России тему натуральной оплаты труда затрагивают С.П. Постников и М.А. Фельдман, когда рассматривают бюджет рабочих и жилищные условия (Постников, Фельдман 2009). Их труд подводит читателя к очевидной мысли о том, что натуральные виды реализации заработной платы остались значительными и в советское время в виде общественных фондов потребления.

В Сибири также хозяйское содержание было традиционным при расчете с наемными рабочими. В 1860–1880-х гг. средние показатели доли «хозяйского содержания» на фабрично-заводских предприятиях

составляли 40% заработной платы, на золотых приисках – 25–35%, на рыбных промыслах – 40–50% (Рабочий класс... 1982: 140). В конце XIX – начале XX в. натуральные виды заработной платы в Сибири сохранили свои позиции, в том числе и в горной промышленности, несмотря на бурное развитие товарно-денежных отношений. Для выяснения факторов, определявших длительное сохранение натуральных видов оплаты труда в Сибири, важным представляется рассмотрение вопроса о видах выдачи заработка горнорабочих региона применительно к концу XIX – началу XX в. Это и является целью данной статьи.

Характеристика источников. Сложность данного исследования состоит в том, что сколько-нибудь полных общих данных о соотношении видов выдачи заработной платы по горной промышленности края в конце XIX – начале XX в. нет, так как горная статистика этого не учитывала. Основным источником информации о видах выдачи заработной платы горнорабочим является делопроизводственная документация горных предприятий. Она сохранилась в немногочисленных фондах акционерных обществ в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и сибирских региональных архивах. Важная информация содержится также в документах, отражающих деятельность горной инспекции, результаты исследований горных округов по заданию Комитета Сибирской железной дороги (отчеты по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности горных округов, труды приисковых врачей). В 1913 г. Горный департамент специально собрал сведения об условиях жизни рабочих, разослав анкеты горнопромышленным компаниям. Эти данные сохранились в фонде Горного департамента РГИА. Ряд сибирских предприятий заполнили такие анкеты, в том числе и сведения о видах выдачи заработной платы. В целом имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет судить о динамике видов заработной платы горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.

Структура выдачи заработной платы. Как и все рабочие России, горняки Сибири получали заработную плату в двух основных видах – денежной и натуральной. Под натуральной в данном случае подразумеваются «хозяйские харчи», выдача заработной платы товарами и продуктами из хозяйской лавки, обеспечение жильем, освещением, водой, топливом, продуктами производства предприятия, а также медицинское обслуживание и обучение детей. В соотношении видов заработной платы за 1895–1917 гг. произошли значительные изменения. В конце XIX в. наряду с тенденцией замены повременных расценок сдельными проявилось и стремление золотопромышленников заменить харчевание за счет хозяина денежными выплатами. В массовом масштабе замена произошла в рамках 1892–1898 гг. К началу века харчевание за счет хозяев сохранилось на единичных предприятиях. В 1895 г., судя по отчетам

горных управлений, только на приисках Мало-Патомского и Ленского товариществ рабочие находились на своем содержании. На других приисках довольствие было хозяйское (Вестник золотопромышленности... 1896. № 24: 442–443; 1897. № 4: 82). На горных заводах, рудниках рабочие не получали хозяйских харчей. В 1896 г. на свое содержание были переведены рабочие Южно-Енисейского округа (1897. № 11: 251), в 1897 г. – все рабочие. В Ленском округе на хозяйском содержании по 40 коп. в сутки находились лишь рабочие «Бодайбинской К^о» (1899. № 24: 570). В других округах таких предприятий также были единицы.

Хозяйское содержание было скудным и однообразным: хлеб без веса или ржаная мука от 2 до 2,5 пуд., мяса от 30 фунтов до 1 пуд. 5 фунтов, крупы от 7,5 до 10 фунтов, сала скотского 1,5 фунта или масла 0,5–1 фунт, чаю от 0,25 до 1 кирпича, винных порций сотая часть ведра (сотка) или ежедневно или в ненастные дни и праздники, квас, соли 3–5 фунта в месяц (Вестник золотопромышленности... 1896. № 24: 442, 443; 1897. № 4: 82). Стоимость подобного содержания была различной, в зависимости от горного округа и приисковых систем. В Томском округе она равнялась в 1895 г. от 3 руб. 6 коп. до 3 руб. 33 коп. в месяц, в Алтайском округе – до 4 руб., что составило от 1/5 до 1/6 всей заработной платы (1896. № 11: 224). В Южно-Енисейском горном округе довольствие обходилось в 7 руб. 50 коп. в месяц (четвертая часть заработка) (1897. № 11: 251). В «К^о Промышленности» хозяйский паек стоил 42 коп. в сутки, в «Бодайбинской К^о» – 40 коп., у «Лензото» – 50 коп. (Коренев 1903: 145, 148).

Скудность пайка очевидна. В «Бодайбинской К^о» рабочие тратили в сутки на питание 58 коп., т.е. на 40% выше назначенного пайка (Коренев 1903: 112). Рабочие Южно-Алтайского золотопромышленного дела тратили на питание в год сверх 48 руб. хозяйского содержания еще 28 руб., т.е. около 37% всех расходов на питание в сезон (Реутовский 1896: 225). Перевод на свое содержание использовался предпринимателями для скрытого понижения заработной платы. Так, в 1897 г. в Южно-Енисейском горном округе горнорабочие на своем содержании получали зимой 10–12 руб. в месяц, летом 15–27 руб.; на хозяйском содержании они получали соответственно 8–10 и 12–27 руб. (ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 277. Л. 73). Вместо 7,5 руб. стоимости пайка было прибавлено к заработной плате 2–3 руб. В конце XIX в. на горных предприятиях Сибири более половины заработной платы выплачивалось натурой – предметами первой необходимости и продуктами питания. Распределение заработной платы рабочих золотопромышленности в это время показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение заработной платы на приисках Сибири в конце XIX в.*

Группы золотых приисков, горные округа	Годы	Число рабочих в год	Среднегодовой заработок, руб.	Из него выдано, %						
				В задаток	В уплату податей	Выслано семьям	Наличными	Товарами	Осталось долгов	При расчете
Успенский Алтайского горного округа	1895–1899	36	240	24,3	0	4,4	1,0	53,5	2,5	14,3
Лебедские Алтайского горного округа	1895–1899	302	349,2	10,5	1,6	2,8	3,2	39,9	3,7	38,3
Необходимый Томского горного округа	1896–1899	101	133,5	8,0	2,0	0	5,5	58,0	1,6	13,9
Нижнеивановский Томского горного округа	1900	70	236,9	15,8	1,6	3,0	0,8	60,5	0	18,6
Южно-Енисейский горный округ	1896	4741	174,0	17,0	5,8	4,1	2,2	46,6	5,3	24,3
10 приисков Северо-Енисейского горного округа	1900	481	198,5	12,3	1,4	6,5	0,3	49,2	2,8	29,3
Карийские Нерчинского горного округа Кабинета	1896–1900	175	222,5	21,4	1,0	14,0	0	57,0	6,3	6,4
Ленский горный округ	1895–1898	16 908	256,7	2,0	1,0	2,5	5,2	48,4	0,9	40,0
Итого в среднем	1895–1900	22 814	226,4	12,9	2,1	5,3	2,6	50,7	3,3	23,1

* Источники подсчета: Бересневич И.П. С. 225, 254; Внуковский В.М. Приложения. С. 214, 215, 218, 230, 233, 239, 242, 243, 245–250, 252; Горбачев М.Ф. Т. 2. Таблица 4; Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Т. 2. Таблица экономического состояния округа; Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1905. № 7. С. 186.

Таким образом, 49,3% заработка приисковых рабочих в среднем приходилось на наличные деньги. Наличными рабочие получали в момент найма так называемые задатки. Они составляли в среднем до 13% заработка, но доходили и до 25% всей заработной платы. Задатки являлись порождением сезонности рынка рабочей силы: летом рабочих рук в Сибири не хватало, а в зимнее время наступала безработица. Золотопромышленники, чтобы заполучить рабочих на лето, нанимали рабочих зимой. Нанимаемые зимой подписывали в период жестокой нужды самые кабальные контракты и получали деньги вперед, в счет летнего заработка. По Правилам о найме рабочих на золотые промыслы 1895 г. задатки не должны были превышать при сдельной оплате 100 руб., в

остальных случаях 1/3 годовой оплаты (Вестник золотопромышленности... 1895. № 10: 170). Определенная законоположением норма, однако, часто превышалась. Так, в Восточно-Забайкальском округе задатки в 1898 г. достигали 125 руб. (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1627. Л. 120). В среднем же они колебались в пределах 25–30 руб. На Ленских приисках, где нужды в рабочих золотопромышленники не испытывали, задатки применялись редко и составили в 1895–1898 гг. 2% всей заработной платы. В начале XX в. с расширением рынка рабочей силы задатки стали постепенно исчезать из практики найма.

Кроме задатка, до прибытия на прииски, рабочие получали еще деньги для оплаты государственных налогов. Вернее, все податные статьи за нанимаемых рабочих выплачивал золотопромышленник. Эти расходы составили в среднем 2,1% заработной платы, или до 4,5 руб. Во время следования на прииски рабочие получали от хозяина сухой паек, в основном сухарями. Во время работ на приисках деньги рабочим практически не выдавались. В среднем денежные выдачи составляли до 2,6%. Трудно, однако, судить, насколько верны эти данные, потому что золотопромышленники имели обыкновение записывать в расчетные книжки рабочих выдачу винных порций как выплату наличными. Продуктами питания и товарами из приисковых амбаров рабочие получали в среднем половину всей заработной платы. В отдельных случаях доля таких выданных была выше и достигала 80–90%. Так, по сведениям И.Ф. Садовникова, в Ленском горном округе в 1908 г. рабочие «Памятного прииска К° Шелковникова и Славина» получили товарами и продуктами 83% заработной платы, рабочие прииска «Золотой Яр Блинова» – 90,8%, рабочие «Хлопотливого прииска Шагаева» – 92%, «Майского прииска Баронина» – 95% и т.д. (Садовников 1909: 153, 177, 207, 231).

Кроме этого, рабочие получали деньги для высылки семьям на место приписки. Эти расходы составляли до 5,3%. Наличными рабочие получали на руки один раз в год – осенью при общем расчете. Размеры так называемых додач были невелики, в среднем они составляли 23,1% всего заработка, или 52,3 руб. На богатых приисках додачи составляли до 40% всей заработной платы. На бедных – ниже 10%, а иногда таковых не было совсем. Так, на Карийских приисках в 1896–1900 гг. при среднем годовом заработке в 222,5 руб. рабочие получали при расчете лишь 6,4% всей заработной платы, при этом 6,3% заработной платы составляли невозвращенные управлению приисков долги рабочих. Следовательно, при уплате долгов все рабочие имели бы на руках только 0,1% общей заработной платы. Приведенные средние подсчеты подтверждаются как архивными источниками, так и наблюдениями современников. Из сохранившегося в фонде окружного инженера Томского горного округа дела о нерасчете с рабочими золотопромышленника

Попова можно определить, что средний размер додачи составил 30,3 руб. При этом до 30 руб. получили 31 рабочий, до 50 руб. – 42 рабочих, больше 100 руб. получили 2 (ГАТО Ф. 428. Оп. 3. Д. 1906. Л. 35–37).

Е.Н. Коренев привел в своей диссертации подсчеты размеров выдачи рабочим «Бодайбинской К^о» денег при окончательном расчете. Из 2 120 рабочих 1 124 человека, или 53,02%, получили менее 50 руб.; от 50 до 100 руб. – 512 человек, т.е. 24,15%; от 100 до 300 руб. – 410 рабочих, т.е. 19,30%; свыше 300 руб. получили лишь 3,53% рабочих (Коренев 1903: 153). Как указывает Е.Н. Коренев, учитывая расходы на обратный путь, 15% рабочих вернулись бы после года работы без гроша в кармане. При одном в году расчете с рабочими, который был закреплен традицией и законодательством, золотопромышленники получали в руки дополнительные суммы наличных денег, которые становились еще одним источником дохода. По сути дела, получалось беспроцентное кредитование рабочими своих предпринимателей. При 7,5–9% учетных ставок в банках Сибири такое кредитование как нельзя лучше устраивало золотопромышленников.

Деньги рабочих, трудившихся 2–3 и более лет на приисках, оставались в сейфах предпринимателей. Крупные компании были должны рабочим громадные суммы денег. «К^о Промышленности» в 1897–1898 гг. была должна рабочим 356 168 руб. 72,5 коп. (Коренев 1903: 153). «Верхне-Амурская К^о» к 1 января 1913 г. имела долгов рабочим 134 992 руб. 86 коп. Горный инженер Зейского округа назвал это «обычным явлением» (РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 602. Л. 5). «Лензото» ежегодно было должно рабочим от 300 до 460 тыс. руб. (Блек 1923: 39). В 1911 г. «Лензото» наконец-то выплатило рабочим 400 тыс. руб., которые на 9/10 были положены рабочими в сберегательную кассу (ГАИО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 14).

Натуральная оплата труда на приисках применялась вплоть до 1917 г., всегда составляя около половины заработной платы. Другие статьи распределения заработанных денег несколько изменились. После 1907 г. практически исчезли задатки, уменьшилась сумма, уплачиваемая в подати, увеличились выплаты наличными во время работ на приисках, уменьшились доля долгов рабочих и размеры додач. Это можно продемонстрировать на примере Южно-Енисейского горного округа. По этому округу наиболее полно сохранились отчеты исправников, где всегда приводились данные о распределении заработной платы рабочих.

Задатки, судя по данным табл. 2, сократились здесь с 8,6 до 1,4% за 10 лет, а в 1914 и 1916 гг. они не выдавались. Семьям высылалось в среднем 5–7% заработка. В подати рабочие отдавали в 1916 г. в 6 раз меньше денег, нежели в 1897 г. Более чем в 10 раз выросли выдачи

наличными. В то же время выдачи натурой сохранились на прежнем уровне – не менее 50% всех видов оплат. Количество денег, выданных при окончательном расчете, снизилось почти вдвое, вследствие все большей оседлости рабочих на приисках. Долги рабочих стали составлять менее 1% против 3,0–4,9% в конце XIX в.

Таблица 2
Структура заработной платы на приисках Южно-Енисейской тайги
в 1897–1916 гг., %*

Годы	Задаток	Выслано семьям	Подати	Выдано наличными	Товарами и продуктами	Выдано при расчете	Долги
1897	8,6	3,7	4,9	2,2	42,3	35,3	3,0
1900	5,3	7,6	3,0	4,7	63,6	10,9	4,9
1907	1,4	3,9	0,4	13,0	40,9	38,5	1,9
1914	–	15,9	0,7	16,2	52,4	14,2	0,6
1916	–	5,3	0,8	22,4	52,9	18,2	0,4

* Источники подсчета: ГАКК. Ф. 543. Оп. 1. Д. 267. Л. 24; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 277. Л. 74; Д. 326. Л. 182; Д. 427. Л. 7; Д. 532. Л. 145.

Выдачи натурой были по-прежнему велики и на других предприятиях. Так, в Ленском округе в 1907 г. натурой выплатили почти 60% всего заработка рабочих (Тульчинский 1909: 117). В 1916 г. такие выдачи в этом округе составили не менее четверти всей заработной платы (РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 6). Анализ расчетных книжек рабочих за 1912–1914 гг. показывает, что рабочие получали на приисках иногда до 90% заработной платы натурой (табл. 3).

Таблица 3
Выдержки из расчетных книжек рабочих
Енисейского горного округа за 1912–1914 гг.*

Фамилия рабочего	Специальность	Кол-во месяцев работы	Заработок, руб.	Выдано продуктами и товарами	
				руб.	% к заработной плате
Прист	Драгер	9	840,70	282,13	33,6
Рогов	Забойщик	11	203,21	108,87	53,1
Кожевников	Чернорабочий	5	231,34	102,30	44,5
Бузунов	Плотник	8	281,00	201,39	71,7
Бузунова	Стряпка	5	144,50	17,28	12,0
Тилянов	Чернорабочий	5	149,00	90,16	60,4
Трубачев	Чернорабочий	2	39,00	33,88	86,8
Жуков	Чернорабочий	4	159,25	24,70	15,5
Проскуряков	Драгер	5	608,32	199,70	32,8
Бельский	Чернорабочий	3	90,00	35,04	28,9

* Источники подсчета: ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 140. Л. 158–167; Ф. 552. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–23, 35, 59–64, 83–87, 110–115, 116–118; Д. 36. Л. 79–82, 97–123; РГИА. Ф. 88. Оп. 1. Д. 391. Л. 129–140.

Рабочие получили продуктами и товарами из лавок свыше трети всего заработка, исключение составили двое: стряпка – 12% и чернорабочий Жуков – 15,5%, которому посчастливилось найти подъемное золото.

На приисках «Лензото», по сведениям правления компании, в ноябре 1911 г. выдачи продуктами и товарами составили 49,8%, в феврале 1912 г. – 42,7% (Доклад директора... 1912: 16). Продукты и товары рабочими получались из приисковых амбаров и магазинов. Они различались по статусу и ценам. В амбарах рабочим товары и продукты продавались по ценам, утвержденным горными окружными инженерами. Инженер получал проекты такс цен от промышленников, сведения о ценах в местах закупки, прибавлял к ним расходы на доставку и хранение. Таким образом, получались таксы цен на приисках, которые разнились даже на приисках одной речной системы. Таксы предусматривали не более 5% прибыли. Однако они часто не соблюдались. Золотопромышленники продавали товары и продукты выше таксовых цен, делали пересортицу, обмеры и обвесы вошли в обычай. На заседаниях Присутствий по горнозаводским делам довольно часто рассматривались дела о превышении таксовых цен, неправильном ведении расчетных книжек, о невыдаче последних (ГАИО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 255. Л. 13, 21–25, 29, 45, 51–57, 65–71, 84, 121, 316; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 270. Л. 191, 354, 400, 437, 450, 454; Д. 287. Л. 10, 12, 20–21, 33–34, 49, 51). Размеры штрафов 50–100 руб. были чувствительны только для мелких золотопромышленников, но что значил подобный штраф для гигантов типа «Лензото» или «Золоторосса»? Деньги рабочим, даже после вскрытия злоупотреблений, возвращались редко. Можно привести несколько примеров злоупотреблений. В июле 1913 г. на Пророко-Ильинском прииске «Лензото» обнаружили 5 вагонов с продуктами на 3 тыс. руб. Оказалось, что они явились результатом обвешивания и обмеривания рабочих и на балансе компании не числились (Ленские прииски 1937: 371). В 1910–1911 гг. «Лензото» продавало мясо выше таксы цен, утвержденной окружным горным инженером. Чистая прибыль от этой операции составила 13,6 тыс. руб. Деньги рабочим не вернули (247). Рабочие «Лензото» в 1912 г. писали сенатору Манухину, что цены в магазинах выше, чем в амбарах, а в амбарах такого товара нет, на талоны не дают сдачи, частных торговцев гонят (250). Можно упомянуть и то, что поводом для Ленской забастовки 1912 г. явилась выдача некачественного мяса. Горному исправнику поступили после Ленского расстрела десятки протоколов, подтверждающие это. Установлены были также факты массовой расплаты талонами (ГАИО. Ф. 135. Оп. 4. Д. 2. Л. 139, 147).

Расплата талонами была двух видов. Талоны выдавались на приисках для покупки продуктов в магазинах, где шла продажа по коммерче-

ским ценам. Талонами золотопромышленники также рассчитывались с рабочими на приисках при окончательном расчете, чтобы в жилом месте талоны обменять на деньги. И то и другое было запрещено законоположениями и циркуляром генерал-губернатора Восточной Сибири А.Д. Горемыкина в 1895 г. Тем не менее такой расчет практиковался (ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 222. Л. 3–4; Д. 341. Л. 28–29, 221–223, 234–237, 394; ГАИО. Ф. 135. Оп. 4. Д. 2. Л. 139, 147). Рабочие, долго не получая денег, иногда продавали квитанции, ордера или талоны за полцены, чтобы получить наличные. Были случаи нерасчета. В 1902 г. золотопромышленник Гайлевич скрылся, не выдав рабочим 177 руб. 68 коп. (ГАТО. Ф. 428. Оп. 3. Д. 1839). В 1914 г. контора наследников Савиных оказалась должна рабочим 9 719 руб. 20 коп. Их зачислили в кредиторы после банкротства компании, что означало практически потерю денег (ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 341. Л. 477). На случаи частого нерасчета указывал енисейский губернатор, требуя отмены постановления Томского горного управления о расчете рабочих в Енисейске (Д. 341. Л. 234). Лавки и амбары золотопромышленников являлись монополистами в снабжении рабочих предметами питания и товарами. Другие торговцы на прииски не допускались. Так, К.Н. Тульчинский, горный инженер Витимского округа, в отчете за 1912 г. отмечал, что «Лензото» запретило торговлю на приисках мелким торговцам (ГАИО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 28).

Каждый золотопромышленник являлся одновременно и торговцем. Мелкие золотопромышленники получали от торговли иной раз больше прибыли, чем от добычи золота. Продавая вольностарателям и золотничникам товары и продукты, они получали прибавочную стоимость в форме торговой прибыли от оборота золото – товары, а также в форме арендной платы с золотничных артелей. Е.Н. Коренев писал о торговле на приисках: «Золотопромышленные компании, как мелкие, так и крупные, на свои магазины и амбары смотрят как на выгодное побочное предприятие, которое в иных компаниях давало больше дохода, чем самое золотопромышленное дело» (1903: 109). О торговле на приисках писали также другие исследователи (Садовников 1909: 10; Горбачев 1903: 183, 184; Колычев 1904: 57). Отношения хозяина прииска с золотничниками следует рассматривать как торговые отношения торговца-скупщика к кустарям по типу отношений, характерных для стадии простой капиталистической кооперации. Такого промышленника следует считать торговцем в чистом виде. В этом признавались и сами золотопромышленники. В прошении золотопромышленников Олекминской тайги министру торговли и промышленности от 16 февраля 1915 г. можно прочесть следующее «...числясь золотопромышленниками и неся, как таковые, все налоги и подати, местные золотопромышленники в действительности являются только торговцами» (РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1301. Л. 1).

Для подтверждения вышесказанного можно привести ряд примеров. Так, А.А. Колычев считал, что доход от приисковых лавок – не менее 20% вместо положенных 5% (1904: 57). На приисках Лебедской системы Южно-Алтайского золотопромышленного дела в 1895–1899 гг. от разработки получено убытка 41,9 тыс. руб., от лавок и амбаров получено прибыли 33,6 тыс. руб. (Фрейман 1910: 195). Павловский прииск в 1900 г. принес С. Востротину убыток в 20,7 тыс. руб., а амбары дали прибыль в 500 руб. (Внуковский 1905. Т. 1: 203). В 1909 г. лавка Бериккульского рудника в Мариинской тайге дала прибыль в 3 тыс. руб. (Бересневич 1912: 350).

Обороты и прибыли крупнейших золотопромышленных компаний соперничали с крупными торговыми фирмами. «Верхне-Амурская К^о» в 1910–1911 гг. получила прибыли от торговли в размере 125,5 тыс. руб. В 1905–1906 гг. прибыли этой компании от торговли составили 227,2 тыс. руб., а от разработки приисков – 185,4 тыс. руб. (РГИА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 68, Л. 1–2; Д. 78. Л. 1–2). «Ивмарзоло» в 1914 г. почти 30% всей прибыли получило от амбаров (РГИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 33. Л. 22). «Лензото» в 1895–1896 гг. имело доход от торговли в размере 168 518 руб. В 1909–1910 г. чистая прибыль компании от торговли составила 277 тыс. руб. В 1915–1916 гг. валовая прибыль от лавок составила 585,8 тыс. руб., компания имела на 30 сентября 1916 г. товаров и продуктов на 9,4 млн руб. (РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 273. Л. 2–3; Д. 292. Л. 2–3; Д. 299. Л. 2–4). Прииски Сибири являлись одним из самых крупных в крае потребителей товарного хлеба, мяса и других продуктов. Если принять среднее потребление в месяц одним рабочим хлеба в 3 пуда, мяса в 1 пуд, то при 30 тыс. рабочих в золотопромышленности в конце XIX в. получится, что через руки золотопромышленников проходило в год не менее 1 080 тыс. пудов хлеба, 360 тыс. пудов мяса, к 1917 г. эти цифры увеличились до 1 512 и 504 тыс. пудов соответственно. То, что эти цифры не далеки от реальных, можно подтвердить следующими подсчетами. В 1891–1900 гг. на прииски Северно-Енисейского горного округа в среднем в год доставлялось 93 527 пудов хлеба и 36 578 пудов мяса при 3 750 рабочих, т.е. на одного рабочего завозилось 2,5 пуда хлеба и 0,97 пуда мяса (Внуковский 1905. Т. 2. Приложения: 436). В Южно-Енисейском горном округе в 1893–1897 гг. подобные показатели равнялись 3,55 пуда и 1,27 пуда (Тове, Горбачев 1903. Т. 2: Таблица экономического состояния округа).

К другим видам натуральной заработной платы на приисках края следует отнести бесплатное предоставление рабочим и членам их семей жилищ с отоплением и освещением. Во сколько обходилось золотопромышленникам это «благодаяние», подсчитать трудно. Оно диктовалось интересами производства, было закреплено законоположениями. Излишне говорить, что на этой статье расхода предприниматели эконо-

мили всеми средствами. О качестве построек типа казарм говорит тот факт, что рабочие при малейшей возможности строили свои домики. О жилищах рабочих подробнее будет рассказано ниже. Здесь следует остановиться только на стоимости их хозяевам и, следовательно, о величине этого вида натуральной платы. Некоторые сведения можно почерпнуть из отчетов акционерных обществ. Приведенные ниже данные из отчетов компаний наглядно демонстрируют ничтожность расходов на отопление и освещение. Так в «Спасской К^о» в 1906–1907 гг. на этой статье расхода числилось 300 руб., заработок рабочих – 8,2 тыс. руб. (с медицинским обслуживанием), т.е. на отопление и освещение затрачено 3,6% всей заработной платы (ГАКК. Ф. 534. Оп. 1. Д. 11. Л. 30). При этом взята стоимость отопления и освещения всех приисковых зданий. Следовательно, сумму нужно сократить минимум в 2 раза. Судя по отчету «Александровской К^о» за 1905–1906 гг. доля освещения и отопления казарм в сумме заработной платы составила 2,1% (ГАКК Ф. 532. Оп. 1. Д. 12. Л. 20). Акционерное общество Ольховских золотых рудников в 1915 г. на содержание квартир потратило 2,3 тыс. руб., что составило от общей заработной платы рабочих и служащих 3,2% (РГИА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5; Д. 11. Л. 27).

Подробный анализ расходов компании на заработную плату рабочим провели авторы доклада правления «Лензото» А.Г. Гинцбург и П.М. Саладилов. В табл. 4 приводятся их подсчеты на 1905–1906 – 1910–1911 гг.

Таблица 4

Расходы «Лензото» на рабочих в 1905–1906 – 1910–1911 гг.*

Статья расходов	Сумма расходов, руб.	% к итогу
Заработная плата (деньгами, товарами, продуктами)	19 215 214,00	84,83
Пособия, пенсии, вспомоществования	1 553 41,48	0,68
На похороны	5 000,32	0,02
Стоимость проезда	101 163,33	0,44
Долги за бежавшими и уволенными	18 743,69	0,08
Содержание богадельни	3 722,25	0,01
Угощение в праздники и подарки детям	246 328,66	1,08
Санитарная служба и обслуживание казарм	515 153,27	2,23
Содержание Народного дома	29 126,24	0,13
Содержание больниц	619 607,00	2,73
Содержание церквей	84 106,00	0,37
Содержание училищ	90 808,00	0,40
Отопление и освещение казарм	779 797,00	3,44
Постройка и ремонт помещений для рабочих	807 925,00	3,56
Итого сумма затрат, кроме зарплаты:	3 377 370,0	15,17
В среднем на годового рабочего в день	0,409	14,87
Итого сумма расходов:	22 692 585,0	100,0
В среднем на годового рабочего в день	2,75	100,0

* Доклады правления Ленского золотопромышленного товарищества о забастовке. СПб., 1912. С. 67–69.

Таким образом, расходы «Лензото» на жилье рабочих (постройка, ремонт, отопление, освещение, уборка помещений) составили за 1905–1911 гг. 9,23% всех расходов компании, связанных с наймом рабочих. Эту цифру нельзя не признать минимальной. Достаточно сказать, что расходы сибирских железнодорожников на квартиры составляли, по подсчетам Б.И. Земерова, от 25 до 30% фактического заработка (Земеров 1973: 127), нефтяников Бакинского района – от 20,5 до 41,5% (Условия быта... 1958: 74).

На медицинское обслуживание рабочих было затрачено 2,73% всех расходов, на образование – 0,40%, на религиозные потребности – 0,37%, на различные подарки и содержание Народного дома – 1,21%, на социальное обеспечение – 0,71%. Всего же затраты по найму рабочих «Лензото», помимо заработной платы, составили 15,17% всех расходов, связанных с покупкой рабочей силы. Из них на натуральные виды заработной платы и обслуживание, считая, что товарами и продуктами выдавали от 40 до 50% заработной платы, составляли от 54 до 64% всех расходов.

Расходы «Лензото» на жилье, медицинское обслуживание, образование, религиозные потребности рабочих были ниже средних для всей золотопромышленности. Действительно, в Северно-Енисейском горном округе в 1892–1900 гг. средний расход на медицинское обслуживание рабочего составлял 5–6 руб. в год, или 3% от заработной платы (Внуковский 1905. Т. 1: 453). В Енисейском горном округе в 1915 г. затраты на медицинское обслуживание составили 4,7% от заработной платы рабочих и служащих (ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 544. Л. 152, 154, 156). В Алтайском горном округе в 1915 г. они составили 4% (Д. 544. Л. 255, 348–353). По некоторым видам натуральной оплаты труда и обслуживания можно привести данные на 1911–1913 гг. в ряде крупных золотопромышленных предприятий (в % ко всей зарплате) (табл. 5).

Кроме того, 9–11% к заработной плате тратилось золотопромышленниками на содержание жилищ для рабочих. Всего же около 60% всей заработной платы рабочие получали через натуральные ее виды и обслуживание. Структура выдачи заработной платы рабочих золотопромышленности края, таким образом, резко отличается от таковой для рабочих фабрично-заводской промышленности Европейской России. Последние в 1900–1914 гг. получили 90,9% всей заработной платы наличными, 5,9% продуктами из фабричных лавок, 2,3% из кооперативных, 0,9% харчами (Струмилин 1964: 319). Фабрично-заводские рабочие не получали таких видов натуральной оплаты, как медицинское обслуживание и образование, не имели они, в отличие от горняков Сибири, и жилищ от хозяев. Структура выдачи заработной платы в золотопромышленности края в целом характерна для всей горной промышленности Сибири.

Таблица 5

**Структура расходов некоторых золотопромышленных компаний
на рабочую силу в 1911–1913 гг., %***

Предприятие	На товары и продукты	На медицинское обслуживание	На школы	Итого
Верхне-Амурская К ^о	68,0	2,5	0,14	70,64
Прииски Новомейского	51,1	1,6	–	52,7
Прииски Я.Д. Фризера	80,8	3,3	–	84,1
Прииски Бр. Шумовых	31,8	4,8	–	36,6
Алтайская золотопромышленная К ^о	35,0	4,0	–	39,0
Южно-Алтайское золотопромышленное дело	48,4	5,8	1,4	55,6
К ^о Рязановых, Баландиных	44,7	4,3	–	49,0
Ононские прииски «Золоторосса»	27,0	3,9	–	30,9
Прииски Горелова и К ^о	70,8	2,4	–	73,2
Прииски «Лензото» в Ленском округе	19,8	4,6	0,5	24,9
Андреевский рудник Некрасова	65,2	5,5	1,0	71,7
В среднем:	49,3	3,9	0,3	53,5

*Подсчитано по анкетам статистических сведений об условиях жизни рабочих (РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 404. Л. 15, 17; Д. 405. Л. 7, 12; Д. 413. Л. 13; Д. 433. Л. 6; Д. 559. Л. 3–6; Д. 581. Л. 8, 25–26; Д. 602. Л. 19).

По угольным копиям наиболее полные сведения имеются о Черембассе. В 1908–1911 и 1913–1914 гг. владельцы Черемховских копей на покупку рабочей силы затратили 479 8173 руб., из них товарами и продуктами из лавок было выдано 975 317 руб., или 20,3%, затраты на медицинское обслуживание составили 215 317 руб. (4,5%), на образование – 66 529 руб. (1,4%), на социальное обеспечение – 125 221 руб. (2,6%) (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 449. Л. 13, 14, 22–24; Д. 1757. Л. 26–27; Д. 1783. Л. 134–136; Д. 1797. Л. 147–150; 20. Д. 1179; Горные и золотопромышленные известия. 1911. № 19. С. 205, 206; № 20. С. 214; РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1179. Л. 66, 90). Натуральные виды заработной платы и обслуживание составили, таким образом, 26,2%. В 1911 г. на копиях Восточной Сибири выдача заработной платы товарами и продуктами составила 25,9% от всех затрат на оплату рабочей силы, на медицинское обслуживание пришлось 3,7%, на образование детей рабочих – 1,0%, социальное обеспечение – 2,2% (РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 405. Л. 240). Следовательно, натурой было выдано 30,6% от всей заработной платы. В 1913 г. выдача продуктами на этих копиях составила 29,0%, затраты на медицинское обслуживание – 3,9%, на образование – 1,0%, на социальное обеспечение – 1,4% всех расходов на оплату рабочей силы (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1747. Л. 146–150, 156–158; РГИА. Ф. 37.

Оп. 75. Д. 404. Л. 29–32). Все натуральные выдачи составили 33,9% от заработной платы.

Конкретно по некоторым предприятиям, по данным юриконсультанта Иркутского горного управления на 1913 г., расчет товарами и продуктами из лавок намного превышал средние показатели. Так, через лавку выплачивалось в Московско-Сибирском обществе 54% заработной платы, у Мильнера – 45%, у Гришевского общества – 68%, Ивано-Матвеевского товарищества – 43% (РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 227. Л. 15–17; Оп. 77. Д. 1179. Л. 66, 90, 117).

На Анжерских копиях расчет ордерами в лавке составил в 1909 г. 10%, а ранее – до 25% (ГАТО. Ф. 215. Оп. 8. Д. 437. Л. 16). На копиях «Копикуза» выдача заработной платы товарами и продуктами не зарегистрирована. Здесь затраты на медпомощь и образование составили в 1913 г. 4 и 1% соответственно (РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 581. Л. 21–24). На копиях Л.А. Михельсона на медпомощь тратилось до 1,31%, на образование – 0,47%, на церковь – 0,33%, на пенсии и пособия – 0,9%, на квартиры – 6,24% всех расходов на приобретение рабочих рук с учетом строительства квартир (Подсчет на основе официальных данных – ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 133–134; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 599. Л. 10).

Рабочие на копиях пользовались либо хозяйскими помещениями, либо строили собственные дома, либо снимали квартиры. Квартплата в хозяйских домах была небольшой. На Судженских копиях она равнялась 20 коп., на некоторых Черемховских рудниках – от 30 до 75 коп. с человека в месяц. При пользовании квартирами на стороне должны были выдаваться квартирные деньги. Они выдавались нерегулярно и не покрывали всех расходов, связанных с наймом жилья. В 1912 г. на Черновских копиях квартирные составили 1 руб. на холостого и 2 руб. на женатого рабочего в месяц. На копиях Маркевича квартирные выдавались в размере 5% от заработка, или 2 руб. в месяц. На копиях Щелкунова лишь некоторым рабочим выдавали квартирные 2,5 руб. в месяц и т.д. Рабочие копеек постоянно требовали выдачи квартирных денег или их увеличения (РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 630. Л. 347; Д. 714. Л. 475, 477; Д. 776, Л. 84).

Расходы предпринимателей на квартиры рабочим были незначительны и не составляли большой доли в общей сумме заработной платы шахтеров. Так, в 1914 г. на 8 каменноугольных предприятиях Сибири (в подсчет вошли копи Мильнера, Гришевского общества, Маркевича, Московско-Сибирского общества, Замятиных, Собещанского, Кольчугинские, Ивано-Матвеевские) на содержание квартир для рабочих в июле было затрачено 2 822,2 руб. при основной заработной плате в 69 234,8 руб. Зная, что в среднем на другие расходы по найму рабочей силы (медицинское и социальное обеспечение, образование) тратилось в среднем 7,5% от общей суммы затрат, не составит большого труда

подсчитать долю квартирных расходов. Она составила 3,6% общих расходов на рабочую силу. В 1916 г. она равнялась на тех же предприятиях 2,6% (РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 592. Л. 4, 5, 20, 21; Д. 600. Л. 4–5, 9–10; Д. 605. Л. 7, 12–15). Таким образом, средние цифры распределения заработной платы шахтеров в Сибири будут следующими: наличными основная заработная плата – 64–69%; в виде пособий и пенсий – 2,5%; в виде медицинского обслуживания – 4%; образования детей – 1%; предоставления жилья – 2,6–3,6%; продуктами и товарами из лавок – 20–25%; всего натуральные выдачи и обслуживание составляли 31–36%.

Качество предоставляемого обслуживания оставляем за рамками этого исследования. Здесь только отметим, что предприниматели экономили на натуральной заработной плате так же, как и на денежном ее варианте. Школ и больниц в шахтерских поселках всегда не хватало, пенсии не обеспечивали прожиточного минимума. Видимо, нет необходимости говорить подробно о том, что качество товаров на копейках не отличалось от такового в приисковых лавках, что таксы цен, утверждаемые инженером, постоянно нарушались, что обвесы и обмеры были обычным явлением. Все это значительно уменьшало реальный заработок шахтеров.

На других горных предприятиях края выдачи натуральной заработной платы также были велики. В табл. 6 приводятся данные по некоторым предприятиям на 1911–1913 гг.

Таблица 6
Виды выдачи заработной платы на заводах и рудниках Сибири в 1911–1913 гг.*

Предприятие	Число рабочих	Годовая заработная плата, руб.	Доля натуральных видов, %			
			Товарами и продуктами	Медицинское обслуживание	Образование	Всего
Первое сибирское товарищество по эксплуатации асбеста	17	4 178,2	33,3	8,6	–	41,9
Илгинский завод Новомейского	27	4 782,4	41,7	5,2	–	46,9
Брянская каменоломня	110	42 140	23,8	–	4,4	28,2
Киранский солеваренный завод	18	3 782,8	13,2	8,0	–	21,2
Змеиногорский рудник	187	53 673	–	1,2	–	1,2
Тельбесский рудник	84	21 298	–	1,9	–	1,9
Троицкий солеваренный завод	34	9 305,1	2,1	6,3	–	8,4
Иркутский солеваренный завод	158	64 026	17,1	2,4	–	19,5

* Источники подсчета: РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 404. Л. 14, 23–24, 33–34; Д. 413. Л. 1; Д. 433. Л. 3; Д. 581. Л. 3, 33–34; ГАНО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1785, Л. 19–20.

На горных заводах и рудниках, таким образом, выдачи заработной платы натурой колебались от 1,2 до 46,9%, в зависимости от места расположения предприятия. Рудники Алтая, Троицкий солеваренный завод лавок не имели, в селах были школы министерства просвещения. Эти предприятия тратили деньги только на медицинское обслуживание. На горных заводах и рудниках Иркутской губернии и Забайкалья, где система розничной торговли была слабее, часть заработной платы (от 13,2 до 41,7%) выдавалась продуктами и товарами. Доля затрат на медицинское обслуживание была тем выше, чем меньше предприятие. Расходами на образование горнопромышленники могли себя не утруждать. Из восьми предприятий только одно – Брянские каменоломни – затратило средства на обучение детей рабочих.

На казенных солеваренных заводах в качестве натуральной заработной платы выдавалась мука по 2 пуда на взрослого рабочего, по 1 пуду на их жен и детей до 12 лет (Вестник золотопромышленности... 1897. № 3: 49). Кроме того, выдавалась спецодежда или деньги на нее: 20 руб. в год – рабочим, 10 руб. – женщинам, 30 руб. – пожарным (ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 241. Л. 25). Соли на рабочего в год выдавалось бесплатно до 1,5 пуда. В Иркутском солеваренном заводе все выдачи заработной платы в 1899 г. распределялись следующим образом: из общей суммы 55 350 руб. основная заработная плата наличными составила 59,1%, премия за перевар соли – 17,1%, выдано на приобретение спецодежды – 4,8%, выдано мукой – 16,5%, солью – 0,26%, на медицинское обслуживание – 2,2%. Итого в натуральном виде выдано 19,0% заработной платы (Д. 242. Л. 167). На Усть-Кутском заводе натуральные статьи заработной платы составили в 1900 г. до 6% (13. Д. 281. Л. 59). На горных заводах края была распространена расплата с рабочими продуктами производства – железными и чугунными изделиями и солью. Так, на Троицком заводе в конце XIX в. применялись три вида расчета – наличными, товарами из лавки хозяев и солью. Расплата была крайне нерегулярной, сразу рабочие получали 3–5 руб. (М.С. 1902: 53) При расчете ордерами рабочие теряли до пятой части заработной платы, при расчете солью – более половины. Выданную соль рабочий не мог продать по ценам завода, тратил средства на транспорт (55–56).

На Николаевских заводах рабочие получали заработную плату «почти исключительно разными товарами из заводской лавки». При расчете квитанциями рабочие теряли 15–20% заработка, а в период краха завода квитанция в 20 руб. стоила 7–8 руб. Вместо денег в селе ходили кирпичи чая по 80 коп. за штуку (Восточное обозрение. 1895. № 117; 1896. 12 янв.; 1898. 20 мая; 1899. 29 мая). Деньгами выдавалось 2–3 руб. в месяц, т.е. не более 10% заработка (1895. № 117). Кроме выдач заработной платы товарами и продуктами, заводоуправление оказывало бесплатную медицинскую помощь, содержало школу для детей рабо-

чих. В 1898 г. на Новый год ученикам заводу управление выдало необходимую одежду (1898. 18 янв.). Заработная плата на заводе выдавалась нерегулярно. К весне 1899 г. завод был должен рабочим 150 тыс. руб. К этому времени рабочие сами имели долгов 41,2 тыс. руб. через расчет квитанциями и выдачу хлеба (1899. 28 апр., 13 авг.).

На Абаканском заводе структура выдачи заработной платы рабочим и служащим в 1889–1894 гг. была следующей: из 476 082 руб. 2 коп. выдано наличными 24,4%, продуктами и товарами – 62,1%, металлами – 13,5% (Вестник золотопромышленности... 1895. № 1: 18). Кроме этого рабочие получали бесплатную медицинскую помощь, завод содержал церковь, выдавал бесплатно вино. В 1894 г. эти расходы составили соответственно 9,0; 1,8 и 3,9% всех доходов артели рабочих (17).

Выводы. Имеющийся в нашем распоряжении материал однозначно свидетельствует, что заработная плата горнякам Сибири выдавалась как наличными, так и в натуральном виде. Наличные выдавались в виде задатков, уплаты за рабочих налогов, выплат во время срока найма один-два раза в месяц и после окончания срока найма. Следует отметить тенденцию к увеличению третьего вида выплат наличными. Натуральная заработная плата выдавалась в следующих видах: товарами и продуктами из хозяйских лавок или из лавок других торговцев через талоны и квитанции; оказанием медицинской помощи рабочим и членам их семей; расходами на образование детей рабочих; содержанием церквей; предоставлением и содержанием жилищ; продуктами производства предприятий; различными праздничными подарками и угощениями. Более всего натуральные виды оплаты были распространены на золотых приисках и частных горных заводах. Здесь натуральные виды оплат достигали 80–90%, в среднем же от 54 до 64% – на приисках, и от 40 до 75% – на заводах. На казенных заводах натуральная плата достигала 21–24%, при этом на копиях Восточной Сибири – до 33% заработной платы, на копиях Западной Сибири 5–10%, с учетом же расплаты талонами – до 20%.

Следует отметить, что доля натуральной заработной платы на горных предприятиях Сибири не обнаруживала тенденции к уменьшению и в среднем составляла 30–50% от всех видов заработной платы горняков края. Таким образом, горнорабочие Сибири получали в начале XX в. натурой в 3–5 раз больше, чем рабочие Европейской России. Основная причина этого лежит в слабости розничной торговой сети Сибири, которая не охватывала горные поселки. Роль торговцев брали на себя управления предприятий. В советское время эту же роль выполняли отделы рабочего снабжения – ОРСы. Хозяйские лавки занимали монопольное положение со всеми вытекающими отсюда последствиями – завышением цен, отсутствием контроля за качеством товара. Предприятия, расположенные в обжитой местности Сибири, отказывались от торгово-снабженческой функции.

Литература

- Бересневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1.
- Блек А.Л.* Рабочие на Ленских золотых приисках // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 10.
- Вестник* золотопромышленности и горного дела вообще.
- Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского горного округа. СПб., 1905. 454 с.
- Восточное обозрение.* Иркутск.
- Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского округа. СПб., 1903.
- Горные* и золотопромышленные известия.
- Государственный архив* Иркутской области (ГАИО).
- Государственный архив* Красноярского края (ГАКК).
- Государственный архив* Томской области (ГАТО).
- Доклад* директора распорядителя барона А.Г. Гинцбурга и кандидата в члены правления П.М. Саладиллова о командировании их на прииски // Доклады правления Ленского золотопромышленного товарищества о забастовке. СПб., 1912.
- Земеров Б.И.* К экономическому положению рабочих Сибирской железной дороги накануне революции 1905–1907 гг. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8.
- Кириянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Кольчев А.А.* Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб.: Северное эхо, 1904. Т. VIII. 166 с.
- Корнев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1903. 256 с.
- Ленские прииски.* Сборник документов. М., 1937. 566 с.
- М.С. Троицкий* солеваренный завод // Сибирский сборник. Иркутск, 1902.
- Маркс К.* Заработная плата // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1957. Т. 6.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
- Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 24.
- Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., РОССПЭН, 2009. 368 с.
- Рабочий класс* Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
- Реутовский В.* Золотоносный район Томского горного округа // Вестник золотопромышленности. 1896. № 11.
- Российский государственный исторический архив* (РГИА).
- Садовников И.Ф.* Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909.
- Струмилин С.Г.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 3.
- Тове Л.Л., Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899. Т. 1, 2.
- Тульчинский К.Н.* Восточно-Сибирская горная область в 1907 году. Томск, 1909.
- Условия* быта рабочих в дореволюционной России. М., 1958.
- Фрейман Э.К.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб., 1910.
- Энгельс Ф.* Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 18.

Энгельс Ф. «Анти-Дюринг» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20.

Статья поступила в редакцию 17 марта 2014 г.

Zinovyev Vasily P., Tomsk State University (Tomsk, Russia)

CATEGORIES OF WAGES FOR SIBERIAN MINE WORKERS IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES*

Abstract. The correlation of natural and monetary wages is an indicator of the maturity of the capitalist production. The higher is the share of cash in a wage, the more “purified” the relationship between the labour and the capital is supposed to be. This topic received much attention in the classical Marxist analysis of capitalist production. The paper analyzes the categories of wages paid to Siberian mine workers in the late 19th to the early 20th centuries. At that time the market and infrastructure were underdeveloped, and business owners were compelled to provide their employees with lodging, board and other services, reducing the share of cash remaining at the employees’ disposal. In Siberian mining industry natural wages which created the conditions for the “secondary” exploitation of workers and engendered social conflicts were almost never substituted for money. In the 19th century Siberia master’s board and lodging were a traditional means of payment to employees. In the 1860s to the 1880s the average share of ‘master’s board and lodging’ constituted 40 % of wages in Siberian plants and factories and from 25 to 35 % at goldmines. As the meals provided by the owner were scarce, workers always supplemented them with goods and food from shops belonging to the same owner. In the late 19th century “master’s board” was abolished by almost all of businessmen, substituted by the distribution of foodstuffs from shops on account of wages. On the basis of the author’s analysis of the reports submitted by enterprises and the results of official inspections, it has been revealed that the share of natural wages at Siberian mines showed no tendency to decreasing. Up to 1917 it constituted on average from 30 to 50 % of the total wages paid to Siberian miners. Workers had to get foodstuffs and other goods from the masters’ shops, they were also provided with lodging, medical services, and schooling for children. In the early 20th century the natural component of wages paid to Siberian mine workers was from 3 to 5 times higher than that paid to the workers of European Russia. The author raises a question about the factors accounting for the longtime preservation of natural wages in Siberian mining. He argues that the main reason for it was the weakness of Siberian retail trade which did not penetrate into the mining settlements. The role of retailers was taken on by the enterprises’ management. In Soviet times this role was performed by departments of supplies for workers (ORSy). In fact they occupied a monopoly position in this respect and that had the overpricing and lack of quality control as a result. Only enterprises located in Siberia’s well-developed areas, in particular mining plants, refused the functions of trade and provision of goods.

Key words: natural wages, master’s board, Siberian mine workers

* The work is carried out under the project ‘Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation: Past and Present’ (Russian Government Grant № 14.B25.31.0009)

References

- Beresnevich I.P. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniuu zolotopromyshlennosti Tomskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical studies of the goldmining in the Tomskmining district]. St. Petersburg, 1912, vol. 1.
- Blek A.L. *Rabochie na Lenskikh zolotykh priiskakh* [Workers on the Lena goldfields], *Arkhiv istorii truda v Rossii*. Petrograd, 1923, vol. 10.

- Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche* [Bulletin of the goldmining and mining industry in general].
- Vnukovskii V.M. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniuu zolotopromyshlennosti severnoi chasti Eniseiskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical studies of the goldmining in the northern part of the Yenisei mining district]. St. Petersburg, 1905, vol. 1, 454 p.
- Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. Irkutsk.
- Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniuu zolotopromyshlennosti Lenskogo okruga* [Report on statistical, economic and technical studies of the goldmining in the Lena region]. St. Petersburg, 1903, vol. 1.
- Gornye i zolotopromyshlennye izvestiia* [Mining and goldmining news].
- Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [The State Archive of Irkutsk region].
- Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoiarского kraia (GAKK)* [The State Archive of Krasnoiarск region].
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO)* [The State Archive of Tomsk region].
- Doklad direktora raspriaditel'ia barona A.G. Gintsburga i kandidata v chleny pravleniia P.M. Saladilova o komandirovanii ikh na priiski* [Report of the director and manager, baron A.G. Ginzburg and the candidate member of the board P.M. Saladilov on their being sent to the mines], *Doklady pravleniia Lenskogo zolotopromyshlennogo tovarishchestva o zabastovke*. St. Petersburg, 1912.
- Zemerov B.I. *K ekonomicheskomu polozeniiu rabochikh Sibirskoi zheleznoi dorogi nakanune revoliutsii 1905–1907 gg.* [On the economic position of the workers of the Siberian railway on the eve of the Revolution of 1905–1907], *Iz istorii Sibiri*. Tomsk, 1973, vol. 8.
- Kir'ianov Iu.I. *Zhiznenni uroven' rabochikh Rossii* [Living standards of Russian workers]. Moscow: Nauka, 1979, 288 p.
- Kolychev A.A. *Rabochie na priiskakh Sibiri. Tomskaia gornaia oblast'* [Workers at Siberian mines. Tomsk mining district]. St. Petersburg: Severnoe ekho, 1904, vol. VIII, 166 p.
- Korenev E.N. *Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozeniia rabochikh na zolotykh priiskakh Vitimsko-Olekminskoi sistemy Iakutskoi oblasti* [Essay on the sanitary and economic position of workers at the goldmines of the Vitimsk-Olekminsk system of Yakutsk region]. *Dissertatsiia na stepen' doktora meditsiny*. St. Petersburg, 1903, 256 p.
- Lenskie priiski* [The Lena mines]. *Sbornik dokumentov*. Moscow, 1937, 566 p.
- M.S. *Troitskii solevarennii zavod* [Troitskiy saltworks factory], *Sibirskii sbornik*. Irkutsk, 1902.
- Marks K. *Zarabotnaia plata* [Wages], Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. 2nd Edition. Moscow, 1957, vol. 6.
- Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. Tom pervyi. Kniga I. Protsess proizvodstva kapitala* [Capital: Critique of Political Economy. Vol. 1. Book I. The process of production of capital], Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. 2nd Edition. Moscow, 1960, vol. 23.
- Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. Tom vtoroi. Kniga II. Protsess obrashcheniia kapitala* [Capital: Critique of Political Economy. Vol. 2. Book II. The process of circulation of capital], Marks K., Engel's F. *Sochineniia*. 2nd Edition. Moscow, 1961, vol. 24.
- Postnikov S.P., Fel'dman M.A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [The sociocultural profile of industrial workers in Russia in 1900–1941 years]. Moscow, ROSSPEN, 2009, 368 p.
- Rabochii klass Sibiri v dooktiabr'skii period* [The working class in Siberia before the October Revolution]. Novosibirsk, 1982.
- Reutovskii V. *Zolotonosnyi raion Tomskogo gornogo okruga* [The goldfield of Tomsk mining district], *Vestnik zolotopromyshlennosti*, 1896, no. 11.
- Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [The Russian State Historical Archive].

- Sadovnikov I.F. *Sistematičeskii ukazatel' k karte zolotopromyšlennogo raiona Olekmenskogo gornogo okruga* [The systematic index to the map of the goldmining area of Olekmensk mining district]. St. Petersburg, 1909.
- Strumilin S.G. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works]. Moscow, 1964, vol. 3.
- Tove L.L., Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-ekonomičeskomu i tehničeskomu issledovaniiu zolotopromyšlennosti Iuzhnoi časti Eniseiskogo okruga* [Report on the statistical, economic and technical study of the goldmining in the southern part of Yenisei mining district]. St. Petersburg, 1899, vol. 1, 2.
- Tul'chinskii K.N. *Vostočno-Sibirskaiia gornaia oblast' v 1907 godu* [The East-Siberian mining in 1907]. Tomsk, 1909.
- Usloviia byta rabochikh v dorevoliutsionnoi Rossii* [Living conditions of workers in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1958.
- Freiman E.K. *Otchet po statistiko-ekonomičeskomu i tehničeskomu issledovaniiu zolotopromyšlennosti Altaiskogo gornogo okruga* [Report on the statistical, economic and technical study of the goldmining in Altai mining district]. St. Petersburg, 1910.
- Engel's F. *Emigrantskaia literature* [Emigre literature], Marks K., Engel's F. Sochineniia. 2nd Edition. Moscow, 1961, vol. 18.
- Engel's F. «Anti-Diuring» [“Anti-Dühring”], Marks K., Engel's F. Sochineniia. 2nd Edition. Moscow, 1961, Vol. 20.

ТОМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-КРЕСТЬЯНКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН (1920–1930-е гг.)¹

Надежда Дмитриенко

Аннотация. Статья посвящена важной проблеме социальной истории – изучению процессов социализации женского населения, результатов и социальных последствий вхождения женщин в традиционно мужские роли. Слабая степень изученности темы обусловила территориальные и хронологические рамки исследования. Обращение к истории крестьянок Томско-Нарымского Приобья в первые послереволюционные десятилетия позволяет конкретизировать женский опыт переживания кардинальных социальных изменений с опорой на комплексный подход и свежие исторические источники.

Важнейшим фактором женской социализации в России стала Революция 1917 г. и послереволюционные преобразования. Формировалась законодательная основа женского равноправия, одновременно допускались серьезные ограничения гражданских прав женщин-крестьянок. Первый спонтанный опыт усвоения мужских ролей был получен женщинами-крестьянками в военнореволюционное время, когда они были вынуждены выполнять мужские работы по хозяйству. Вовлечение крестьянок в общественную сферу происходило целенаправленно по решению партийно-государственного руководства. Женщины-крестьянки избирались в Советы, становились председателями сельсоветов, на равных с мужчинами участвовали в колхозном производстве в ущерб заботам о семье, детях, домашнем хозяйстве.

В процессе усвоения мужских ролей действовали «механизмы поощрения и наказания». Женщины-активистки подвергались, порой, преследованиям в семье, со стороны сельского или районного руководства. Ширилась пропаганда трудовых достижений крестьянок. В пропагандистские кампании вовлекались даже дочери раскулаченных крестьян, высланных в Нарымский округ. Одна из них, Надежда Ступак, была принята в комсомол, заведовала животноводческой фермой.

Формировался культурно-психологический облик выдвигенки на руководящую работу, передовых колхозниц. Новые социальные роли способствовали самоутверждению женщин-крестьянок, подготавливали их к испытаниям Великой Отечественной войны. Но двойные нагрузки – в домашнем и общественном производстве – приводили к повышенной изнашиваемости женского организма, оказывали негативное влияние на демографическое поведение. Томские крестьянки по-прежнему уступали мужчинам по уровню грамотности, по степени социальной активности.

Ключевые слова: томская деревня, женщины-крестьянки, социально-правовой статус, социальная активность, культурно-психологический облик

Введение. Повышенный интерес российских исследователей к изучению истории женщин Сибири отчетливо фиксируется в научно-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-70008.

библиографических и историографических публикациях (Пушкарева 2002; Гончаров 2008). В целом ряде работ раскрыты такие важные аспекты темы, как государственная политика по отношению к женщинам в 1920-х гг. (Климанская 1965, 1976), развитие женского образования (Рябцева 2003; Гончаров, Журавлева 2008), использование женского труда в промышленности (Скубневский 2008) и колхозном производстве (Шипилина 2011). Исследователи касаются положения женщин в рабочих и крестьянских семьях Сибири (Бардина 1995; Фаронов 2008; Воеводина 2008; Коляскина 2008). Однако ни в одном из имеющихся исследований по истории Сибири не затрагивается вопрос, впервые обозначенный в российской историографии Л.П. Репиной (1999), – о женском опыте переживания крупных социальных изменений. Практически вне внимания исследователей остаются процессы социализации сибирских женщин, усвоения ими новых общественных ролей в первые послереволюционные десятилетия. Рассмотрение этих вопросов на материалах Томско-Нарымского Приобья (в границах современной Томской области) позволяет конкретизировать решение такой важной научной проблемы, как история населения в социокультурном аспекте (Репина 1999: 21–37; Соколов 1999: 60–70; Вербицкая 2005: 314–321).

Основу исследования составили законодательные и распорядительные акты 1917–1930-х гг., определявшие социальный статус российских женщин послереволюционных десятилетий. Привлекались документы делопроизводства, отложившиеся в архивах, и документальные публикации, позволившие осветить социально-политическую активность женщин-крестьянок. Использовались данные демографических переписей 1920, 1926 и 1939 гг. Разнообразная социальная информация по теме исследования представлена в периодической печати, в частности в газетах «Красное знамя» и «Советский север», а также в журнале «Красная сибирячка». Привлеченные источники характеризуются высокой степенью достоверности и позволяют с достаточной полнотой осветить изучаемые события.

Социально-правовой статус российских женщин претерпел кардинальные перемены в период Революции 1917 г. и в первые послереволюционные десятилетия. Сразу после свержения самодержавия женщины были уравнены с мужчинами в избирательных правах: летом 1917 г. они были допущены к выборам в Учредительное собрание (Положение о выборах... 1917: 1). Декретом о земле (1957: 19), принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., женщины наделялись равным с мужчинами «правом пользования землей». В июле 1918 г. равные с мужчинами политические права женщин были продекларированы в первой советской Конституции (1918: 23). Новая Конституция, утвержденная в декабре 1936 г., закрепила гражданские права женщин. 122-я статья Конституции (1937: 22) включала следующее

положение: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможности осуществления этих прав женщин обеспечиваются предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

Однако если говорить о женщинах-крестьянках, то их права систематически урезались постановлениями и распоряжениями законодательной и исполнительной власти. Имеются, прежде всего, в виду постановления о раскулачивании и выселении крестьян вместе с семьями в отдаленные местности, согласно которым крестьянское население оказывалось в бесправном положении. А по Постановлению Совнаркома СССР от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», постоянным жителям сельской местности (не только спецпереселенцам) паспорта не выдавались. Как следствие, они лишались возможности свободного передвижения по стране, а значит, и права на труд, образование, лечебную помощь вне границ сельских поселений (Постановление Совета... 1933: 304–306).

В 1935 г. на 2-м Всесоюзном съезде колхозников был принят Устав сельскохозяйственной артели, который и после принятия Конституции 1936 г. регулировал жизнь колхозников – мужчин и женщин. Устав закреплял крестьян за колхозами: «Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность... выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными» (Примерный Устав... 1967: 519).

Что касается прав колхозников и колхозниц, то в Уставе ничего не говорилось ни о возможности выхода из колхоза, ни о социальном обеспечении (по уходу за ребенком или по болезни). Правда, в главе «О средствах производства» сообщалось о необходимости «вовлекать женщин в колхозное производство и общественную жизнь артели, выдвигая способных и опытных колхозниц на руководящую работу, разгружая их по возможности от домашних работ путем создания яслей, детских площадок и т.д.» (523).

Членам колхозов полагались небольшие участки земли под огороды, оговаривалась возможность содержать на личном подворье одну корову, одну свиноматку, до десятка овец. Прописывались и условия оплаты труда колхозников – после выполнения всех государственных планов и обязательных поставок сельскохозяйственной продукции колхоз-

никам начислялись выплаты по трудодням (Примерный Устав... 1967: 524–525). Можно согласиться с Г.В. Шипиловой (2011: 125) в том, что гражданские права крестьян, прежде всего крестьянских женщин, практически не имели гарантий со стороны государства, что и определяло их незавидное социальное положение.

Первый опыт усвоения крестьянками новых для них ролей накапливался спонтанно, когда вследствие двух войн и революции российские села «обезмужичили». Известно, что в 1916 г. женщины составляли 53,3% всего населения Томского уезда (Алтайско-Томская часть... 1927: 184–185). По данным переписи 1920 г., доля женщин среди сельского населения Томского уезда составляла 51,1% (Народное хозяйство... 1923: 29). В 1926 г. процентное соотношение женского и мужского населения в сельских районах в границах нынешней Томской области почти уравнилось (50,7 : 49,3), а ко времени Всесоюзной переписи 1939 г. доля женщин в томских селах вновь повысилась до 51,5% (Всесоюзная перепись... 1928: 248–249; РГАЭ 1939: 114–119).

Овдовевшие, осиротевшие, а также и многие замужние женщины взваливали на свои плечи мужскую крестьянскую работу, занимались не только огородами, но и пашней, заготавливали сено и дрова, ухаживали за домашними животными, а кроме того, как и в прежние довоенные времена, выполняли все работы по дому – готовили, стирали, заботились о малолетних детях и престарелых родственниках. В зимнее время женщины пряли, ткали, вязали, шили, а некоторые даже изготавливали валяную и кожаную обувь. К домашним работам с раннего возраста привлекались крестьянские дети, в основном девочки, традиционно выполнявшие роль нянек для младших братьев и сестер. По воспоминаниям томского врача, кандидата медицинских наук В.И. Черняевой, проживавшей в двадцатых годах в дер. Ново-Михайловке под Томском, она с семи лет помогала в семейном хозяйстве, кормила кур, свиней и даже доила корову (Томские женщины... 2003: 122).

По подсчетам С.Г. Струмилина, приведенным в работе К.Е. Климанской (1976: 70), в начале 1920-х гг. мужчины-крестьяне трудились в течение года в среднем по 3 242 часа, а женщины-крестьянки – по 4 342 часа, т.е. более чем по 11 часов ежедневно. Занятые каждодневным тяжелым трудом, томские крестьянки были очень ограничены в своих повседневных запросах, пренебрегали заботами о здоровье. В условиях товарного кризиса 1920-х гг. крестьянки, особенно в отдаленных районах, были лишены возможности использовать «покупные ткани», приобретать одежду и обувь, одевались в домотканину из льна, конопли и крапивы (Бардина 1995: 124–125). По воспоминаниям Л.Н. Иванова (1995: 97–98), в начале 1920-х гг. жившего с родителями в с. Батурино на Томи, мать его, как и все деревенские женщины и де-

ти, все лето ходила босой и обувалась только тогда, когда шла в церковь или в лавку. От этого «пятки ее ног часто растрескивались и даже кровоточили, доставляя мучения».

Как и повсеместно в Сибири, томские женщины придерживались традиционных обычаев и норм поведения. Так, Л.Н. Иванов (1995: 98) вспоминал, как «в лютые морозы мама часто прибегала домой с обмороженными выше колен ногами, восклицая уже с порога: “Ой, ребята, ноженьки ознобила, ноженьки ознобила!”». Далее мемуарист добавлял: «Одета же она была тепло: в ватном пальто, в валенках, на голове – теплая шаль. Но дело в том, что шерстяные чулки завязывались выше колен тугой веревочкой или круглой резинкой, которые сильно перетягивали ноги. Для теплоты мама надевала, кроме обычной нижней и верхней, еще две-три верхних юбки. Однако ноги выше колен оставались голыми. Нельзя сказать, что сибирячки не знали о пользе теплых штанов. Но как можно?! Штаны ведь носили татарки. А мы – русские, нам нельзя!».

Сохранились документальные свидетельства о молодежи с. Коларова, бывшего Спасского, собранные томским исследователем М.А. Слободским. Наблюдая сельские «вечорки», он сообщал, как по вечерам к одному из деревенских домов собираются сначала девицы, рассаживаются на завалинке, на бревнах, «ведут между собой беседу», играют в карты и даже гадают. Подходят парни, «завязывается оживленный разговор, который сменяется песнью», а когда появляется гармонист, начинаются танцы и хороводы. Автор отмечал, что «в танцах девушек движения плавны, монотонны, чувствуется какая-то жеманность, отсутствует одушевление». Парни, напротив, «значительно оживленнее», допускают «залихватские движения». В хороводах и плясках пели протяжные песни и частушки. По запискам М.А. Слободского, «предметом частушек является в большинстве случаев милый, или миленок, и милая. Любовь и связанные с нею чувства очарования и разочарования, тоски и ревности, обиды оскорбленного чувства, и тяжелое предчувствие, одним словом, внутренняя жизнь молодой души, у которой нет других интересов, кроме любви, – вот самые обычные мотивы частушек» (1927: 96–97).

Многие крестьянки всю жизнь оставались неграмотными, уровень их грамотности заметно уступал таковому у мужчин. Так, по материалам переписи 1920 г. грамотой владели 28,5% мужского населения сельской местности Томского уезда и только 11% женщин (Народное хозяйство... 1923: 29). Согласно переписи 1939 г., доля грамотных женщин в Кожевниковском районе Новосибирской области (ныне вошедшем в состав Томской области) возросла до 58,2%, в Зырянском – до 64,1%, в Асиновском районе – до 66,3%. В то же время доля грамотных мужчин в этих же районах составляла 82,8; 85,3 и 88,8% соответ-

ственно. Несколько выше (возможно, за счет сосланных раскулаченных крестьян) была доля грамотных в сельских поселениях Нарымского округа – 71,2% всех лиц женского пола старше девяти лет и 89,5% мужского населения (РГАЭ 1939а: 44–45).

В условиях перемен в крестьянской среде формировался тип самостоятельных женщин-хозяек, которые пользовались авторитетом односельчан. Так, томский врач П.Т. Приходько (1927: 112), изучавший летом 1925 г. народную медицину в подгородном Коларовском районе, встретил крестьянскую вдову Лукею Павловну Егорову. Она проживала в с. Батурино вместе с 16-летним сыном и 14-летней дочерью, обрабатывала земельный участок в 30 десятин. Односельчане уверяли, что она сама и «корову, и овцу заколет». Л.П. Егорова от матери переняла и приумножила лекарские знания, использовала травы и аптечные препараты, умела делать массаж, помнила много заговоров, принимала роды и по вызовам лечила больных в окрестных селах и даже в Томске. При этом, согласно неписанному кодексу знахарей, ничего не брала за свои услуги, принимала только то, «что дадут». П.Т. Приходько характеризовал крестьянку Егорову как «умную, энергичную и уверенную в своих поступках женщину», она любила «погулять с бабами», но соседи «ни разу не замечали, чтобы с мужиками баловала». В то же время информаторы Приходько отмечали ее мстительность («и кур в огород к соседке загонит, и в плетне лазейки к ней сделает»), утверждали, что может недругу в чай подложить чего-нибудь, «чтобы очумел».

Вхождение женщин в новую исконно мужскую роль главы семейства, землепользователя потребовало дополнительных затрат времени и сил и обернулось для них обязанностью выплачивать налоги в пользу государства, а в случае неуплаты – подвергаться наказанию. В 1922 г. две крестьянки Чилинской волости Томского уезда Евдокия Сазыкина, 46 лет, и Анна Мельникова, 40 лет, были обвинены налоговой сессией Томского губревтрибунала в неуплате государственного продналога и приговорены к конфискации имущества. У Е. Сазыкиной отобрали две лошади, корову, три овцы и плуг, а у А. Мельниковой – две лошади, корову и плуг (Из истории... 2000: 218).

Чуть позже, в ходе коллективизации и раскулачивания, женщины-крестьянки вместе с мужьями и отцами, а порой и независимо от них подвергались репрессиям, изъятию имущества и высылке в отдаленные малообжитые местности. В мае 1931 г. в пригородном Эуштинском сельсовете попытались раскулачить Мухамедзяна Сайфульмулюкова, но он к тому времени скрылся из села. Тогда участники раскулачивания описали все небогатое имущество семьи Сайфульмулюковых, включая деревянную избу 12 × 6 м, старую избушку, конюшню, облигации на 30 руб., а также козу, коня и гнедого жеребенка, дроги без колес и водовозку, ящик с плотницкими инструментами, 5 пудов ржаной муки,

старую сбрую, «две шлеи старые и две седелки», один чугунок и два ведра, 5 табуреток, 2 ящика-сундука и шкаф с застекленными дверцами, весы столовые и весы коромысловые, кадку для воды, две стеклянные банки. И поскольку хозяин отсутствовал, ответчиком стала его жена Фатыма Сайфульмулюкова, мать пятерых детей в возрасте от 2,5 до 14 лет. В жалобе в Томский горсовет, составленной по неграмотности зуштинской крестьянки ее соседкой Софией Мавликеевой, сообщалось: «Средств – ни денег, ни хлеба, ни одежды, как у детей, так и у меня, не имею. Муж мой скрылся неизвестно куда и при жизни его дома имел еще двух жен. После ухода мужа средства к существованию получены от поденной работы» (Томские татары... 2000: 124–125). Такой ценой оплачивалась ролевая самостоятельность томских крестьянок.

Социально-политическая активность крестьянок, вовлечение их в общественную сферу были целиком подчинены задачам партийно-политического строительства. В 1922–1924 гг., на XI, XII, XIII съездах Российской коммунистической партии большевиков (далее – РКП(б)), неизменно принимались резолюции о работе среди трудящихся женщин. В резолюции XI съезда прямо говорилось: «Учитывая роль крестьянок в поднятии сельского хозяйства и развитии сельскохозяйственной кооперации, съезд считает необходимым усилить работу среди них, для чего должен быть увеличен кадр уездных и районных организаторов из крестьянок» (Одиннадцатый съезд... 1983: 529). В решениях XIII съезда РКП(б) ставились задачи «распространения влияния партии на широкие слои работниц и крестьянок путем политического и культурного воспитания их; вовлечение работниц и крестьянок в партийное, профессиональное, кооперативное и советское строительство» (Тринадцатый съезд... 1984: 285).

В ЦК РКП(б), в губернских и уездных комитетах партии создавались отделы по работе среди работниц и крестьянок – женотделы. В 1920 г. в составе Томского губкома партии (и сменившего его в 1925 г. окружка партии) был также сформирован женотдел (ЦДНИТО 1923: 14; Кан 2009: 536–537). После очередного административно-территориального передела, когда в 1930 г. сельские районы упраздненного Томского округа вошли в Западно-Сибирский край, ни в крайкоме ВКП(б), ни в райкомах партии женотделы не функционировали. А в составе Томского горкома ВКП(б), которому подчинялись и окружавшие город сельские территории, был создан женсектор (ЦДНИТО 1930: 48).

Задачи активизации женского населения, поставленные партийным руководством, решались с трудом. Томские крестьянки, занятые своим хозяйством, семьей, по мнению инструктора Томского женотдела М. Пономаревой, «буквально тормозили всякие начинания, всеми силами противились всяким культурным начинаниям...» (Томские жен-

щины... 2003: 67). Некоторые и своих мужей заставляли выйти из партии или уйти из коммуны. А по отношению к новым советским порядкам придерживались точки зрения, которая была высказана одной из крестьянок с. Зырянского: «Лишь бы брали налоги, да оставляли крестьянам на самогон» (Наброски... 1923: 2).

Самой распространенной формой вовлечения женщин в общественное движение стали делегатские собрания. В партийных решениях (Двенадцатый съезд... 1984: 126) они рассматривались как «самый существенный аппарат, соединяющий партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок». Члены делегатских собраний, делегатки, занимались ликвидацией собственной неграмотности, участвовали в различных политико-просветительных мероприятиях. Чуть позже к делегатским собраниям стали относиться как «одному из резервов для пополнения рядов партии» (Востротина 1932: 6). Выборы делегатов превращались порой в общественное событие, как это случилось в с. Зырянском в 1924 г., где на первое собрание пришли 75 сельских женщин. Зырянские делегатки говорили: «Долго мы ничего не понимали, жили в темноте, знали только ребятишек да кухню. Теперь словно проснулись. Будем работать, подравняем с нашими мужиками» (Лукерия 1924: 7). Под влиянием делегатов с. Ново-Рождественка члены местного общества потребителей постановили запретить торговлю водкой (ГАТО 1930: 55). Конференция женщин-делегатов Нарымского уезда, созванная в 1925 г., приняла решение о борьбе с самогонварением (Томские женщины... 2003: 78–79). Крестьянки с. Калтай – русские и татарки – создали в 1927 г. женское машинное льномяльное товарищество и маслоартель, устроили маслозавод и начали сбивать на продажу сливочное масло (Пащенко 1927: 12; Ф.В. 1928: 12; Калтай... 1928: 1).

Усвоению новых ролей способствовало привлечение женщин-крестьянок к участию в избирательных кампаниях. Известно, что в начале 1920-х гг. в выборах Советов в Томском уезде участвовали почти 60 % крестьян, имевших право голоса, и только 14% женщин-крестьянок. А по данным 1925 г., в подгородном Коларовском районе женщины-татарки вообще не участвовали в выборах (ГАТО 1925: 118). Чтобы преодолеть избирательную пассивность женщин, характерную для всей страны, была развернута политическая кампания вовлечения женщин в Советы. В октябре 1927 г. состоялся съезд женщин, членов местных Советов Томского округа. В окружной центр съехались 99 делегатов, 72 из которых были крестьянками, по преимуществу – русские, но присутствовали также татарки, эстонки, латышки. В большинстве это были женщины 23–40 лет и старше, семейные, «умудренные жизнью». По свидетельству организаторов съезда, они приехали в город, «бросив свое хозяйство, оставив детей» (Женщина... 1927: 5). Съезд

приветствовал председатель Томского окружного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов П.П. Захаров словами, характерными для официальной трактовки женского вопроса: «Женщина в советском строительстве за истекшие десять лет проявила уже много энергии, много воли к победе. Но эта энергия, эта воля все еще недостаточны для того, чтобы сравняться с мужчиной. Женщина все еще отстает, еще не достаточно втянута и недостаточно выделяет себя как активная строительница рабоче-крестьянского дела» (Женщина... 1927: 4).

В отличие от советского руководителя, участницы съезда обсуждали волновавшие их жизненные вопросы – об организации медицинской помощи крестьянкам, о ликвидации неграмотности. Говорили и об участии женщин в советской работе. Само пребывание в Томске, обсуждение вопросов, далеких от повседневных деревенских забот, волновали, настраивали на высокий лад. Недаром одна из делегаток с пафосом отзывалась о съезде: «Много дивного пришлось мне, темной крестьянке, слышать и видеть за последние годы, но такого дива, как этот съезд, мне видеть еще не привелось. Обо всем-то переговорили, обо всем-то надумали, и как хорошо теперь я поеду в деревню, узнав, как и что, и какое дело нам теперь в деревне надо осиливать» (Женщина... 1927: 5).

В томских селах складывалась прослойка женщин-активисток, участниц политических кампаний, выдвиженок на руководящую работу. Например, Еннафа Харитонова из с. Молчанова избиралась делегатом Томского окружного съезда Советов, часто замещала председателя сельсовета во время его отлучек (Жизнь... 1926: 12). В январе 1929 г. впервые в истории Нарымского края делегатом и членом президиума 2-го туземного съезда остяков (селькупов) Ваховского района была избрана женщина (имя ее в документах не сохранилось) (ГАРФ 1929: 7). Она же стала и членом Корликовского родового совета, как называли в конце 1920-х гг. сельские советы, создаваемые в местах обитания ваховских остяков (ГАРФ 1925–1930: 14, 22). Томские женщины-крестьянки – Семенова, Бакникова, Мария Алатаева, Лузина – возглавляли сельсоветы (Ш. 1934: 14; И в этом году... 1934: 10). Бригадир свиноварной фермы колхоза «Таежная заря» Каргасокского района Анна Кучина, колхозница из с. Уртам Кожевниковского района Анастасия Бетенкова участвовали в работе 2-го съезда Советов Западно-Сибирского края (Никулькова 1935: 13; Михайлова 1935: 13). В 1939 г. депутатами Новосибирского областного совета депутатов трудящихся были избраны звеньевая колхоза «Новая жизнь» Томского района П.И. Толстихина, охотница-стахановка из Александровского района А.И. Самарина и телятница из Колпашевского района В.Е. Зыкова (Список... 1939: 1; Лекции... 1940: 63). В Нарымский окружной Совет депутатов трудящихся вошли члены колхоза «Красная звезда» Пудинского района

А.И. Петрова и колхоза «Новый путь» Парабельского района Е.К. Родикова, заведующая молочно-товарной фермой из Каргасокского района Е.Н. Вялова, звеньевые колхоза имени Свердлова Колпашевского района Л.С. Пшеничникова и колхоза «Коминтерн» Парабельского района С.Г. Скирневская (Список... 1939: 1).

С началом массовой коллективизации власти стремились заручиться женским участием в колхозном движении. В инструктивном письме Томского окружного комитета ВКП(б) от 22 февраля 1929 г. особо указывалось на делегатские собрания как «приводные ремни партии», способные привлечь «к практическому участию в проведении плана весенней сельскохозяйственной кампании широкие бедняцко-средняцкие крестьянские женские массы» (Томские женщины... 2003: 81). На первых порах томские женщины выступали против коллективизации. Так, одна из крестьянок с. Двухреченского говорила: «У нас все отбирают и отдают в коллектив, а в коллективе по миру ходят. Что вы, мужики, на них смотрите, весной все пропадем с голоду» (ГАТО 1930: 56). Для преодоления антиколхозных настроений и выполнения правительственного постановления «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» в октябре 1930 г. было созвано совещание женщин-колхозниц Томского района. На совещании прозвучала критика принудительного вовлечения в колхозы, а вместе с тем и выступления в пользу колхозов. Насколько они были искренни, трудно судить. Во всяком случае, участница совещания Морева сообщила, что была против вступления в колхоз, а пожив в нем, пришла к выводу, что «только в колхозе начнется настоящая жизнь крестьянской женщины...» (Лишь в колхозе... 1930: 1).

Возможно, если крестьянка Морева не лукавила и не испытывала принуждения, она имела в виду то, что в колхозе женщины получили возможность участия в общественных делах, видели выход из повседневной семейной рутины. В колхозах женщины обрели истинное равноправие, без всяких скидок работали наравне с мужчинами. По большей части они были заняты на животноводческих фермах, а летом – на полевых работах, вручную косили и жали зерновые культуры и лен, выращивали картофель и овощи. Порой их назначали звеньевыми или бригадирами, как Н.П. Лапонову из с. Ново-Никольского. Под ее началом работали 14 женщин и 4 мужчин, которые занимались выпасом и дойкой 114 коров (Шелудков 1934: 3). Некоторые женщины становились пахарями, плугарями, бороноволоками, косильщиками, конюхами и обгоняли мужчин по производительности и качеству работ. Так, Анна Волкова работала лучше всех пахарей колхоза «Сибирский большевик» Колпашевского района, на вспашке 1934 г. она за три дня вспахала конным плугом 2,88 га при норме 0,8 га. Две колхозницы из колхоза «Новая жизнь» Кривошеинского района Е.И. Ковтюкина и С.М. Бу-

ланова работали на подъеме паров и ежедневно вспахивали по одному гектару. А колхозница Молчановского сельсовета того же Кривошеинского района Анна Еремина за весь период весенней пахоты обработала на конном плуге 14 га земли (А-в 1934: 1; Ударницы-колхозницы... 1934: 3).

Не уступали мужчинам женщины-охотницы Нарымского округа. Пушнину, отправляемую на экспорт, добывали 29 женщин, в их числе Анна Лихачева, Д.Д. Арнангина, первая в крае женщина-охотница на белок Нюра Тугундина, 15-летняя Елена Радкумова и 70-летняя Елена Пырчикова. Одна уходила в тайгу на продолжительное время 18-летняя охотница на белок Власова, регулярно перевыполняя план добычи (Северянин 1934: 1; По вопросу... 1934: 2; Писаров 1939: 4). Женщины-колхозницы Нюрольского сельсовета Каргасокского района Мария Иняева, Анфиса Ологина, Федосья Пылосова работали в рыболовецкой бригаде под началом Ефима Иняева (Борбашев... 1939: 3). А в колхозе имени Чкалова Каргасокского района пять отважных женщин заявили о своем желании работать «наравне с мужчинами» и организовали женскую рыболовецкую артель, которую возглавила Татьяна Щепицина (Ликвидируем... 1939: 3).

Процессы женской социализации на томской земле развивались через характерные «механизмы поощрения и наказания» (Пушкарева 1999: 161). Известны случаи, когда мужья избивали своих жен, не пускали в клуб, на собрание делегатов. Правда, находились женщины, подобные Евдокии Лузиной из с. Варюхина, избранной членом сельсовета и районного комитета крестьянской взаимопомощи. Муж сначала протестовал против ее активности, «учил ее уму-разуму», но она ему твердо заявила: «Если хочешь жить со мной, то должен мириться с моей работой» (Наша жизнь... 1925: 16).

Нетерпимым было отношение к женщинам-активисткам со стороны мужчин, облеченных властью. По свидетельству инструктора женотдела Томского уездного комитета РКП(б) М. Пономаревой, в самом уездном комитете бытовало выражение «баботдел», а работа с женщинами считалась «работой не первой важности». Поэтому организаторам женских собраний в притомских деревнях не раз приходилось слышать вопросы: «Зачем это еще бабы-то понадобились, что от нас и кому нужно?» (Томские женщины... 2003: 67–68). Председатель Калтайского сельсовета говорил, что от женщин-делегаток «только один шум, а пользы нет» (Пащенко 1928: 15).

Неприглядный случай произошел в Коларовском районе, где женщину-татарку Валееву избрали председателем сельсовета, затем – заместителем председателя Коларовского райисполкома. Вот тогда-то ее непосредственный начальник, председатель райисполкома, сказал: «Нравится мне твоя работа. Но еще больше нравится мне твоя поход-

ка». А когда получил отказ, стал злейшим врагом и не постеснялся организовать решение президиума райисполкома, в котором говорилось: «Ввиду того, что Валеева не работоспособна, занимается проституцией, имеет связь с кулацким элементом и фальшивомонетчиками, подрывает авторитет партии и советского власти, постановили: Валееву с работы снять, из членов райисполкома исключить». Оболганной женщине-активистке удалось доказать всю вздорность предъявленных ей обвинений, районная РКИ принудила недобросовестного председателя выплатить штраф, но на советскую работу Валеева не вернулась (Сенова 1929: 13–15).

В качестве поощрительной меры вовлечения женщин в общественную сферу можно рассматривать попытку решения проблемы ухода за маленькими детьми. Первые сельские ясли на территории Томско-Нарымского Приобья открылись в с. Колпашеве (в 1933 г. преобразованном в рабочий поселок, а в 1938 г. – в город). По данным на 1926 г., в Томском округе действовало 13 сельских детских яслей, в основном при медицинских участках (Летние ясли... 1927: 2). Количество яслей заметно увеличилось в начале 1930-х гг. Например, в Томском районе в 1931 г. было открыто 87 яслей для детей «колхозников, бедняков и батраков». Ясли создавались исключительно с целью «освобождения женщины для производства через систему дошкольного воспитания» (Материалы... 1931: 22). И как в старые времена, женщины кормили грудью детей, не отрываясь от уборочных работ, с той лишь разницей, что грудных детей подвозили матерям из яслей или с детских площадок (И в этом году... 1934: 10).

Действенным «механизмом поощрения» служила пропаганда трудовых достижений крестьянок. Например, корреспондент томской газеты «Красное знамя» А. Дубинский (1932: 2) с похвалой писал о колхознице Кузовлевского сельсовета Томского района Ю.А. Брокон, которая при уборке зерновых за один рабочий день нажинала до 200 снопов. В газете Нарымского окружкома ВКП(б) «Советский север» рассказывали о колхознице Тунгусовского сельсовета Марии Жук, которая за световой день вязала по 1 000 снопов при норме 500. А в звене Анны Аксиненко все пять вязальщиц связывали больше чем по 1 000 снопов каждая. Еще лучше работали колхозницы колхоза «Молот» Кривошеинского района Дарья Наумчик, Надежда Князюк, Парасковья Сайнакова, которые ежедневно вязали по 1200 снопов и больше (Черкашин 1939: 1; Тюлькин 1939: 1).

В новосибирском журнале «Красная сибирячка» сообщалось об учреждении в Томском районе красного и рогожного переходящих знамен, которые вручались передовым и отстающим колхозницам на уборке урожая. В числе передовых оказалась 75-летняя колхозница Варасина из Лучановского сельсовета, она перевыполняла план на 120% и

была премирована отрезом шелка на платье. Ее товарка, 60-летняя Ольга Портнягина из Коларовского сельсовета, нажала по 130 снопов в день при норме 120 и получила премию – платье и платок (Данилкина 1933: 11).

В газетах рассказывали о трудовых достижениях доярки колхоза «Новая жизнь» Парабельского района Клавдии Родиковой, телятницы из Кривошеинского района Евдокии Сусоровой, животноводов из Каргасокского района Харитиньи Костаревой и Клавдии Сухушиной (Ударницы-колхозницы... 1934: 3; Ю.Д. 1934: 3; Кушнарв 1939: 3).

В 1938 г. для поощрения производительного труда колхозников было принято правительственное постановление об открытии в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В сибирских колхозах, как и повсеместно в стране, было организовано соревнование за право участия в выставке. Об участниках соревнования сообщалось в печати и даже в отдельных книжных изданиях. Это были колхозницы Томского района: доярки Магера Единеева и Гульфареца Антинева, звеньевые Е.Ф. Вершинина, М.И. Барабинова и А.Д. Смирнова. А также телятница из Колпашевского района Варвара Зыкова, чаинская телятница Варвара Понтохина, колпашевский конюх Прасковья Гришаева (Шушаков 1939: 5; Лекции... 1940: 53–87).

Первыми для поездки на сельскохозяйственную выставку в Москву были выбраны доярка из Каргасокского района Е.Я. Кабанова, которая надоила от 10 коров в среднем по 17 центнеров молока в год, каргасокские и колпашевские телятницы В. Тарасова, А. Сидорова, К. Бахарева, С. Литосова, сохранившие 100% молодняка, за которым ухаживали. А телятница колхоза «III Интернационал» В.С. Новошконова, депутат Тегульдетского районного Совета депутатов трудящихся, сумела побывать на выставке в Москве три раза (Томские женщины... 2003: 147).

Задача «политического и культурного воспитания» женщин-крестьянок, поставленная партийным руководством страны (Тринадцатый съезд... 1984: 285), распространялась и на молодежь, чьи родители были раскулачены и высланы в Нарымский край. В местной печати рассказывалось, например, о дочери алтайских спецпереселенцев Надежде Ступак, ставшей заведующей животноводческой фермой на 400 голов. В 1936 г. ее приняли кандидатом в члены ВЛКСМ. Вместе с другими кандидатами Н. Ступак подписала письмо, направленное в Нарымский окружной комитет ВЛКСМ, в котором, в частности, говорилось: «Мы дети трудпоселенцев, перевоспитавшиеся в трудовом процессе, восстановленные в правах гражданства великой социалистической страны, с величайшей радостью отмечаем, как один из лучших, счастливейших дней нашей жизни, день приема нас в комсомольскую семью... Мы проклинаям кулацкое прошлое своих родителей, навсегда

от него отворачиваемся... Спасибо тов. Сталину, что он указал нам правильную дорогу» (III краевая... 1936: 2).

Социальные перемены формировали культурно-психологический облик томских крестьянок, определяли их стремление к культуре и образованию. Так, участвуя в работе губернского съезда Советов, татарка из с. Калтай Зайнат Федмахметова посетила в Томске музей, побывала в театре и позже делилась своими впечатлениями с другими калтайскими женщинами (Залетный 1924: 17). Калтайская же делегатка Евдокия Жикина, убедившаяся, что «неграмотной жить и работать нельзя», вступила в общество «Долой неграмотность», организовала в селе избу-читальню, а потом и школу (Наша жизнь... 1925: 16). В деревне Карамзинке Чаинского района, населенной кряшенами (тюркоязычная группа), женщины-делегатки стали ходить по вечерам в сельскую школу, где учительница Зайцева, знающая их язык, обучала грамоте. И участницы этих встреч говорили: «Собираемся в школу точно на праздник, отдыхаем здесь душой от своих повседневных забот и уходить отсюда не хочется» (Наблюдатель 1925: 23; Томские женщины... 2003: 79–80). Жительница Кривошеинского района Татьяна Дурнова сама научилась грамоте и, будучи членом сельсовета, организовала сбор средств на покупку тетрадей и карандашей для начальной школы. Кроме того, она добилась открытия клуба, организовала драмкружок, а побывав в Новосибирске на 2-м краевом съезде Советов, привезла в родной поселок пачку книг (А.Н. 1935: 16).

Молодые крестьянки стали осваивать технические специальности. В первой в Колпашевском районе Чажемтовской МТС работали трактористки Анна Пермякова и Августина Кузнецова, вскоре они окончили курсы комбайнеров и стали первыми в Нарымском округе женщинами-комбайнерами. Курсы трактористов при Высоко-Ярской МТС окончили М.Д. Чистякова и Е.С. Замиралова. В Чаинской МТС работала Клавдия Фогель, в Рыбаловской МТС – Фекла Бабинович (вспахивала на колесном тракторе за смену 8,4 га при норме 3,6 га). Большую известность в Нарымском округе получила 20-летняя Таисия Манькова. Окончив курсы комбайнеров, она в первый же год работы вошла в число передовиков и была избрана депутатом Нарымского окружного Совета депутатов трудящихся (На колхозных полях... 1939: 3; Накоряков 1939: 3; Пульцин 1939: 3; Таисия... 1939: 1).

Определенные сдвиги в повседневной жизни томских крестьянок связаны с журналом «Красная сибирячка», выходившим в 1922–1939 гг. и имевшим достаточно широкое распространение в деревне. Будучи печатным органом Сибирского / Западно-Сибирского краевого комитета РКП / ВКП(б), журнал освещал по преимуществу общественно-политические события. Одновременно на его страницах размещались советы медицинского характера, рекомендации по рациональному

ведению домашнего хозяйства, публиковались кулинарные рецепты, примерные меню семейных обедов, а какое-то время и узоры для вышивания, и выкройки платьев (эти выкройки в натуральную величину рассылались подписчикам в виде бесплатного приложения).

По фотографиям в сибирской периодике видно, как в двадцатых годах, следуя традиции, женщины обязательно покрывали головы платками, завязывая их узлом под подбородком. Первыми, как женщины-работницы, стали повязывать голову красной косынкой с узлом на затылке крестьянки-делегатки. Именно в такой косынке ходила Елена Боровцева из с. Ярского, заместитель председателя сельсовета. Не молодая, 50 лет, с «кучей детей», она, по мнению журналиста «Красного знамени», могла «любую молодуху активностью за пояс заткнуть» (Делегатки... 1927: 2). А в тридцатых в сибирских изданиях все чаще публиковались снимки женщин-крестьянок с непокрытыми волосами, нередко и со стрижкой. Девушки и молодые женщины, по свидетельству П.Е. Бардиной (1995: 142), отказывались от традиционных сарафанов и все чаще надевали прямого покроя кофты, заправляя их в несколько укороченные юбки «под ремень», носили «матроски». Сами, по выкройкам, шили модные в предвоенные годы платья с отложным воротничком, с юбкой в складку. Женщины-активистки носили пиджаки, а трактористки щеголяли в куртках-юнгштурмовках, в беретах или кепках.

В крестьянских домах стали появляться новинки техники. Известно, что вязальщица Резонова из колхоза имени Ворошилова Нарымского округа приобрела виктролу (разновидность граммофона), доярка Гришина из колхоза «Новая жизнь» купила велосипед. Екатерина Астраханова, которая, возможно, первой среди томских колхозниц летала на самолете, добираясь из Чаинского района в Новосибирск, на 2-й краевой съезд колхозников-ударников, слушала радиоприемник в «чистой культурной избе» (как ее характеризовали в журнале «Красная сибирячка»). Будучи членом сельсовета, она навела порядок в своем селе, организовала побелку стен в школе и в некоторых домах (в них выморозили тараканов и купили кровати вместо нар), наладила горячие завтраки для школьников, приобрела для школы радиоприемник, а для сельского клуба – патефон (Развертывается... 1934: 10). Каргасокская свиарка Анна Кучина самостоятельно научилась читать и завела в доме небольшую библиотечку (Никулькова 1935: 14). Однако то, что побелка стен становилась информационным поводом для журналистов, а приобретение новой кровати трактовалось как культурное достижение, свидетельствует и о невысоких социальных стандартах колхозной деревни, и о недостаточном уровне жизни томских женщин-крестьянок.

Выводы. В 1920–1930-х гг. в России был запущен механизм социализации, вызвавший перемены в ролевом поведении женщин, в результате чего томские крестьянки достигли определенной степени социаль-

ной свободы, стали более грамотными, раскрепощенными, интересовались чтением, вовлекались в систему административного управления, обучались техническим специальностям. Значительное расширение спектра общественных интересов способствовало самоутверждению женщин-крестьянок, подготавливало их к тяжким испытаниям Великой Отечественной войны и послевоенных лет. Однако, переняв некоторые мужские роли, на равных с мужчинами участвуя в колхозном производстве, женщины-крестьянки по-прежнему выполняли многочисленные обязанности по семейному обустройству и домашнему хозяйству, обеспечивали и продовольственные нужды семьи, и поставки сельскохозяйственных продуктов государству. Возраставшие нагрузки в условиях явно недостаточной социальной поддержки приводили к переутомлению, физическому и психоэмоциональному истощению женщин и не могли не оказывать негативного влияния на демографическое поведение. Не случайно в 1930-х гг. уровень рождаемости сельского населения Сибири значительно уменьшился (Алексеев, Исупов 1986: 36). Показательно и то, что томские женщины-крестьянки уступали мужчинам по уровню грамотности, по степени социальной активности. Для наполнения этого положения конкретно-историческим содержанием требуется дальнейшее изучение «женской темы» в локально ограниченных рамках Томско-Нарымского Приобья.

Литература

- А-в.* Ударницы колхозных полей // Советский север. Колпашево, 1934. 29 июня. № 84. С. 1.
- А.Н.* В борьбе за культуру // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 3–4. С. 16.
- Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
- Алтайско-Томская* часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года / под ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927. 215 с.
- Бардина П.Е.* Быт русских сибиряков Томского края / под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 224 с.
- Борбашев.* Передовой колхоз им. Смидовича // Советский север. Колпашево, 1939. 24 июня. № 116. С. 3.
- Вербицкая О.М.* Демографические проблемы российской деревни в послевоенные годы (1945–1959) // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 300–321.
- Воеводина Ю.С.* Великая Отечественная война глазами сельских женщин Алтая // Женщина в Сибири в XIX–XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 143–149.
- Востротина К.* Работу делегатских собраний решительно улучшить // Красная сибирячка. Новосибирск, 1932. № 14. С. 6–7.
- Всесоюзная* перепись населения 1926 года. Т. 6: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. Отдел 1: народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. 388 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 441. Доклады Томского комитета Севера 1929 г.
- ГАРФ.* Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 551. Доклады Томского комитета Севера 1925–1930 гг.

- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 1. Документы по вопросу об улучшении хозяйства и быта национальных меньшинств Томской губернии 1925 г.
- ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 637. Циркуляры и руководящие указания 1930 г.
- Гончаров Ю.М. Женщина в сибирском социуме второй половины XIX – начала XX в. // Гончаров Ю.М. Женщины Сибири XIX – начала XX в.: библиографический указатель / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Барнаул: Концепт, 2008. С. 43–68.
- Гончаров Ю.М., Журавлева Н.Н. Развитие женского образования в городах Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 76–87.
- Данилкина. Успехи томских активисток // Красная сибирячка. Новосибирск, 1933. № 11. С. 11.
- Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 50–129.
- Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 17–20.
- Делегатки // Красное знамя. Томск, 1927. 8 марта. № 55. С. 2.
- Дубинский А. Мы побеждаем, растем и крепнем // Красное знамя. Томск, 1932. 3 сент. № 194. С. 2.
- Женщина – строительница коммунизма: первый окружной съезд работниц и крестьянок, членов Советов Томского округа / Томский окрисполком. Томск, 1927. 65 с.
- Жизнь и работа выдвиженок // Красная сибирячка. Новосибирск, 1926. № 1. С. 9–13.
- Залетный. Татарки заговорили // Красная сибирячка. Новониколаевск, 1924. № 5–6. С. 17.
- И в этом году сельсовет не сдает своих позиций // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 14. С. 10.
- Иванов Л.Н. Когда я гостил на земле. Томск, 2005. 273 с.
- Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть: сб. документов и материалов / отв. ред. Б.П. Тренин. Томск, 2000. 447 с.
- Калтай советский // Красное знамя. Томск, 1928. 28 марта. № 74. С. 1.
- Кан Г.И. Окружком // Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 536–537.
- Климанская К.Е. Деятельность партийных организаций Сибири среди крестьянок (1920–1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства / под ред. В.С. Флерова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4. С. 21–43.
- Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве: деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению женщин в социалистическое строительство (1920–1925 гг.) / отв. ред. Л.И. Боженко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 118 с.
- Коляскина Е.А. Хозяйка: традиционные представления русских Алтая о женщине в обычном праве // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 156–168.
- Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 31 с.
- Конституция Союза ССР и Конституция Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 283 с.
- Кушнарев. Знатные колхозницы // Советский север. Колпашево, 1939. 11 февр. № 28. С. 3.
- Лекции стахановцев сельского хозяйства / отв. ред. С.М. Калилов. Томск, 1940. Вып. 1. 129 с.
- Летние ясли в томской деревне // Красное знамя. Томск, 1927. 8 марта. № 55. С. 2.

- Ликвидируем* отставание в рыбной промышленности // Советский север. Колпашево, 1939. 23 июля. № 135. С. 3.
- «*Лишь* в колхозе деревенская женщина начнет жить по-человечески» (на совещании женщин-колхозниц) // Красное знамя. Томск, 1930. 23 окт. № 237. С. 1.
- Лукерия*. Нужно суметь заинтересовать // Красная сибирячка. Новониколаевск, 1924. № 11–12. С. 7.
- Материалы* конференции рабпрос Томского района. Томск, [1931]. 30 с.
- Михайлова*. От юных, счастливых – Советам салют // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 3–4. С. 13.
- На колхозных полях* // Советский север. Колпашево, 1939. 10 мая. № 86. С. 3.
- Наблюдатель*. Хороший пример // Красная сибирячка. Новосибирск, 1925. № 6–7. С. 23.
- Наброски* деревенского быта // Красное знамя. Томск, 1923. 23 окт. № 238. С. 2.
- Накоряков В.* Как работает Чаинская МТС // Советский север. Колпашево, 1939. 22 мая. № 94. С. 3.
- Народное хозяйство* Томской губернии: отчет губэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год / ред. А.Л. Шиловский, Б.М. Ган, В.Я. Нагнибеда, Т.И. Мосунов. Томск, 1923. IV, 438, 492, 110 с.
- Наша жизнь* и работа: заметки и очерки // Красная сибирячка. Новосибирск, 1925. № 8. С. 13–20.
- Николькова А.* Люди советского Нарыма // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 1. С. 13–14.
- Одиннадцатый съезд* РКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 478–570.
- Пащенко*. Делегаткам не помогают // Красная сибирячка. Новосибирск, 1928. № 12. С. 15.
- Пащенко*. Мы тоже не отстаем // Красная сибирячка. Новосибирск, 1927. № 7. С. 12.
- Писаров*. Лучшие охотники // Советский север. Колпашево, 1939. 11 апр. № 71. С. 4.
- По вопросу* занесения лучших ударниц в окружную книгу Почета // Советский север. Колпашево, 1934. 8 марта. № 31. С. 2.
- Положение* о выборах в Учредительное собрание // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. 22 июля. № 111. С. 1–2.
- Постановление* Совета народных комиссаров 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1933. Отдел 1-й. № 28. С. 304–306.
- Примерный Устав* сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом народных комиссаров Союза ССР и Центральным комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 2: 1929–1940 годы. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 519–530.
- Приходько П.Т.* К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 110–124.
- Пульцин П.* Молодые трактористы // Советский север. Колпашево, 1939. 27 апр. № 80. С. 3.
- Пушкарева Н.Л.* Зачем он нужен этот «гендер»? Новые концепции и новые подходы к анализу прошлого // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 155–174.
- Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.

- Развертывается* культурная работа в Нарымском округе // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 7. С. 10–11.
- Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 252. Окончательные итоги численности населения по районам и горсоветам Новосибирской области РСФСР по переписи 1939 г.
- РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 311. Основные итоги Всесоюзной переписи населения, Новосибирская область, 1939а.
- Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.
- Рябцева И.А.* Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2003. Вып. 6. С. 70–80.
- Северянин.* Женщины показывают образцы в работе // Советский север. Колпашево, 1934. 8 марта. № 31. С. 1.
- Сенова А.* Дело Валеевой // Красная сибирячка. Новосибирск, 1929. № 2. С. 13–15.
- Скубневский В.А.* Женский труд в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 43–53.
- Слободский М.* Песни села Коларова Томского округа // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 95–109.
- Соколов А.К.* Социальная история России: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39–76.
- Список* депутатов, избранных в Нарымский окружной Совет депутатов трудящихся // Советский север. Колпашево, 1939. 30 дек. № 240. С. 1, 3.
- Таисия* Владимировна Манькова // Советский север. Колпашево, 1939. 11 дек. № 227. С. 1.
- Томские* женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. 365 с.
- Томские* татары в прошлом и настоящем: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2000. 259 с.
- III краевая* конференция ВЛКСМ // Советский север. Колпашево, 1936. 22 апр. С. 2.
- Тринадцатый* съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 204–289.
- Тюлькин.* Высокие показатели // Советский север. Колпашево, 1939. 9 авг. № 146. С. 1.
- Ударницы-колхозницы* премированы // Советский север. Колпашево, 1934. 29 июня. № 84. С. 3.
- Ф.В.* Женщины-татарки организуют маслоартель // Красная сибирячка. Новосибирск, 1928. № 1. С. 12.
- Фаронов В.Н.* Женщина в рабочей семье Сибири начала XX в. (на примере Томской губернии) // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 99–106.
- Центр* документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Переписка с Сиббюро и ЦК РКП(б) по учету и распределению коммунистов 1923 г.
- ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 74. Списки руководящих работников горкома ВКП(б) 1930 г.
- Черкашин.* Образцы социалистического труда // Советский север. Колпашево, 1939. 9 авг. № 146. С. 1.
- III.* Нарымский округ развернул массовую работу среди женщин // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 1. С. 14.
- Шелудков А.* Лапонова – борец за большевистский колхоз // Советский север. Колпашево, 1934. 10 февр. № 17. С. 3.

- Шипилина Г.В.* Сельское хозяйство и крестьянство Томской области в середине XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 180 с.
- Шушаков Л.* Женщины советского Нарыма // Красная сибирячка. Новосибирск, 1939. № 2. С. 5.
- Ю.Д. Костарева Х.* премирована телочкой // Советский север. Колпашево, 1934. 14 окт. № 136. С. 3.

Статья поступила в редакцию 26 мая 2014 г.

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

PEASANT WOMEN OF TOMSK REGION UNDER CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES IN THE 1920s AND 1930s*

Abstract. The article deals with an important issue of social history that is the research into historical processes of female socialization, the results and social consequences of women's socializing into traditional male roles. Little knowledge about the topic accounts for the territorial and chronological scope of the study. The study of peasant women of Tomsk-Narym region in the first post-revolutionary decades allows us to specify female experience during social changes. The integrated methodology and new historical sources constituted a good basis for this work.

An essential factor in female socialization was the Revolution of 1917 and the post-revolutionary transformation. A statutory framework for women's equality was formed, and there were severe restrictions of civil rights of rural women as well.

The first spontaneous experience of male roles peasant women acquired in the revolutionary period, when they were forced to do men's housework. Rural women were purposefully made involved in public affairs based on the decisions by the Communist Party and the Soviet leadership. Peasant women were elected to Soviets (councils); they became Chairwomen of village Soviets. On an equal footing with men peasant women worked in kolkhozes (collective farms), and so they were limited in their ability to care for their families, children, and households.

'Mechanisms of encouragement and punishment' were put in place for them to adopt men's roles. Women activists would often get harassed by their family, village or district leaders. At the same time the promotion of rural labor achievements was reinforced. Even the daughters of kulaks, exiled peasants of Narym, were involved in political campaigns. One of them, Nadezhda Stupak, was admitted to the Komsomol (Communist Youth League) and was placed in charge of a livestock farm.

The cultural and psychological profile of female activists (*vydvizhenki*) aspiring to leadership and of leading collective farmers was being formed at the time. New social roles helped rural women establish themselves and get prepared for the hardships of the Great Patriotic War. However, the double burden both at home and at work led to increased physical exhaustion of women and had a negative impact on demographic behaviour. Tomsk peasant women were still inferior to men in terms of literacy and social activity.

Key words: Tomsk village, peasant women, social and legal status, social activities, cultural and psychological profile

*The publication was supported by the Russian Foundation for Humanities, project № 13-11-70008

References

- A-v. Udarnitsy kolkhoznykh polei [Best female workers in the farm fields], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, June 29, no. 84, pp. 1.

- A.N. V bor'be za kul'turu [Struggling for culture], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1935, no. 3–4, pp. 16.
- Alekseev V.V., Isupov V.A. *Naselenie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 232 p.
- Altai-Tomskaia chast' Sibiri po dannym sel'skokhoziaistvennoi perepisi 1916 goda* [The Altai-Tomsk part of Siberia according to the Agricultural Census of 1916], ed. by V.Ia. Nagnibeda. Tomsk, 1927, 215 p.
- Bardina P.E. *Byt russkikh sibiriaikov Tomskogo kraia* [The everyday life of Siberians on the Tomsk territory], ed. by N.V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995, 224 p.
- Borbashchev. *Peredovoi kolkhoz im. Smidovicha* [The Smidovich advanced collective farm], *Sovetskii sever*, Kolpashevo, 1939, June 24, no. 116, pp. 3.
- Verbitskaia O.M. *Demograficheskie problemy rossiiskoi derevni v poslevoennye gody (1945–1959)* [The demographic problems of Russian villages in the aftermath of the War (1945–1959)], *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Moscow: Nauka, 2005, vol. 5, pp. 300–321.
- Voevodina Iu.S. *Velikaia Otechestvennaia voina glazami sel'skikh zhenshchin Altaia, Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX vv.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [The Great Patriotic War through the eyes of rural women of Altai; Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 143–149.
- Vostrotina K. *Rabotu delegatskikh sobranii reshitel'no uluchshit'* [The work of delegate meetings is to be decisively improved], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1932, no. 14, pp. 6–7.
- Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda. T. 6: Sibirskii krai, Buriat-Mongol'skaia ASSR* [The All-Union Population Census of 1926. Vol. 6: The Siberian region, Buryat-Mongolskaya ASSR]. Otdel 1: narodnost', rodnoi iazyk, vozrast, gramotnost'. Moscow, 1928, 388 p.
- GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [The State Archive of the Russian Federation], F. R-3977, in. 1, c. 441, *Doklady Tomskogo komiteta Severa 1929 g.*
- GARF, F. R-3977, in. 1, c. 551, *Doklady Tomskogo komiteta Severa 1925–1930 gg.*
- GATO (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [The State Archive of Tomsk Region], F. R-480, in. 1, c. 1, *Dokumenty po voprosu ob uluchshenii khoziaistva i byta natsional'nykh men'shinstv Tomskoi gubernii 1925 g.*
- GATO, F. R-195, in. 1, c. 637, *Tsirkuliari i rukovodiashchie ukazaniia 1930 g.*
- Goncharov Iu.M. *Zhenshchina v sibirskom sotsiume vtoroi poloviny XIX – nachala XX v., Goncharov Iu.M. Zhenshchiny Sibiri XIX – nachala XX v.: bibliograficheskie ukazatel'* [The women of Siberia in the 19th and early 20th centuries: bibliography], ed. by N.L. Pushkareva. Barnaul: Kontsept, 2008, pp. 43–68.
- Goncharov Iu.M., Zhuravleva N.N. *Razvitie zhenskogo obrazovaniia v gorodakh Altaia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v., Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [The development of education for women in Altai cities in the second half of the 19th to the beginning of the 20th centuries; The women of Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 76–87.
- Danilkina. *Usp ekhi tomkikh aktivistok* [Achievements of Tomsk female activists], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1933, no. 11, pp. 11.
- Dvenadtsati s'ezd RKP (b) [The twelfth Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1984, vol. 3, pp. 50–129.
- Dekret o zemle s'ezda Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov [The Decree on Land passed by the Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies], *Dekrety Sovetskoi vlasti*. Vol. 1, 25 October 1917 g. – 16 March 1918 g. Moscow: Gospolitizdat, 1957, pp. 17–20.
- Delegatki [Women delegates], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1927, March 8, no. 55, pp. 2.

- Dubinskii A. My pobezhdaem, rastem i krepnem [We win, develop and get stronger], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1932, sept. 3, no. 194, pp. 2.
- Zhenshchina – stroitel'nitsa kommunizma: pervyi okružnoi s"ezd rabotnits i krest'ianok, chlenov Sovetov Tomskogo okruga*, Tomskii okrispolkom. Tomsk, 1927, 65 p.
- Zhizn' i rabota vydvizhenok [The life and work of vydvizhenki], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1926, no. 1, pp. 9–13.
- Zaletnyi. Tatarki zagovorili [The Tatar women starting to speak up], *Krasnaia sibirichka*. Novonikolaevsk, 1924, no. 5–6, pp. 17.
- I v etom godu sel'sovet ne sdaet svoikh pozitsii [And this year the village council retains its position], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1934, no. 14, pp. 10.
- Ivanov L.N. *Kogda ia gostil na zemle* [When I was visiting the land]. Tomsk, 2005, 273 p.
- Iz istorii zemli Tomskoi. 1921–1924. Narod i vlast': sb. dokumentov i materialov* [From the history of the Tomsk land. 1921–1924. The people and the authorities: a collection of documents and materials], ed. by B.P. Trenin. Tomsk, 2000, 447 p.
- Kaltai sovetskii [The Soviet Kaltai], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1928, march 28, no. 74, pp. 1.
- Kan G.I. Okružkom [The District Committee], *Entsiklopediia Tomskoi oblasti*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009, vol. 2, pp. 536–537.
- Klimanskaia K.E. Deiatel'nost' partiinykh organizatsii Sibiri sredi krest'ianok (1920–1925 gg.), *Sibir' i Dal'nii Vostok v period vosstanovleniia narodnogo khoziaistva* [The activities of Siberian party organizations among peasant women in 1920–1925, Siberia and the Far East during the recovery of the national economy], ed. by V.S. Flerov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1965, vol. 4, pp. 21–43.
- Klimanskaia K.E. *Zhenshchiny Sibiri v sotsialisticheskom stroitel'stve: deiatel'nost' partiinykh organizatsii Sibiri po vovlecheniiu zhenshchin v sotsialisticheskoe stroitel'stvo (1920–1925 gg.)* [Women of Siberia during the socialist development: the activities of Siberian party organizations for the engagement of women in building socialism (1920–1925)], ed. by L.I. Bozhenko. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1976, 118 p.
- Koliaskina E.A. Khoziaika: traditsionnye predstavleniia russkikh Altaia o zhenshchine v obychnom prave, *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Housewives: the conventional perception of Russians of Altai about women in common law, Women in Siberia in the 19th and the 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharova. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 156–168.
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow: Izd-vo VTsIK, 1918, 31 p.
- Konstitutsiia Soiuza SSR i Konstitutsiia Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Constitution of the Union of SSR and the Constitution of the Soviet Socialist Republics]. Moscow: Iurid. izd-vo NKIu SSSR, 1937, 283 p.
- Kushnarev. Znatnye kolkhoznitsy [Noble kolkhoz women], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, Feb. 11, no. 28, pp. 3.
- Lektsii stakhanovtsev sel'skogo khoziaistva* [Lectures by Stakhanovites in agriculture], ed. by S.M. Kalilov. Tomsk, 1940, vol. 1, 129 p.
- Letnie iasli v tomskoi derevne [Summer nursery in Tomsk villages], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1927, march 8, no. 55, pp. 2.
- Likvidiruem otstavanie v rybnoi promyshlennosti [Let us eliminate the backlog in the fishing industry], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, July 23, no. 135, pp. 3.
- «Lish' v kolkhoze derevenskaia zhenshchina nachnet zhit' po-chelovecheski» (na soveshchani zhenshchin-kolkhoznits) [It is only in collective farms that rural women will live well (at the meeting of kolkhoz women)], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1930, Oct. 23, no. 237, pp. 1.
- Lukeriia. Nuzhno sumet' zainteressovat' [One needs to make them interested], *Krasnaia sibirichka*. Novonikolaevsk, 1924, no. 11–12, pp. 7.

- Materialy konferentsii rabpros Tomskogo raiona* [Proceedings of the conference of educators in the Tomsk region]. Tomsk, [1931], 30 p.
- Mikhailova. Ot iunykh, schastlivykh – Sovetam salit [Sending greetings to the Soviets from the young and happy], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1935, no. 3–4, pp. 13.
- Na kolkhoznykh poliakh [In the collective farm fields], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, may 10, no. 86, pp. 3.
- Nabliudatel'. Khoroshii primer [The Observer. A good example], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1925, no. 6–7, pp. 23.
- Nabroski derevenskogo byta [Sketches of rural life], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1923, oct. 23, no. 238, pp. 2.
- Nakoriakov V. Kak rabotaet Chainskaia MTS [On how the Chainskaya machine and tractor station works], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, may 22, no. 94, pp. 3.
- Narodnoe khoziaistvo Tomskoi gubernii: otchet gubekonomshechaniia Sovnarkomu i STO za 1922 god* [National economy of the Tomsk province: report on the province's economic meeting to the Council of People's Commissars and Council of Labour and Defense for the year 1922], ed. by A.L. Shilovskii, B.M. Gan, V.Ia. Nagnibeda, T.I. Mosunov. Tomsk, 1923, IV, 438, 492, 110 p.
- Nasha zhizn' i rabota: zametki i ocherki [Our life and work: notes and essays], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1925, no. 8, pp. 13–20.
- Nikul'kova A. Liudi sovetskogo Naryma [The people of the Soviet Narym], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1935, no. 1, pp. 13–14.
- Odinnadsyati s"ezd RKP(b) [The eleventh Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezolutsiakh i resheniakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1983, vol. 2, pp. 478–570.
- Pashchenko. Delegatkam ne pomogaiut [Women delegates get no help], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1928, no. 12, pp. 15.
- Pashchenko. My tozhe ne otstaem [We do not fall behind either], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1927, no. 7, pp. 12.
- Pisarov. Luchshie okhotniki [Best hunters], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, april 11, no. 71, pp. 4.
- Po voprosu zaneseniia luchshikh udarnits v okruzhnuiu knigu Pocheta [On the question of listing the names of best female workers in the districtbook of honour], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, march 8, no. 31, pp. 2.
- Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie [The Statute on the elections to the Constituent Assembly], *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. Petrograd, 1917, july 22, no. 111, pp. 1–2.
- Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov 28 apreliia 1933 g. «O vydache grazhdanam Soiuzna SSR pasportov na territorii SSSR», *Sobranie zakonov i rasporiashenii rabochekrest'ianskogo pravitel'stva Soiuzna Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik* [The Resolution of the Council of People's Commissars dated 28 April 1933 'On the issuance of passports to citizens of the Union of SSR on the SSSR territory']. Moscow, 1933, Otdel 1-i, no. 28, pp. 304–306.
- Primernyi Ustav sel'skokhoziaistvennoi arteli, priiatyi II Vsesoiuznym s"ezdom kolkhoznikov-udarnikov i utverzhdennyi Sovetom narodnykh komissarov Soiuzna SSR i Tsentral'nym komitetom VKP(b) 17 fevralia 1935 g., *Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam: v 5 t. T. 2: 1929–1940 gody* [The preliminary Statute of the agricultural marketing cooperative passed by the Second All-Union Congress of kolkhoz men and best workers and approved by the Council of People's Commissars of the Union of SSR and by the Central Committee of the All-Union Communist Party (the Bolsheviks) on 17 February 1935, The decisions by the Party and the government on economic issues: in 5 vols. Vol.2: 1929–1940]. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1967, pp. 519–530.
- Prikhod'ko P.T. K voprosu o priemakh narodnoi meditsiny v derevniakh Tomskogo kraia [On the issue of methods of traditional medicine in villages of the Tomsk region], *Trudy*

- Tomskogo kraevogo muzeia*, ed. by M.A. Slobodskoi and M.B. Shatilov. Tomsk, 1927, vol. 1, pp. 110–124.
- Pul'tsin P. Molodye traktoristy [Young tractor-drivers], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, april 27, no. 80, pp. 3.
- Pushkareva N.L. Zachem on nuzhen etot «gender»? Novye kontseptsii i novye podkhody k analizu proshlogo [What is this 'gender' for? New concepts and new approaches to the analysis of the past], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 155–174.
- Pushkareva N.L. *Russkaia zhenshchina: istoriia i sovremennost'. Istoriia izucheniiia «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi nauko. 1800–2000: materialy k bibliografii* [A Russian woman: past and present. The history of studying the 'female theme' in Russian and foreign science. 1800–2000: materials for bibliography]. Moscow: Lodomir, 2002, 526 p.
- Razvertyvaetsia kul'turnaia rabota v Narymskom okruge [The cultural work is unfolding in Narym district], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1934, no. 7, pp. 10–11.
- RGAE (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki) [The Russian State Archive of the Economy]. F. 1562, in. 336, c. 252. Okonchatel'nye itogi chislennosti naseleniia po raionam i gorsovetam Novosibirskoi oblasti RSFSR po perepisi 1939 g.
- RGAE. F. 1562, in. 336, c. 311. Osnovnye itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia, Novosibirskaia oblast', 1939a g.
- Repina L.P. Smena poznavatel'nykh orientatsii i metamorfozy sotsial'noi istorii [The change of cognitive orientations and metamorphoses of social history], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 7–38.
- Riabtseva I.A. Likvidatsiia negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri v 1920–1930-kh gg. [The eradication of illiteracy among women of West Siberia in the 1920s and 1930s], *Vo-prosy istorii Sibiri KhKh veka*, ed. by M.V. Shilovskii. Novosibirsk, 2003, vol. 6, pp. 70–80.
- Severianin. Zhenshchiny pokazyvaiut obratzsy v rabote [Women demonstrate work patterns], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, march 8, no. 31, pp. 1.
- Senova A. Delo Valeevoi [The case of Valeeva], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1929, no. 2, pp. 13–15.
- Skubnevskii V.A. Zhenskii trud v obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.), *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Female labour in the processing industry of Siberia at the end of the 19th to the early 20th centuries, Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 43–53.
- Slobodskii M. Pesni sela Kolarova Tomskogo kruga [Songs of the village Kolarovo of the Tomsk district], *Trudy Tomskogo kraevogo muzeia*, ed. by M.A. Slobodskoi and M.B. Shatilov. Tomsk, 1927, vol. 1, pp. 95–109.
- Sokolov A.K. Sotsial'naia istoriia Rossii: problemy metodologii i istochnikovedeniia [The social history of Russia: issues of methodology and source studies], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 39–76.
- Spisok deputatov, izbrannykh v Narymskii okruzhnoi Sovet deputatov trudiashchikhsia [The list of deputies elected to the Narym district council of workpeople's deputies], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, dec. 30, no. 240, pp. 1,3.
- Taisiia Vladimirovna Man'kova [Taisiya Vladimirovna Mankova], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, dec. 11, no. 227, pp. 1.
- Tomskie zhenshchiny. XX vek: sb. dokumentov i materialov* [Tomsk women. The 20th century: a collection of documents and materials], ed. by N.M. Dmitrienko. Tomsk, 2003, 365 p.
- Tomskie tatarsy v proshlom i nastoiashchem: sb. dokumentov i materialov* [Tomsk Tatars in the past and present: a collection of documents and materials], ed. by N.M. Dmitrienko. Tomsk, 2000, 259 p.

- III kraevaia konferentsiia VLKSM [The third territorial conference of the All-Union Lenin Communist Youth League], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1936, april 22, pp. 2.
- Trinadtsatyi s'ezd RKP(b) [The thirteenth Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1984, vol. 3, pp. 204–289.
- Tiul'kin. Vysokie pokazateli [Strong performance], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, aug. 9, no. 146, pp. 1.
- Udarnitsy-kolkhoznitsy premirovany [The best kolkhoz female workers awarded], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, june 29, no. 84, pp. 3.
- F.V. Zhenshchiny-tatarki organizuiut masloartel' [Tatar women set up a dairy cooperative], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1928, no. 1, pp. 12.
- Faronov V.N. Zhenshchina v rabochei sem'e Sibiri nachala XX v. (na primere Tomskoi gubernii), *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Women in working-class families in Siberia in the early 20th century (through the example of the Tomsk province, Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 99–106.
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti (TsDNITO)* [The Centre of documentation of the recent history of the Tomsk region (TsDNITO)]. F. 1, in. 1, c. 817. Perepiska s Sibbiuro i TsK RKP(b) po uchetu i raspredeleniiu kommunistov 1923 g.
- TsDNITO*. F. 80, in. 1, c. 74. Spiski rukovodiashchikh rabotnikov gorkoma VKP(b) 1930 g.
- Cherkashin. Obraztsy sotsialisticheskogo truda [The lists of top executives of the city committee of the All-Union Communist Party (the Bolsheviks)], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, aug. 9, no. 146, pp. 1.
- Sh. Narymskii okrug razvernul massovuiu rabotu sredi zhenshchin [The Narym district launched mass work among women], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1934, no. 1, pp. 14.
- Sheludkov A. Laponova – borets za bol'shevistskii kolkhoz [Laponova as a fighter for the Bolshevik kolkhoz], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, feb. 10, no. 17, pp. 3.
- Shipilina G.V. *Sel'skoe khoziaistvo i krest'ianstvo Tomskoi oblasti v seredine XX v.* [The agriculture and peasantry of the Tomsk region in the middle of the 20th century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 180 p.
- Shushakov L. Zhenshchiny sovetского Naryma [Women of the Soviet Narym], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1939, no. 2, pp. 5.
- Iu. D. Kostareva Kh. premirovana telochkoi [Yu.D. Kostareva Kh. was granted a calf], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, oct. 14, no. 136, pp. 3.

УДК 323(082.1)

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В РАКУРСЕ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: РЕПРЕССИИ В СОЛТОНСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1937–1938 гг.¹

Виктор Разгон, Галина Жданова

Аннотация. Изучение истории большого террора на микроуровне позволяет углубить представление о ряде базовых проблем истории массовых репрессий 1937–1938 гг., адекватное разрешение которых не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах макроисторического исследования. Это вопросы о целях репрессивной политики, критериях и механизме отбора жертв репрессий, формах и способах взаимодействия органов НКВД, партии и местного актива в реализации репрессивной политики, специфике следственных процедур, применявшихся в годы Большого террора. Более широкий масштаб репрессий в Солтонском районе, по сравнению со многими другими районами Алтайского края, определялся: 1) проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной карательной акции, обусловленной «провалом» в выполнении плана хлебозаготовок и в проведении кампании по выборам в Верховный Совет СССР; 2) использованием местным районным руководством своеобразных методов реализации репрессивной политики, способствовавших эскалации террора (составление по результатам обследования колхозов специальных актов с обязательным указанием в них «врагов народа»); 3) нацеленностью репрессий на ликвидацию относительно развитых в районе неколхозных форм организации производства – единоличных и кустарно-промысловых хозяйств. Два последних фактора эскалации репрессий характеризуют специфику проведения репрессивной политики периода Большого террора в аграрных районах страны, ее направленность на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя. Хотя карательная акция, проведенная в Солтонском районе в ноябре 1937 г., имела характер «спецакции» и в этом отношении может быть расценена как «казус», выходящий за рамки среднестатистических репрессий, она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива. В связи с этим данная репрессивная акция может быть расценена как один из кульминационных пунктов репрессивной политики по реализации приказа № 00447.

Ключевые слова: Большой террор, массовые репрессии, микроистория

Постановка проблемы. Интерес, проявляемый историками к феномену Большого террора, связан с актуализацией изучения модерниза-

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта регионального конкурса РГНФ «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» – Алтайский край «Массовые репрессии в Алтайском крае в 1937–1938 гг.: механизм реализации, региональная специфика», проект № 14-11-22004а(р).

ционных процессов, в рамках исследования которых политическое насилие в разных его формах рассматривается в современной литературе (Кип, Литвин 2009) в качестве одного из важнейших инструментов социалистической модернизации сталинского образца, проводившейся в Советском Союзе в 1930-е гг.

Изучение истории Большого террора на уровне микроисторического исследования, основанное «не на разглядывании мелочей, а рассмотрении в подробностях» (как образно определил суть микроистории один из ее основателей Дж. Леви), открывает возможности для более глубокого раскрытия многих важнейших вопросов, связанных с изучением политики массовых репрессий: каковы были ее цели, каким был механизм отбора жертв, чем определялись мотивы, формы и способы взаимодействия в проведении репрессивной политики органов НКВД, партийных организаций и местного актива, в чем заключалась специфика репрессивных действий в отношении различных категорий населения? Был ли Большой террор «стрельбой в толпу», вакханалией убийств, как считают некоторые исследователи, или это была целенаправленная акция? Определялась ли целенаправленность в отборе жертв их принадлежностью к определенным категориям населения, указанным в основном репрессивном нормативном акте периода Большого террора – приказе НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. (бывшие кулаки, белогвардейцы, члены небольшевистских партий, священнослужители, уголовники-рецидивисты) (Юнге, Биннер 2003: 84–93), или учитывались не только прошлые «политические грехи» и «темные пятна» в биографии, но и актуальный статус и деятельность жертв, а именно проявляемая ими в той или иной форме нелояльность к существующей социально-политической системе и экономическому строю.

Феномен Большого террора привлекает повышенное внимание исследователей истории сталинизма как в нашей стране (О.В. Хлевнюк (1992), Н.Г. Охотин (1997), А.Б. Рогинский (1997, 1999), Н.В. Петров (1997), Ю.Н. Жуков (2002), В.Н. Земсков (2009) и др.), так и за рубежом (Р. Конквест (1990), Дж. Гетти (2002), Л. Элман (2001), М. Юнге, Р. Биннер (2003) Н. Верт (2010) и др.). Исследуются и особенности проведения репрессивных акций в различных регионах СССР, в том числе в Сибири (Л.П. Белковец (1995), В.М. Самосудов (1998), А.Г. Тепляков (2008), А.И. Савин (2009), С.А. Папков (2012), В.Н. Уйманов (2012) и др.). Несмотря на появление специальных исследований по истории репрессий в отдельных районах и населенных пунктах – работы Р. Маннинга (1998), А.Ю. Ватлина (2004), С.А. Папкина (2009), Е.Ю. Виноградовой (2009), С.А. Шевырина (2009), – возможности для изучения такого сложного и многопланового явления, как Большой террор, на основе микроисторического подхода далеко не исчерпаны.

Выбор Солтонского района Алтайского края для изучения репрессий периода Большого террора на микроуровне обусловлен тем, что наряду с общими чертами реализация репрессивной политики в этом районе имела свои особенности, проявившиеся прежде всего в проведении здесь в ноябре 1937 г. массовой репрессивной акции районного масштаба (Юнге, Жданова 2010). Ее рассмотрение дает возможность углубить представление об обозначенных выше проблемах истории массовых репрессий, адекватное разрешение которых не представляется возможным в случае ограничения исследования только подходами, базирующимися на принципах и методах микроисторического исследования.

Исследование истории репрессий, проводившихся в одном из районов Алтайского края, предоставляет возможность выявления специфики проведения репрессивной политики в аграрных регионах, определения роли репрессий в утверждении колхозного строя.

Источники и методы. Статья написана на основе изучения материалов следственных дел, отложившихся в фондах отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края и архиве Информационного центра при ГУ МВД по Алтайскому краю, а также делопроизводительной документации (отчетов и протоколов районных партийных конференций, пленумов, собраний партхозактива и пр.) из фондов Солтонского райкома и райисполкома. Для статистического анализа использовались материалы базы данных отдела спецдокументации ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

Методы исследования: микроанализ, сравнительно-исторический.

Общая характеристика района накануне 1937 г. Солтонский район был образован в 1924 г. в составе Алтайской губернии, а в сентябре 1937 г. в числе других 55 районов вошел во вновь образованный Алтайский край. Территориально он был значительно больше нынешнего Солтонского района (включал часть территории современного Целинного района), насчитывал к 1937 г. 23 сельских совета и более 85 тыс. жителей. С экономической точки зрения это был типичный сельскохозяйственный район Алтайского края, однако наряду с земледелием здесь в силу природно-географических условий (район располагался у подножия Алтайских гор) значительное развитие получили животноводство, а также пчеловодство, охота, заготовка и обработка древесины и другие промыслы. Посевная площадь в районе в 1937 г. составляла около 30 тыс. га, поголовье рогатого скота – 35,7 тыс., лошадей – 9,3 тыс., овец – 34,9 тыс.; на колхозных и индивидуальных пасеках содержалось 16,4 тыс. пчелосемей (ОСД ГААК 1937–1938а: Т. 2, 142–143). На территории района действовали несколько промысловых колхозов: «Лесовод», «Сибирский охотник», «Лесной строитель», «Красный горняк», промколхоз им. Литвинова. Особенностью социальной

структуры населения района было значительное присутствие «пришло-го элемента» – людей, прибывавших сюда в период коллективизации из других районов Алтая и регионов страны, спасавшихся от «раскулачивания» и голода 1932–1933 гг. (наличие в районе обширных промысловых угодий давало возможность выжить в голодные годы коллективизации за счет лесного собирательства, рыболовства, охоты). Отличительной особенностью района была высокая доля единоличных хозяйств, что объяснялось местным руководством притоком переселенцев из других регионов (ГААК 1938: 8). Характерная в целом для 1930-х гг. частая сменяемость районных и сельских руководящих кадров в Солтонском районе усиливалась провалом сельскохозяйственных кампаний в 1937 и 1938 гг., а также социальной нестабильностью, связанной со слабостью колхозного уклада и наплывом в район маргинальных социальных элементов из других мест.

Статистика репрессий. Согласно информации, содержащейся в базе данных отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе были репрессированы 585 чел., в том числе мужчин – 584, женщин – 1. Из числа осужденных в Солтонском районе в 1937–1938 гг. были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) 59%, тогда как в целом по Алтайскому краю в рамках реализации репрессивной операции по приказу НКВД № 00447 – 45,5%. Если в большинстве районов Алтайского края и страны в целом доля осужденных к общей численности населения не превышала 0,5% (в среднем по стране – 0,47%), то в Солтонском районе этот показатель составил 0,69%. В сравнимых по численности населения соседних районах Алтая в 1937–1938 гг. было репрессировано существенно меньше, чем в Солтонском: в Солонешенском – 276 чел. (в том числе к ВМН – 47,8%), Тогульском – 317 чел. (в том числе к ВМН – 56,8%), Чарышском – 329 чел. (в том числе к ВМН – 37,4%), Алтайском – 332 чел. (в том числе к ВМН – 58,7%). Следовательно, можно говорить как о больших масштабах репрессий в рассматриваемом районе, так и об их большей жестокости, проявившейся в высокой доле выносимых смертных приговоров.

Проведение карательной акции в районе в ноябре 1937 г. Более широкий, чем в других районах, масштаб репрессий в Солтонском районе объясняется главным образом проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной репрессивной акции районного масштаба. В 1937 г. район «провалил» выполнение плановых заданий по сдаче зерна государству: к ноябрю 1937 г. они были выполнены только на 25%, из-за медленного проведения уборочных работ «под снег» ушла значительная часть урожая. 15 октября 1937 г. было проведено специальное объединенное заседание бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома Зап-

сибкрая, по итогам которого было принято решение провести в районе кардинальную кадровую чистку и распустить старый состав райкома и райисполкома (ГААК 1937: 14).

Репрессивные меры не ограничились только «зачисткой» районного партийно-советского руководства, было также решено провести в районе массовую репрессивную операцию. По указанию краевого руководства начальником Солтонского райотдела НКВД А.Г. Агаповым был подготовлен именной список лиц, подлежащих аресту. Однако во время посещения 16–17 ноября 1937 г. Солтонского района начальником УНКВД по Алтайскому краю С.П. Поповым, прибывшим сюда для встреч с избирателями в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета, баллотировавшегося по Бийскому избирательному округу, было принято решение о значительном расширении рамок репрессивной операции и доведения масштабов арестов до 200–250 чел. По свидетельству начальника Бийского оперсектора Г.Л. Биримбаума, сопровождавшего Попова в этой поездке, «по пути следования в Солтон с Поповым, в селе Карабинка должно было состояться предвыборное собрание, но таковое не состоялось из-за отсутствия необходимого количества людей на собрании. <...> В частных разговорах, в Солтонском райотделении НКВД Попов высказывал... опасение, что его кандидатура по Солтонскому району в депутаты Верховного Совета СССР может быть провалена, т.к. Солтонский район составлял 55% к общему числу избирателей по Бийскому избирательному округу» (ИЦ при ГУ МВД по АК 1939–1940: 99–104; Жданова, Юнге 2010: 558–562). В связи с этим организуемая масштабная репрессивная акция должна была не только очистить села района от «контрреволюционных элементов», саботировавших выборную кампанию, но посредством запугивания населения обеспечить 100-процентное голосование.

Хотя проведенная вслед за этим в Солтонском районе карательная акция имела во многом характер «казуса» или «спецакции», поскольку выходила за рамки «рядовых» репрессий, имевших место в других районах, она во многом более рельефно, чем «среднестатистические» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции. В частности, рассмотрение реализации этой репрессивной акции позволяет конкретизировать представление о механизме отбора жертв террора, характерном для «кулацкой операции». Для определения жертв, как правило, использовались имевшиеся у госбезопасности компрометирующие материалы в отношении лиц, каким-либо образом привлекавших внимание органов (бывшие кулаки, «лишенцы», белогвардейцы, участники крестьянских восстаний времени военного коммунизма, бывшие члены антибольшевистских политических партий). Однако при проведении отдельных репрессивных акций, имевших территориальную и временную локали-

зацию, мог использоваться и такой метод отбора жертв, как их определение и формирование списков работниками НКВД непосредственно в селах совместно с представителями местной сельской администрации. При этом, как указывал сотрудник районного отдела милиции Б., принимавший участие в репрессивной акции в Солтонском районе, «кандидатуры на арест подбирали по признакам связей с кулаками, в прошлом судимых за какие-либо преступления, плохо работающих в колхозе...», а «отдельные активисты села для ареста называли лиц, с которыми они находились в неприязненных отношениях, и сообщаемые ими сведения для ареста носили склочный характер» (Массовые репрессии... 2010: 619–620).

Солтонская «особая акция» ярко демонстрирует тесное сотрудничество между органами НКВД и сельским активом в проведении репрессивной политики, которое могло приобретать самые разнообразные формы: от снабжения органов следствия ключевыми для оформления дела на арестованных документами (справками сельсоветов, характеристиками правления колхозов, актами колхозных ревизионных комиссий о саботаже, вредительстве) и вплоть до оказания помощи в проведении арестов (как это имело место в с. Карабинка). Специфика ноябрьской акции в Солтонском районе проявилась также и в том, что для ее осуществления, в связи с большим объемом проводимых в короткие сроки следственных мероприятий (каждый из участвовавших в акции следователей оформил дела на 20–60 чел.), привлекались не только сотрудники милиции, что было распространенной практикой в 1937–1938 гг., но и гражданские лица – работники райкома партии (Жданова, Юнге 2010: 564–571). Такая «партийная мобилизация» для участия в реализации приказа № 00447 является одним из свидетельств тесного сотрудничества партийных и чекистских органов в проведении политики массовых репрессий, штрихом к оценке Большого террора как репрессивной акции, спланированной партийным руководством, утвержденной решением Политбюро и проводимой на местах на основе общих и координируемых действий партийных органов и сотрудников НКВД.

В ходе проводившейся в условиях дефицита времени карательной акции была доведена до крайности характерная в целом для репрессий периода Большого террора фальсификация следственных материалов, приобретая в данном случае почти тотальный характер. Об этом свидетельствуют отложившиеся в следственных делах материалы реабилитационных расследований, проводившихся во время «бериевской» и «хрущевской» реабилитаций.

Все названные выше характерные для Большого террора явления в наиболее явственной форме проявлялись как раз при осуществлении таких сжатых во времени локальных репрессивных акций, как проведенная в Солтонском районе.

Нацеленность репрессий на укрепление колхозного строя. Изучение истории массовых репрессий периода «Большого террора» на уровне рассмотрения их проведения в сельских районах позволяет конкретизировать представления о значении социально-экономических факторов в репрессивной политике, проявлявшемся в нацеленности репрессивных мер на укрепление колхозного строя. Как показывает изучение следственных дел репрессированных, далеко не последнюю роль в том, что они оказались в числе жертв репрессий, сыграло то обстоятельство, что они слабо интегрировались в колхозную систему или, более того, демонстрировали свою нелояльность колхозному строю или олицетворявшей этот строй сельской элите. В этом отношении многие следственные дела времени Большого террора отражают противоречия, характерные для становления колхозной системы в 1930-е гг.

Недовольство вынужденно вступивших в колхозы крестьян аграрной политикой советской власти приобрело форму своеобразного «скрытого бунта», проявлявшегося в отсутствии полной отдачи в труде, который не стимулировался должным материальным вознаграждением. Практически с самого начала реализации курса на насаждение системы колхозного производства властями использовались репрессивные меры, включавшие исключение из колхозов наиболее нерадивых работников, чистку их от «кулаков», осуждение за отказ от работы и хищение колхозной собственности (по закону об охране социалистической собственности от 7 августа 1932 г.). Трудностями становления колхозного строя, саботажем колхозного производства со стороны значительной части загнанных насильно в колхозы крестьян был во многом вызван и всплеск репрессий, имевший место в 1933 г. и нашедший выражение в сфабрикованных ОГПУ делах о «белогвардейском» и «сельскохозяйственном» «заговорах» в Западной Сибири. Наряду с репрессивными принимались также и меры, определяемые историками как «колхозный неонэп», направленные на развитие колхозной торговли, снижение планов хлебозаготовок, расширение подсобных хозяйств колхозников. Хотя эти меры и позволили вывести сельское хозяйство из острой фазы кризиса 1932–1933 гг., они коренным образом не изменили сложившуюся систему перекачки внеэкономическими методами из деревни в город продуктов и сырья, которая не стимулировала колхозников к производительному труду (Зеленин 1994).

Характеризуя причины Большого террора 1937–1938 гг., исследователи указывают на стремление властей очистить советское общество от остатков «социально чуждых» классов в связи с переходом к режиму «социалистической демократии» и отменой ограничений в избирательных правах после принятия Конституции 1936 г., уничтожить «пятую колонну» на случай предстоящей войны с империалистическими державами (Хлевнюк 1992; Юнге, Биннер 2003: 242–246). Вместе с тем

имеется немало оснований полагать, что террор 1937–1938 гг., в ходе которого основную массу репрессированных составили сельские жители, можно рассматривать также и как попытку посредством экстраординарных мер укрепить колхозный строй, очистив колхозы от наиболее явно саботировавших колхозное производство «элементов» и воздействуя дисциплиной страха на остальных.

В докладе наркома внутренних дел Ежова Сталину о первых итогах операции по приказу № 00447 от 8 сентября 1937 г., который был составлен через месяц с небольшим после ее начала, говорилось, что проведение операции «очистило деревню, внесло в нее определенное оздоровление и вызвало большой подъем политической и производственной активности колхозников. В результате трудовая дисциплина в колхозах повысилась, невыходы на работу резко сократились, увеличилась производительность и качество труда» (Вертикаль Большого террора... 2008: 202).

Важную роль в этой репрессивной акции или, если использовать лексику Ежова, в борьбе за «оздоровление» колхозов сыграло применение обвинений в диверсионной деятельности, вредительстве и саботаже, выдвигавшихся по пунктам 7, 9 и 14 58-й статьи УК. При этом как «вредительство» и «диверсии» квалифицировались проявления бесхозяйственности, трудовой недобросовестности, различного рода упущения в хозяйственной деятельности: срыв посевной или уборочной кампаний, уничтожение колхозного имущества из-за пожаров, поломка сельскохозяйственной техники, падеж скота из-за бескормицы и эпизоотий, порча зерна из-за неудовлетворительных условий его хранения и т.п. Если до 1937 г. такие упущения в хозяйственной деятельности, как правило, оставались безнаказанными или наказывались общественным порицанием либо административным штрафом, а в ряде случаев – судебным преследованием и осуждением по статьям за хозяйственные преступления, то теперь такого рода проявлениям бесхозяйственности, которая во многом имела объективные основания в слабой материальной базе сельхозпредприятий, придавалась окраска политического преступления – «саботажа», «диверсии» или «вредительства» колхозному строю, что позволяло применять для наказания политическую ст. 58 УК и, значит, выносить более суровые приговоры, чем по статьям о хозяйственных преступлениях, в том числе и «расстрельные». Изучение статистики обвинений, предъявлявшихся жителям Солтонского района, осужденным в 1937–1938 гг., показывает, что п. 7 ст. 58 УК, предусматривавший обвинения в «подрыве» экономики, присутствовал в обвинениях, предъявленных 53,7% осужденных, п. 9 («вредительство») – в обвинениях 29,3%, п. 14 («саботаж») – 9,9% осужденных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Обвинения, предъявлявшиеся репрессированным
в Солтонском районе в 1937–1938 гг.***

Статья обвинения**	% от числа осужденных
58-2 УК РСФСР Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти	82,1
58-6 УК РСФСР Шпионаж	2,2
58-7 УК РСФСР Подрыв госпромышленности, транспорта, торговли, денежного обращения	53,7
58-8 УК РСФСР Совершение террористических актов	15,9
58-9 УК РСФСР Разрушение, повреждение с контрреволюционной целью государственного или общественного имущества	29,3
58-10 УК РСФСР Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению советской власти	32,6
58-11 УК РСФСР Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению преступления, участие в контрреволюционной организации	96,0
58-14 УК РСФСР Контрреволюционный саботаж	9,9

* Составлено на основе материалов базы данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

** Большинству осужденных предъявлялись обвинения сразу по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР.

Так, в колхозе им. Литвинова за «вредительство» были арестована целая группа руководящих работников, включавшая председателя правления колхоза, председателя ревизионной комиссии, счетовода (ОСД ГААК 1937–1938б: 235–238). Была осуждена «группа вредителей» и в колхозе им. Сталина, «которая уничтожила свиноферму и 20 лошадей» (ГААК 1938: 8). За срыв уборки урожая 1937 г. (завалило снегом 26 га неубранных полей, сгнил в копнах урожай на 1,7 га) и несвоевременную подготовку к зиме скотных дворов, расцененные как «вредительство» и «саботаж», был арестован и осужден председатель колхоза «Вторая пятилетка». По сведениям, приведенным районным прокурором Хорошавиным на пленуме Солтонского райкома партии 11 сентября 1938 г., в период Большого террора в районе были арестованы органами НКВД и осуждены до 50 представителей колхозного руководства. Поэтому «при выборе нового руководства колхозов колхозники отказываются, боясь в своей судьбе за завтрашний день» (ГААК 1938а: 17). Согласно сведениям, содержащимся в базе данных

ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК)», в 1937–1938 гг. в Солтонском районе были осуждены 9 председателей колхозов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение репрессированных жителей Солтонского района по социальному положению / профессиям и мерам наказания*

Социальное положение / профессия (должность) на момент ареста	Число репрессированных		В том числе были приговорены			
			к расстрелу		к заключению в ИТЛ	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Члены колхозов (совхозов)	268	45,8	143	53,4	125	46,6
Единоличники	160	27,4	109	67,7	51	32,3
Служащие гос. учреждений	32	5,5	17	53,1	15	46,9
Кустари	20	3,4	11	55,0	9	45,0
Председатели, зам. председателей колхозов	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Промышленные рабочие	9	1,5	7	77,8	2	22,2
Руководители предприятий	10	1,7	7	70,0	3	30,0
Директоры, зам. директоров МТС	4	0,7	2	50,0	2	50,0
Рабочие МТС	7	1,2	1	14,3	6	85,7
Работники здравоохранения	2	0,3	2	100,0	–	0
Работники образования	2	0,3	2	100	–	0
Служители религиозного культа	9	1,5	8	88,9	1	11,1
Представители других профессий	19	3,3	8	42,1	11	57,9
Без определенных занятий	32	5,5	21	65,6	11	34,4
Нет сведений	2	0,4	–	0	2	100,0
Всего	585	100,0	345	59,0	240	41,0

* Составлено по материалам базы данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».

Материалы следственных дел также свидетельствуют, что председатели колхозов, находившиеся в положении своеобразного «защемления» между двумя крайностями, когда, с одной стороны, над ними постоянно нависала угроза наказания в случае невыполнения производственных планов, а с другой – в их подчинении были работающие без стимулов к труду колхозники, что делало проблематичным их выполнение, активно использовали ситуацию эскалации репрессий для укрепления собственной власти и трудовой дисциплины в колхозах посредством избавления от лиц, уклонявшихся от работы и систематически нарушавших трудовой распорядок (ОСД ГААК 1937–1938: Т. 2, 5–8; Т. 6, 248, 290). Среди пострадавших в годы Большого террора были и сельские «правдолюбцы», критиковавшие руководство на колхозных собраниях, сигнализировавшие в средства массовой информации о не-

достатках и злоупотреблениях, допускаясь колхозными руководителями. Даже начальник местного отдела НКВД Агапов, проявлявший особое рвение и энтузиазм в разоблачении «врагов народа» и «вредителей» (один из немногих в крае руководителей НКВД районного уровня, осужденный в 1940 г. за «нарушения соцзаконности», допущенные в ходе проведения операции по приказу № 00447), считал, что нередко руководители колхозов «проявляют антибдительность: пример, вышел колхозник из колхоза, так просят арестовать его как врага народа» (ГААК 1938: 8).

Как показывает изучение материалов, отражающих проведение репрессивной политики в Солтонском районе, в значительной степени эскалации репрессий в районе способствовало такое «изобретение» районных властей, как специально организуемое обследование хозяйственного состояния всех колхозов района, по результатам которого заполнялся составленный по определенной форме акт (его образец был разработан и передан в райзо начальником местной милиции Березко), в числе прочего включавший пункт «с обязательным указанием врагов народа», действовавших в том или ином колхозе. В некоторых из таких актов в качестве «врагов народа» указывалось до 10–12 чел., и «в данное время, – как отмечалось в одном из выступлений на пленуме райкома 11 сентября 1938 г., – не одна сотня работников не выходит на работу, ожидают, когда их арестуют» (ГААК 1938а: 14). Таким образом, этот пример показывает, что, достигая определенного предела, репрессии не столько дисциплинировали, сколько парализовали жизненную, в том числе и производственную, деятельность людей.

Подрыв рациональных оснований, определявших проведение репрессивной операции по приказу № 00447, одной из целей которой было укрепление колхозного строя, проявлялся и в том, что в ходе осуществлявшихся в сжатые сроки массовых репрессивных акций в жернова репрессий могли попасть не только нарушители трудовой дисциплины, пьяницы и нерадивые работники, но даже передовики колхозного производства. Расследование преступлений бывших сотрудников УНКВД по Алтайскому краю, проводившееся в 1939–1940 гг., когда после свертывания репрессивной операции, реализовавшейся на основе приказа № 00447, центральное партийное руководство решило указать НКВД на его место в системе власти и заодно переложить на него вину за массовые репрессии, включало проверку, в числе прочих, следственного дела на 32 чел., сфабрикованного в рамках вышерассмотренной карательной акции, проведенной в Солтонском районе. В ходе этой проверки заново собиралась информация, характеризующая социальное происхождение и трудовую активность осужденных. Согласно справкам, поступившим из колхозов и сельсоветов, среди осужденных по этому делу преобладали лица, вполне адаптировавшиеся к колхозным

производственным отношениям: «недобросовестно» относились к работе 11 чел., «удовлетворительно» – 2, а «добросовестно» – 13 чел., в том числе 6 чел. (20% от числа осужденных) премировались колхозным руководством за производственные достижения (ОСД ГААК 1937–1940: 181–185). Произвол, проявлявшийся в данном случае в действиях органов НКВД, был очевиден и некоторым представителям районного руководства. Так, директор местной МТС Стамбровский на районном партсобрании 26 мая 1938 г. по поводу карательной акции, проведенной в ноябре 1937 г., говорил, что «НКВД арестовала в Карабинке (в одном из наиболее пострадавших от репрессий сел. – В.Р., Г.Ж.) не вредителей, а просто мужиков» (ГААК 1938: 8).

О том, что среди целей репрессивной политики, проводившейся в период Большого террора, важное место отводилось укреплению колхозного строя, свидетельствует большое число репрессированных в этот период крестьян-единоличников, не желавших интегрироваться в колхозную систему. В Солтонском районе их доля среди репрессированных была выше среднестатистического уровня из-за более многочисленного слоя единоличников и кустарей в сельском населении района: если в целом по краю представители этой социальной категории среди репрессированных составляли не более 8%, то в Солтонском районе – 30,8%. При этом, как следует из данных табл. 2, единоличникам чаще выносились смертные приговоры, чем осужденным колхозникам.

Репрессивные операции периода Большого террора стали серьезным ударом по единоличному сектору, ускорили процесс перехода уцелевших единоличников в колхозы. Если в 1935 г. в районе имелось 2 600 единоличных хозяйств, то к маю 1938 г. их число сократилось до 900, т.е. в 3 раза (ГААК 1938: 5). Если в 1935 г. в единоличных хозяйствах было сосредоточено более 25% имевшегося в районе поголовья лошадей и 15% рогатого скота, то к 1938 г. эти показатели сократились до 2,5 и 2,6% соответственно (ОСД ГААК 1937–1938а: Т. 2, 142).

Выводы. Таким образом, более широкий масштаб репрессий в Солтонском районе, по сравнению со многими другими районами Алтайского края, определялся: 1) проведением здесь в ноябре 1937 г. специальной карательной акции, обусловленной «провалом» в выполнении плана хлебозаготовок и проведении кампании по выборам в Верховный совет СССР; 2) использованием местным районным руководством собственных своеобразных методов реализации репрессивной политики, способствовавших эскалации террора (обследование колхозов с составлением специальных актов с обязательным указанием в них «врагов народа»); 3) нацеленностью репрессий на ликвидацию относительно развитых в районе неколхозных форм организации производства – единоличных и кустарно-промысловых хозяйств. Два последних фактора

эскалации репрессий характеризуют специфику репрессивной политики периода Большого террора в аграрных регионах, проявлявшуюся в ее направленности на решение задач социалистической модернизации, связанных с укреплением колхозного строя.

Хотя карательная акция, проведенная в Солтонском районе в ноябре 1937 г., имела характер «спецакции» и в этом отношении может быть расценена как «казус», выходящий за рамки среднестатистических репрессий, она во многом более рельефно, чем «рядовые» репрессии, высвечивает специфику всей проводившейся по приказу № 00447 репрессивной операции: крайнее упрощение следственных процедур, масштабная фальсификация обвинений, активное сотрудничество в проведении репрессий органов НКВД, партийных структур и сельского актива.

Литература

- База данных ОСД ГААК «Учет граждан, осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР)».
- Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М.: IVDK, 1995. 316 с.
- Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 254 с.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Сост. М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. М.: Новый хронограф, 2008. 778 с.
- Виноградова Е.Ю. «Кулацкая операция» в Вышневолоцком и Фировском районах Калининской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 889–918.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). ФП. 44. Оп. 2. Д. 169. Стенограмма объединенного заседания бюро крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома по вопросу о «Солтонском деле», 1937.
- ГААК. ФП. 44. Оп. 2. Д. 180. Протоколы партсобраний Солтонского района за 1938 г.
- ГААК. ФП. 44. Оп. 2. Д. 181. Протоколы пленумов Солтонского райкома ВКП(б), 1938а.
- Зеленин И.Е. Был ли «колхозный неонэп»? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 105–121.
- Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6 (33). С. 89–105.
- Жуков Ю.Н. Репрессии и Конституция 1936 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–26.
- Информационный центр при ГУ МВД по Алтайскому краю (ИЦ при ГУ МВД по АК). Ф. 9. Оп. 29 а/с. Д. 576. Следственное дело по обвинению А.Г. Агапова, 1939–1940 гг.
- Кип Д., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 327 с.
- Маннинг Р. Бельский район. 1937. Смоленск: СГПУ, 1998. 128 с.
- Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.
- Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. 2. Оп. 7. Д. 5507. Т. 1–3. Следственное дело по обвинению Ф.М. Каширина, Н.И. Филиппова, Н.С. Сапожникова и др., 1937–1940 гг.

- ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5372. Т. 1–6. Следственное дело по обвинению И.А. Эмекова, М.Л. Потеряева, Ф.П. Атамасова и др., 1937–1938 гг.
- ОСД ГААК. ФР. 2. Оп. 7. Д. 6142. Т. 1, 2. Следственное дело по обвинению С.Г. Панина и др., 1937–1938а гг.
- ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7645. Следственное дело по обвинению Т.М. Дьяченко, А.К. Семенова, М. Кузнецова и др., 1937–1938б гг.
- Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75.
- Папков С.А.* «Кулацкая операция» 1937–1938 гг. в Краснозерском районе Западно-Сибирского края // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 844–860.
- Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД, 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.
- Савин А.И.* Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе кулацкой операции НКВД // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 303–342.
- Самосудов В.Н.* Большой террор в Омском Прииртышье. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 268 с.
- Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 627 с.
- Уйманов В.Н.* Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири (конец 1919–1941 г.). Томск: Томский государственный университет, 2012. 562 с.
- Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 270 с.
- Шевырин С.А.* Проведение «кулацкой операции» 1937–1938 гг. в селе Кояново Пермского района Свердловской области // Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2009. С. 861–888.
- Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «большим». М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.
- Юнге М., Жданова Г.Д.* Проведение карательной акции в Солтонском районе Алтайского края // Массовые репрессии в Алтайском крае, 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. С. 556–578.
- Conquest R.* The Great Terror. A Reassessment. London, 1990.
- Ellman M.* The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53, № 8. P. 1221–1233.
- Getty J.A.* «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review. 2002. Vol. 61, № 1. P. 113–139.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2014 г.

Razgon Viktor N., Altai State University (Barnaul, Russia)

Zhdanova Galina D., State Archive of Altai Region (Barnaul, Russia)

THE GREAT TERROR IN MICRO HISTORICAL RESEARCH: REPRESSIONS IN SOLTON DISTRICT OF ALTAI REGION IN 1937–1938*

Abstract. Studying the history of the Great Terror at the micro level allows us to concretize the knowledge of the basic problems of the history of mass repressions in 1937–1938 adequate resolution of which is not possible if the study is limited purely to approaches based on the principles and methods of macro historical research. These are questions about the objectives of the repressions, criteria and the mechanism for selecting victims of repressions, forms and methods of interaction of the NKVD, party organizations and local activists in the imple-

mentation of repressive policies, the specifics of investigative procedures during the Great Terror.

The repressions in Solton district, greater in scale if compared to many other districts of the Altai region, are accounted for by the following: 1) the special repressive action in November 1937 led to some 'failures' in the fulfillment of the grain procurement plan and in the campaign for elections to the Supreme Council of the USSR; 2) the use of specific methods for implementing repressive policies on the part of local district leadership that contributed to the escalation of terror (the examination of collective farms and compiling of special acts with an obligatory indication of 'enemies of the people'); 3) the emphasize put on eradication of non-collective forms of rural economy, which had been developed in Solton. The last two factors are indicative of the specificities of the repressive policies implemented during the Great Terror in rural areas of the country, with its focus on the tasks of socialist modernization related to the strengthening of collective farming.

Although the punitive action of November 1937 in Solton was more of a 'special action' character, and in this respect can be regarded as an 'incident', which was beyond the scope of the generally conducted repressions, it shows more clearly than 'ordinary' repressions do the specificity of the repressive operation fulfilled under the NKVD order № 00447: the extreme simplification of the investigative procedures, large-scale falsified charges, active cooperation in the implementation of repressive policies between the NKVD, party structures, and rural activists. Thus, this repressive action can be considered as one of the culmination points in the repressive policies on the implementation of the order № 00447.

Key words: Grate Terror, mass repressions, micro history

*The study is conducted under a research project of the regional competition held by the Russian Foundation for Humanities, 'Russian power will grow through Siberia and the Arctic Ocean' – Altai region 'Mass repressions in the Altai region in 1937–1938: mechanisms of realization, regional specificities, project № 14-11-22004a(p).

References

- Baza dannykh OSD GAAK «Uchet grazhdan, osuzhdennykh po politicheskim motivam (st. 58 UK RSFSR)» [The database of the Special Documentation Department of the State Archive of Altai region 'Records of citizens convicted for political reasons (art. 58 of the RSFSR Criminal Code)'].
- Belkovets L.P. «Bol'shoi terror» i sud'by nemetskoj derevni v Sibiri (konets 1920-kh – 1930-e gg.) [The 'Great Terror' and the fates and fortunes of German vilages in Siberia at the end of the 1920s and in the 1930s]. Moscow: IVDK, 1995, 316 p.
- Vatlin A.Iu. Terror raionnogo masshtaba: «massovyje operatsii» NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoj oblasti 1937–1938 gg. [Terror of local scale: 'mass operations' of NKVD in the Kuznetsk district of the Moscow region in 1937–1938]. Moscow: ROSSPEN, 2004, 254 p.
- Vert N. Terror i besporiadok. Stalinizm kak sistema [Terror and disorder. Stalinism as a system]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 447 p.
- Vertikal' Bol'shogo terrora. Istoriia operatsii po prikazu NKVD № 00447 [The vertical of the Great Terror. The history of operations fulfilled under the NKVD order no.00447], Compiled by M. Iunge, G. Bordiugov, R. Binner. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 778 p.
- Vinogradova E.Iu. «Kulatskaia operatsiia» v Vyshnevolotskom i Firovskom raionakh Kalininskoi oblasti, Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447 [The Kulak operation' in the Vyshnevolotskiy and Firovskiy districts of the Kalininsk region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 889–918.

- Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)* [The State Archive of Altai region]. F. 44, in. 2, c. 169. Stenogramma ob"edinennogo zasedaniia biuro kraikoma VKP(b) i prezidiuma kraispolkoma po voprosu o "Soltonskom dele", 1937.
- GAAK*. FP. 44, in. 2, c. 180. Protokoly partsobranii Soltonskogo raiona za 1938 g.
- GAAK*. FP. 44, in. 2, c. 181. Protokoly plenumov Soltonskogo raikoma VKP(b), 1938a g.
- Zelenin I.E. Byl li «kolkhozni neonep»? [Was there ever the 'kolkhoz neo-NEP (New Economic Policy)?'], *Otechestvennaia istoriia*, 1994, no. 2, pp. 105–121.
- Zemskov V.N. O masshtabakh politicheskikh repressii v SSSR [On the scale of political repressions in the SSSR], *Mir i politika*, 2009, no. 6 (33), pp. 89–105.
- Zhukov Iu.N. Repressii i Konstitutsiia 1936 g. [Repressions and the Constitution of 1936], *Voprosy istorii*, 2002, no. 1, pp. 3–26.
- Informatsionnyi tsentr pri GU MVD po Altaiskomu kraiu (ITs pri GU MVD po AK)* [The information centre at the Main Directorate of the Ministry of the Interior for Altai region (ITs pri GU MVD po AK)]. F. 9, in. 29 a/s, c. 576. Sledstvennoe delo po obvineniiu A.G. Agapova, 1939–1940 gg.
- Kip D., Litvin A. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaia istoriografiia*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 327 p.
- Manning R. *Bel'skii raion. 1937*. Smolensk: SGPU, 1998, 128 p.
- Massovye repressii v Altaiskom krae, 1937–1938 gg. Prikaz № 00447* [Mass repressions in the Altai region in 1937–1938. Order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 751 p.
- Otdel spetsdokumentsii Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia (OSD GAAK)* [Special Documentation Department of the State Archive of Altai region (OSD GAAK)]. F. 2, in. 7, c. 5507, vol. 1–3. Sledstvennoe delo po obvineniiu F.M. Kashirina, N.I. Filippova, N.S. Sapozhnikova i dr., 1937–1940 gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 5372, vol. 1–6. Sledstvennoe delo po obvineniiu I.A. Emekova, M.L. Poteriaeva, F.P. Atamasova i dr., 1937–1938 gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 6142, vol. 1, 2. Sledstvennoe delo po obvineniiu S.G. Panina i dr., 1937–1938a gg.
- OSD GAAK*. F. R-2, in. 7, c. 7645. Sledstvennoe delo po obvineniiu T.M. D'iachenko, A.K. Semenova, M. Kuznetsova i dr., 1937–1938b gg.
- Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoj operatsii» NKVD 1937–1938 gg., *Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskikh nemtsev* [From the history of the 'German operation' of NKVD in 1937–1938, The punished people. Repressions towards the Russian Germans]. Moscow, 1999, pp. 35–75.
- Papkov S.A. «Kulatskaia operatsiia» 1937–1938 gg. v Krasnozerskom raione Zapadno-Sibirskogo kraia, *Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [The 'Kulak operation' of 1937–1938 in the Krasnozerskiy district of the West-Siberian region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 844–860.
- Papkov S.A. *Obykvennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440 p.
- Petrov N.V., Roginskii A.B. «Pol'skaia operatsiia» NKVD, 1937–1938 gg., *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan* [The 'Polish operation' of NKVD, 1937–1938, Repressions towards Poles and Polish citizens]. Moscow, 1997, pp. 22–43.
- Savin A.I. Repressii v otnoshenii evangel'skikh veruiushchikh v khode kulatskoj operatsii NKVD, *Stalinizm v sovetskoj provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [Repressions towards the evangelicals in the course of the Kulak operation of NKVD, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 303–342.
- Samosudov V.N. *Bol'shoi terror v Omskom Priirtysh'e*. Omsk: Izd-vo OmGPU, 1998, 268 p.
- Tepliakov A.G. *Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine: Joint State Political Directorate – People's Commissariat for Internal Affairs for Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 627 p.

- Uimanov V.N. *Likvidatsiia i reabilitatsiia: politicheskie repressii v Zapadnoi Sibiri (konets 1919–1941 g.)* [Elimination and rehabilitation: political repressions in Western Siberia at the end of the 1919th to the year 1941]. Tomsk: Tomsk State University, 2012, 562 p.
- Khlevniuk O.V. *1937-i: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [The year 1937: Stalin, NKVD, and the Soviet society]. Moscow: Respublika, 1992, 270 p.
- Shevyrin S.A. Provedenie «kulatskoi operatsii» 1937–1938 gg. v sele Koianovo Permskogo raiona Sverdlovskoi oblasti, *Stalinizm v sovetskoii provintsii 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [The conduct of the ‘Kulak operation’ in 1937–1938 in the village of Koyanovo in the Perm district of the Sverdlovsk region, Stalinism in the Soviet province in 1937–1938. The mass operation under the order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2009, pp. 861–888.
- Iunge M., Binner R. *Kak terror stal «bol'shim»* [On how the terror turned ‘great’]. Moscow: AIRO-KhKh, 2003, 352 p.
- Iunge M., Zhdanova G.D. Provedenie karatel'noi aksii v Soltonskom raione Altaiskogo kraia, *Massovye repressii v Altaiskom krae, 1937–1938 gg. Prikaz № 00447* [The conduct of a punitive action in the Solton district of the Altai region, Mass repressions in the Altai region, 1937–1938. Order no. 00447]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 556–578.
- Conquest R. *The Great Terror. A Reassessment*. London, 1990.
- Ellman M. The Soviet 1937 Provincial Show Trials: Carnival or Terror? *Europe-Asia Studies*, 2001, vol. 53, no. 8, pp. 1221–1233.
- Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s, *Russian Review*, 2002, vol. 61, no. 1, pp. 113–139.

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ

УДК 94(47)

НАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ В.С. СОЛОВЬЕВА¹

Вячеслав Кудряшев

Аннотация. Одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. являлся В.С. Соловьев. Мыслитель рассматривал проблемы нации через призму движения человечества к единству на основе христианства.

Обращаясь к общепринятым чертам или признакам национального единства, философ, по существу, опровергал их действенность только как национальных идентификаторов. Важнейшим фактором национальной солидарности он определял национальное самосознание, формирование которого было важнейшим критерием становления народности (нации). Поэтому главным в национальной идентификации человека В.С. Соловьев считал его самоопределение. Нация В.С. Соловьеву интересна как основная форма объединения людей на современном ему этапе, как общность, в рамках которой будет развиваться христианское всеединство человечества. Но в истории человечества народность выступала как сила, дифференцировавшая и разделявшая, а значит, противоречащая объединяющим нравственным началам христианства. В.С. Соловьев предполагал сохранение глобальной системы «личность – нация – человечество (как единая цивилизация)», но надеялся на изменение принципов взаимодействия между ними посредством реализации идеи богочеловечества. Движение к межнациональному объединению – «всеединству» составляло, по Соловьеву, сущность исторического прогресса и определяло перспективы развития нации как формы человеческого сообщества. По его мнению, факторы, консолидировавшие народность в прошлом: единство происхождения, национальный язык, общая история, в (его) настоящем отходили на второй план перед общностью целей совокупности личностей, сознательно причисляющих себя к данной национальности и оформленной в качестве национальной идеи.

Ключевые слова: нация, национальная идея, национализм, всеединство

Постановка проблемы. В.С. Соловьев относится к мыслителям XIX в., стремившимся заглянуть в будущее человечества. Его смелые футуристические построения вызывали споры не только современников, но и интеллектуалов уже много позже смерти философа. Одной из самых ярких и дискуссионных идей была попытка обосновать возможность духовного единства человечества, преодолевшего конфессио-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

нальные, интеллектуальные, культурные и национальные противоречия. В этой связи представляет большой интерес комплекс взглядов В.С. Соловьева на ретроспективу и перспективу нации как формы человеческого сообщества. В эпоху господства различных вариантов национализма в европейской общественной мысли и формирования его в российской мысли он нашел в себе смелость поставить под сомнение эффективность традиционных факторов национального единства и сформулировать условия перехода к новым, высшим формам единения людей.

В.С. Соловьев является одной из самых противоречивых фигур в русском национальном дискурсе XIX в. При этом для русской и зарубежной историографии было характерно стремление идентифицировать мыслителя с точки зрения близости к основным течениям общественной мысли России. Если в либеральной литературе В.С. Соловьев предстал продолжателем славянофильской традиции (Милюков 1903: 49), то в консервативной и позднеславянофильской он, напротив, критиковался за пренебрежение национальными интересами и ценностями русского народа (Астафьев 1890: 32–33; Киреев 1912: 96). Уже после смерти философа его труды получили более взвешенную оценку как противника национального изоляционизма и идей национального превосходства (Бердяев 1911: 3–7; Величко 2000: 293).

На сложность определения места философа в спектре течений общественной мысли России обращали внимание А. Лосев (1990: 138) и Е.Н. Трубецкой (1907: 362–367), не идентифицируя его ни как славянофила, ни как западника, ни как консерватора, ни как либерала. Большую близость философа к западничеству обеспечивали условия общественного противостояния, прежде всего жесткая критика В.С. Соловьевым славянофильства. О.Ю. Малинова (2000: 115) отмечает широкий гуманистический характер его концепции, по некоторым и весьма существенным позициям совпадавшей с идеями, которые принято характеризовать как либеральные, по некоторым – расходившейся с ними.

Но одновременно его концепция будущего человечества как теократии и связанная с ней трактовка «русской идеи» давали основания либерально настроенным современникам и более поздним исследователям его творчества характеризовать их как абстрактную утопию, некоторые положения которой носили реакционный характер (Трубецкой 1991: 468). Утопизм идей философа отмечали Н.А. Бердяев (1911: 363) и А.Ф. Лосев (1990: 302–303), отрицая наличие реакционных тенденций в историсофской концепции философа.

Оставаясь, в целом, в рамках западнического контекста, В.С. Соловьев занимал особую позицию, поскольку проблемы национальностей рассматривал через призму движения человечества к единству на основе христианства. Философ выстраивал свои взгляды по национальному

вопросу в рамках «христианского универсализма», опираясь на представление о религиозно-этической детерминации национального бытия. Задачей данного исследования является определение роли нации в историософских взглядах В.С. Соловьева и их корреляция с его воззрениями на наиболее острые и актуальные национальные проблемы современной ему России.

Проблема генезиса наций. В.С. Соловьев предложил развернутую историческую картину образования наций, встроившую в общую историю человечества. По его мнению, народность или национальное единство не являлись изначальными формами организации человека. В первобытном обществе народности не существовали, так же как не знали национальной идентичности дикие племена, современные В.С. Соловьеву (Соловьев 1914: 311–312 Оправдание...).

Однако и вышедшие из дикости и достигшие высочайшего уровня культуры древние греки, имея языковое единство, близость религии и культуры, не сплотились в народность. Они объединялись в локальные гражданские сообщества, существовавшие в рамках полисной системы, и их солидарность, таким образом, носила политический, а не этнический характер. Только противостояние с Персией дало импульс формированию национального единства, но оно было краткосрочным и сохранилось лишь до исчезновения угрозы порабощения. Греки, создав феномен идейной общности античного мира, основанный на «универсально-культурном самосознании», перешагнули через стадию национальной организации от полисной структуры к эллинистическому миру. В представлении философа, в последнем практически отсутствовал национальный элемент, поскольку данный культурно-исторический круг не совпадал с границами греческого этноса, и идентификация осуществлялась не на основе языка или происхождения, а «только усвоением высшей умственно-эстетической культуры» (312).

Альтернативой наднациональной античной цивилизации представал Восток. Но и здесь нации не могли сложиться в силу поглощения народов «всемирными монархиями» – ассиро-вавилонской, а затем персидской. В них впервые племенное деление сменилось универсальным принципом подданства монарху. Рим еще в период пунических войн, выйдя за границы латинской этничности, силой оружия уничтожая национальные границы в Европе и Азии, создал многоязычное и поликонфессиональное сообщество, объединенное универсальностью римского гражданства и римского права (313).

Первой исторически сложившейся народностью, пришедшей к осознанию себя как нации, В.С. Соловьев считал евреев. Еврейское национальное сознание носило выраженный религиозный характер и основывалось на представлении о собственной богоизбранности и мессианстве (315).

Пробуждение наций приобрело характер исторически устойчивой тенденции в эпоху перехода от Античности к Средневековью и происходило на фоне распространения христианства. В.С. Соловьев не связывал напрямую эти процессы, но считал, что христианство влияло на европейский этногенез. В отличие от А.Д. Градовского, который видел в католической церкви силу, мешавшую обособлению народностей (Градовский 1901: 10), В.С. Соловьев подчеркивал ее позитивную роль, прежде всего, на ранних этапах. Но уже в эпоху позднего Средневековья католическая церковь, не замечая происшедших перемен, вступила в конфликт с формирующимся национальным самосознанием (Соловьев 1914: 319 Оправдание...).

Образование народностей, по В.С. Соловьеву, происходило не одновременно. Он связывал осознание народом своей национальной особенности с выполнением какой-либо миссии, имевшей наднациональное значение. Раньше других европейских народов на этот путь встала Италия, чье национальное пробуждение философ относил к XII в. Оно проявилось не только в появлении нового итальянского языка, но, прежде всего, в небывалом взлете итальянского искусства, науки. Их влияние носило всемирный характер, поэтому, несмотря на продолжавшуюся политическую раздробленность и агрессию внешних сил, В.С. Соловьев полагал итальянскую нацию состоявшейся (320–321).

Становление Испании как народности связывалось философом с ее лидерством в противостоянии исламской агрессии, что привело к преобладанию в национальном сознании испанцев религиозного фактора. Испанская национальная идентичность практически совпадала с католической, т.е. главным было деление на христиан и мусульман. В.С. Соловьев не закрывал глаза на «темные страницы» в истории католицизма, но был убежден, что жесткая антиисламская направленность идеологии испанского общества была оправдана остротой борьбы, носившей не только межрелигиозный, но и межцивилизационный характер. Защищая христианство, испанцы не только спасли Европу от захвата, но и обеспечили будущий прогресс человечества (321–322). И вновь реализация миссии, выходящей за национальные рамки, связывается в работах мыслителя с признанием факта рождения нации. В то же время борьба с противниками католической церкви, позволившая Испании стать европейским гегемоном, в условиях распространения протестантизма сделала ее оплотом реакции и, в конце концов, подорвав силы нации, привела к ее закату (325).

Тот же протестантизм разбудил национальные силы в Англии, которая, не замкнувшись в рамках национализма, внесла свой вклад в мировую культуру и науку. Английская колониальная экспансия преподносится В.С. Соловьевым как продвижение высочайших достижений английского общества по всему миру. Кульминацией французской нации

философ видел Великую революцию, распространившую на всю Европу «принципы гражданской равноправности, религиозной и политической свободы». В начале XIX в. Германия, пребывавшая в состоянии политической раздробленности и «бессилия», достигает европейского первенства в области «высшей культуры – умственной и эстетической». Величие национального духа России связано с именами Пушкина и Петра I, представлявшимися В.С. Соловьеву олицетворением его общечеловеческого, но не узконационального характера (326–327).

В рассуждениях В.С. Соловьева о последовательном выходе на историческую арену новых народностей, вносящих какую-либо новацию в развитие человечества, заметно гегелевское влияние. Правда, у В.С. Соловьева нет четко определенного лидера эпохи, данную функцию могут одновременно выполнять несколько народов, олицетворявших прогресс в различных областях. Кроме того, философ акцентирует внимание на невозможности образования и развития наций в состоянии замкнутости и обособленности от остального человечества: «История всех народов – древних и новых, – имевших прямое влияние на судьбы человечества, говорит нам одно и то же. Все они в эпохи своего расцвета и величия полагали свое значение, утверждали свою народность не в ней самой, отвлеченно взятой, а в чем-то всеобщем, сверхнародном, во что они верили, чему служили и что осуществляли в своем творчестве – национальном по источнику и способам выражения, но вполне универсальном по содержанию или предметным результатам. Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т.е. того, что для них всего важнее и что нужно всему миру, чем они могут послужить ему, – они живут не для себя только, а для всех» (328). Получается парадоксальный постулат – национально то, что наднационально.

Национальная идентичность и национальные идентификаторы. Данная логика была следствием рассмотрения В.С. Соловьевым проблем наций через призму движения человечества к единству на основе христианства: «Задача христианской религии – объединить весь мир в одно живое тело, в совершенный организм богочеловечества» (Соловьев 1914: 28 О народностях...). Он неоднократно подчеркивал, что христианство не отрицает национального деления, и последнее сохранится в процессе реализации христианского всеединства, более того, это движение будет реализовываться через приобретение новых качеств не только отдельными личностями, но и народами (Соловьев 1914: 318 Оправдание...).

Развитие сверхнародного предполагало увеличение в жизни каждого человека роли универсальных общечеловеческих ценностей. Так же и каждый народ, развиваясь к сверхнародному, все больше будет ориентироваться на общечеловеческое. Национальные черты не являлись для

В.С. Соловьева абсолютной ценностью, поскольку они могли содержать отрицательные качества: «Бывает дурная собирательная воля, ложное направление народной жизни и деятельности, бывают исторические грехи, тяготеющие над народною совестью; ото всего этого нужно освободиться, но такое освобождение может только укрепить народность, усилить и расширить проявление ее положительного характера» (318). Но кто и на основе каких критериев определял позитивные и негативные черты народности? Исходя из логики философа, годность национальных черт зависела от соответствия общечеловеческим христианским качествам.

Обращаясь к общепринятым чертам или признакам национального единства, философ, по существу, опровергал их действительность только как национальных идентификаторов. По его мнению, «физическая близость» в рамках народности проявлялась весьма слабо, напротив, единство происхождения человечества признавалось тремя основными монотеистическими религиями и доказывалось научными методами естествоиспытателями и философами (466).

Менее однозначным В.С. Соловьев признавал действие другого критерия национального деления – языка. Он писал: «Различие языков есть различие существенных форм душевной жизни», соглашаясь с тем, что языковое многообразие отражало «особую качественность души», присущую разным народам (466). Но исторически сложившийся мультилингвизм не мог служить препятствием в общении между представителями различных национальностей, поскольку «различие языков не мешает единодушию, единомыслию и даже единословию людей; ибо в этом различии не упраздняется, а проявляется единое внутреннее слово, несомненно общее всем людям, так как все, при известных условиях, могут понимать друг друга, на каких бы языках они ни говорили». Наличие некоего высшего смысла, который «взаимно понимается», не относится только к случайным предметам, а «обнимает самое внутреннее содержание души человеческой», позволяло изучать чужую речь и свободно преодолевать языковой барьер. Языковые различия между народами не могли противодействовать реальной связи и единству всех людей, определяемому «самим внутренним содержанием души человеческой» (466).

Общность исторической судьбы сплачивала народ. Однако В.С. Соловьев не видел причин противопоставлять историю отдельного народа как обособленного и уникального феномена истории человечества. Только вливаясь в общеисторический процесс, народ реализовывал себя как его самостоятельный субъект. Другими словами, вне общей истории человечества национальной истории не могло быть – «народность живет, движется и существует только носимая средой сверхнародной и международной» (468). Таким образом, единство проис-

хождения, языка и истории, по мнению В.С. Соловьева, более указывали на общность человечества, нежели разделяли людей на национальности (465–466).

Важнейшим фактором национальной солидарности философ определял национальное самосознание, формирование которого было важнейшим критерием становления народности (национальности) (Соловьев 1914: 27–28 О народностях...). Поэтому главным в национальной идентификации человека в современных ему условиях В.С. Соловьев считал его самоопределение: «На той степени развития, какой достигло человечество, принадлежность данного лица к известной народности закрепляется его собственным актом самосознания и воли» (Соловьев 1914: 329 Оправдание...). Если язык, происхождение, история рассматривались мыслителем как факторы, создающие единство человечества, то препятствием к реализации сверхнационального оставалось самосознание отдельных личностей.

Поскольку объективные факторы, создающие национальное единство, философ отрицал, значение имели только субъективные, схожие по своему действию на общественном и индивидуальном уровне. В итоге национальное самосознание в масштабах народа для В.С. Соловьева принципиально не отличалось от индивидуального, оно было только более устойчиво во времени: «Народный характер отличается от единичного большим объемом и долговечностью его носителя, а не чем-нибудь принципиальным» (315). То есть трансформацию народного сознания можно было производить через корректировку индивидуального.

Но одновременно принадлежность человека к определенной нации рассматривалась философом как «прямое продолжение и расширение его индивидуальности», а значит, национальность – «не только физический факт, но и психическое, и нравственное определение». В.С. Соловьев подчеркивал, что народность есть «внутренняя, неотделимая принадлежность» человека, то, «что для него в высокой степени дорого и близко. И как же возможно нравственное отношение к этому лицу, если не признать существование того, что для него так значительно? Нравственный принцип не позволяет превращать действительное лицо, живого человека с его неотъемлемым и существенным национальным определением в какой-то пустой, отвлеченный субъект, произвольно выделяя из него определяющие его особенности» (329).

Христианское единение, по мысли философа, не уничтожало национальных особенностей, национальные различия «должны пребыть до конца веков». Народы остаются на деле обособленными членами «всемирного организма», но и всемирная цивилизация должна существовать не в виде отвлеченной идеи или идеала далекого будущего, а в виде реального социального тела, способного выступать как «явная и непрестанная центростремительная сила», которая могла бы противо-

действовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество» (Соловьев 1989: 240 Русская...).

Народность (нация) В.С. Соловьеву интересна как основная форма объединения людей на современном ему этапе, как общность, в рамках которой будет развиваться христианское всеединство человечества. Но в истории человечества народность выступала как сила, дифференцировавшая и разделявшая, а значит, противоречащая «всеединящим нравственным началам христианства» (Соловьев 1914: 6 Национальный...).

Национальная идея. Новый смысл существования наций в условиях движения к всеединству философ пытался выявить через определение понятия и содержания национальной идеи. Он понимал сложность задачи поиска идеи, способной объединить совокупность разнонаправленных интересов множества личностей, разделенных религиозно, политически, социально. Национальная идея не должна была содержать сиюминутных задач, а ориентировать нацию на длительный исторический период. Мнение отдельного человека, социальной группы и целого народа может быть ошибочным. В.С. Соловьев приводил исторические примеры, когда целые народы, заблуждаясь в понимании своего места в истории, расплачивались за ошибки потерянными эпохами и своим будущим (Соловьев 1989: 227 Русская...).

Философ обращается в своих поисках не к общественному мнению, а к христианству как носителю высших ценностей: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». С этой точки зрения цель любого народа заключалась в возможности реализовать свои силы и особые дарования через участие в жизни вселенской Церкви, в развитии «великой христианской цивилизации», а национальная идея трактовалась как «органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни» (220).

Чтобы изменить собственную сущность и стать источником интеграции, христианская нация в своем бытии должна подчиниться вселенскому началу. Поскольку всеобщее единение человечества в «живом теле Христовом» является конечной целью исторического прогресса, то нация становилась, по мнению философа, реальной силой земной истории, только когда включалась в осуществление этой единой цели: «...народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила, природная историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование» (Соловьев 1914: 25 О народностях...).

Однако одновременно любая народность обретает понимание собственной значимости, своего национального «Я», только если она органически входит в человеческое единство. В концепции «христианского всеединства» национальная идея должна подчиняться вселенской хри-

стианской идее достижения «совершенного богочеловечества». Национальное призвание В.С. Соловьев определял как служение ради вселенского блага. Только оно придавало смысл национальному существованию (Соловьев 1914: 14 Нравственность...).

Самобытность народа философ считал источником «великой земной силы», потенциала, для реализации которого необходимо внешнее воздействие. Без приобщения к достижениям человечества народ обречен на стагнацию и гибель. Поэтому народ должен быть открыт для воздействия извне (Соловьев 1914: 27 О народностях...).

Готовность к восприятию благотворного «просвещающего и оживляющего» внешнего влияния требует национального самоотречения, которое нельзя трактовать как отказ от сущности народности – «родной почвы», но как отказ от принципа абсолютной самодостаточности народа, от надежды на его самобытность как основной или единственный источник развития. Только отбросив национальный эгоизм, нация сможет реализовать истинную цель своего существования – всеединство человечества. Национальное самоотречение можно считать состоявшимся, когда всеобщее благо отождествляется с национальным благом. Народность при этом не исчезает, не растворяется в человечестве, но перестает воспринимать себя самоценной и исторически незаменимой (27–28).

Философ призывал нации при выборе целей руководствоваться принципами христианской этики, считая, что каждая национальность (как и личность) имела право на собственные интересы, но равно национальность должна налагать на себя обязанность бескорыстно и безусловно исполнять долг. Часто насущные, сиюминутные материальные интересы народа могли приходиться в противоречие с его «высшими нравственными задачами». В таком случае в выборе цели народ должен был руководствоваться голосом совести: «Не в нашей власти заставить других исполнять их обязанность, но исполнить свою мы можем и должны, и, исполняя ее, мы тем самым послужим и общему вселенскому делу; ибо в этом общем деле каждый исторический народ, по своему особому характеру и месту в истории, имеет свое особое служение» (Соловьев 1914: 16–17 Нравственность...).

Важным элементом национальной идеи В.С. Соловьев называл отношение нации к другим народностям. Одним из главных условий изменения роли национальности и превращения ее в интегрирующую силу должна была стать возрастающая межнациональная толерантность. По его мысли, это не означало отказа от национальных свойств и особенностей. Устранение недоверия и вражды к представителям других национальностей должно было происходить не через универсализацию национальной психологии, а через формирование универсальной этики: «Требование любить другие народности, как свою собственную, вовсе не означает психологической одинаковости чувства, а только этическое

равенство волевого отношения: я должен так же хотеть истинного блага всем другим народам, как и своему собственному; эта “любовь благоволения” одинакова уже потому, что истинное благо едино и нераздельно» (Соловьев 1914: 330 Оправдание...).

Итак, национальная идея определяла цель и смысл существования нации. Конечной целью национального развития философу представлялась самореализация народности как полноправного участника процесса движения к всеединству через обретение сверхнациональных интересов. Категория сверхнационального использовалась В.С. Соловьевым для определения состояния, которого достигают «христианские нации», при условии следования христианским этическим ценностям. Сохраняя внешние атрибуты национальности, внутренне они перерастают рамки народности и уходят «в жизнь всемирно-историческую» (Соловьев 1914: 384 Мир...). В.С. Соловьев объявил своим идеалом «христианскую нацию», которая удовлетворяла главному критерию – избавлению от национальной замкнутости и работала на развитие всего человечества. Это ставит под сомнение универсальность его футуристических построений. Провозглашая межнациональную толерантность важнейшим условием движения к всеединству, философ включал в нее и принцип свободы совести. Но при этом он всегда связывал идею прогресса с христианством, и будущая целостность человечества представлялась ему возможной только в рамках христианского всеединства. Само всеединство предполагало достижение конфессионального компромисса только внутри христианства и распространение его принципов на все человечество. Да и сам национальный вопрос он рассматривал исключительно в рамках Европы, допуская оформление национальностей только на основе европейских народов (Соловьев 1914: 28 О народностях...). В связи с этим вставал вопрос о добровольности присоединения нехристианской части человечества к создаваемому на основе христианства новому сообществу.

В свое время скепсис по этому поводу откровенно выражал Е.Н. Трубецкой, обративший внимание на существование людей как религиозных, так и нерелигиозных или религиозных, но не включенных в христианское бытие, что не позволяло им принять теократический союз добровольно, а значит, нарушало свободный характер теократии. Продолжая размышление, Е.Н. Трубецкой напоминал о включении В.С. Соловьевым государства в качестве важнейшего элемента Вселенской Церкви. Все это приводило исследователя к убеждению, что реализация идей Соловьева может создать ситуацию, когда человек будет участвовать в создании богочеловечества «вопреки своим убеждениям – не как верующий, а как подданный» (Трубецкой 1991: 468).

Русская национальная идея. В.С. Соловьев отмечал, что национальный вопрос в России имел определенные особенности. Создав на протяжении тысячелетия своей непростой истории мощное государство и

отстояв независимость, русский народ не стоял перед необходимостью защищать право на существование. Поэтому для мыслителя «национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании» (Соловьев 1914: 3 Национальный...).

Но под достойным существованием философ подразумевал не «материальные факты», а «идеальные цели». Поэтому, определяя важнейшие задачи национального развития России, он акцентировал внимание на ее месте в человеческой цивилизации и истории в соответствии с перспективами строительства «богочеловечества». Всю совокупность исторических обязательств России перед человечеством, нравственных и духовных ценностей, определявших самоидентификацию нации как в ретроспективе, так и в перспективе ее бытия, он попытался сформулировать в своем видении русской национальной идеи: «Русский народ – народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» (Соловьев 1989: 229 Русская...).

Следует обратить внимание на неопределенность в работах В.С. Соловьева при выделении объекта – носителя русской идеи в разных аспектах ее реализации. Обращаясь к участию России в процессе движения к всеединству, философ, определяя ее исторические обязанности как условие реализации миссии, адресовал их не только русскому, но и другим народам, а также государству и церкви. В данном аспекте носителем русской идеи у В.С. Соловьева фактически выступал не русский народ как этническое образование, а русская нация как полиэтническое сообщество, занимавшее общее историческое пространство в рамках единого государства. Когда же речь заходила о выстраивании межнациональных отношений, русский этнос отделялся и в известной степени противопоставлялся другим народностям, входившим в состав России.

Нация и государство. Нация и государство у философа находятся в тесной взаимосвязи, но их отношения он считал сложными и меняющимися. В современном ему мире государство стало основной формой существования нации, которая обретает материальные очертания в государстве, «оформляется» им: «...нация в своем совокупном единстве и особенности всецело представляется властью государственною...» (Соловьев 1914: 313 Византизм...). Но одновременно нации составляли «действительное и живое тело государства», т.е. служили его основой.

Таким образом, В.С. Соловьев выражал нацию через государство, а государство через нацию: «...что же касается настоящего человечества, то оно является нам определенным многообразием наций, стремящихся сплотиться в законченные тела, или государства, имеющие каждое отдельный независимый центр, светскую власть или мирское правительство, представляющее и направляющее объединенную деятельность национальных сил» (Соловьев 1914: 241 Русская...). Философ, конечно, не смешивал эти понятия, скорее взаимоотношения нации и государства для него были вторичны, важнее был приоритет человечества как смысла существования обеих форм человеческой общности.

Государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе необязательной для сохранения и развития национальности (Соловьев 1914: 271 Письмо...). Более того, пример Польши показал, что народ, лишенный собственной национальной государственности, вполне способен выжить, и в нем он увидел развенчание принципа «национального эгоизма», т.е. безусловного требования своего государства для каждой национальности (Соловьев 1914: 8–9 Нравственность...). Будущее единение человечества предполагало и иные политические формы единства. Поэтому философ откровенно заявлял о бесперспективности самостоятельных (т.е. национальных) государств, утверждая, что для их ликвидации в Европе хватило бы одной войны (Соловьев 1914: 272 Письмо...). Впрочем, политическая сторона национального вопроса, по его словам, Соловьева не интересовала, так как центр тяжести будущих перемен он связывал с этическими аспектами. Таким образом, перспективы нации и государства как форм человеческого единства ему виделись по-разному. Если существование наций допускалось и в рамках реализованного всеединства, то национальные государства должны были уступить место всемирной христианской теократии.

Представления В.С. Соловьева о способностях русского народа к государственному строительству радикально отличались от славянофильских. Славянофилы утверждали, что одной из возвышающих русский народ черт является отсутствие «внешней правды, правды государства». Историю образования Древнерусского государства они представляли как отречение от государственности, выразившееся в приглашении иноземцев-варягов, которые стали выразителями государственной власти (Соловьев 1914: 200 Славянофильство...). Философ, напротив, увидел в истории с призванием варягов стремление создать государство любым возможным путем. Поэтому, пойдя на акт национального самоотречения, поступившись своей национальной гордостью, русский народ проявил историческую мудрость и политическую волю. Опровергая славянофильский тезис об уходе русского народа из государственной жизни, В.С. Соловьев настаивал, что без его участия и политической активности невозможно было создание сильной государ-

ственности, жизненно необходимой для национального самосохранения в условиях постоянного давления извне: «Такая государственность была необходима для России, расположенной на большой дороге между Европой и Азией, без всяких природных защит, открытой для всех ударов. Без глубокого государственного смысла, без самоотверженной и непоколебимой покорности правительственному началу Россия не могла бы устоять перед двойным напором с Востока и Запада...» (Соловьев 1914: 31 О народностях...). Философ считал сохранение и развитие национальной государственности одной из насущных задач русского народа.

Не разделяя убеждение славянофилов о противоположности интересов народа и государства в России, В.С. Соловьев в то же время не считал эти интересы полностью совпадавшими. Он настаивал на неверности подхода русских и немецких националистов, провозглашавших укрепление государства важнейшим национальным приоритетом. Государство в представлении русского философа было только формой, в рамках которой существовали народности на современном ему этапе, средством для защиты от внешней агрессии и обеспечения материальных условий развития наций. Но он не ставил под сомнение важность сохранения государственного единства России, считая, что русский народ не допустит его разрушения (31).

Философ был против смешивания принципов государственного и национального единства, в силу чего постоянно критиковал политику насильственной ассимиляции, проводившуюся правительством, не видя в ней совпадение с национальными интересами русского народа (Соловьев 1914: 77–78 Что требуется...). Особый интерес в определении системы взглядов на национальный вопрос представляет реакция мыслителя на наиболее яркие и актуальные его проявления в социально-политическом бытии России. Здесь очевидно доминирующее внимание к двум проблемам – польской и еврейской.

Польский вопрос. Польско-русские отношения, по мнению В.С. Соловьева, были заложниками извечного противостояния Востока и Запада. Показывая их историческую ретроспективу, философ старался опровергнуть мнение об исключительно негативном влиянии России на судьбу Польши. Он указывал, что кроме участия России в несправедливом разделе польского государства было и стремление предотвратить исчезновение польской национальности. По крайней мере, именно таким образом интерпретировалось создание Царства Польского в составе Российской империи в 1815 г. Отрицая какие-либо корыстные побуждения в действиях Александра I, русский философ видел в них желание предотвратить онемечивание поляков, вырвав из-под немецкого влияния часть их земель. В результате они были опорой польской этничности, помогая сопротивлению ассимиляции поляков, живших в

составе немецких государств (Соловьев 1914: 17–18 Нравственность...).

Российской власти удалось решить сложнейший вопрос, который не смогла решить польская элита в период суверенности – социальный конфликт между панством и холопством. По мнению В.С. Соловьева, последнему были предоставлены гражданские и экономические свободы, что предотвратило раскол общества и обеспечило его развитие не в «панской» или «холопской», но в социально единой Польше. Не идеализируя русскую политику в Польше, публицист, отправляя к мнению «даже иностранных писателей», констатировал здесь «такое социально-экономическое благосостояние, какого она (Польша. – В.К.) не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством» (18). Главным результатом пребывания Польши в составе Российской империи было сохранение ее «исторического тела».

Однако поляки, уверен философ, предпочли бы немецкую ассимиляцию примирению с Россией. Он видел в этом проявление не межрелигиозных или межнациональных, а межцивилизационных противоречий. Поляки духовно принадлежали Западу, а поскольку «дух сильнее крови», их славянское происхождение не помогло преодолеть духовные различия с русскими. То есть линия культурного разлома проходила не на западе, а на востоке Польши. Данная мысль совпадала с господствовавшим в славянофильской среде убеждением о поляках как «агентах» католической Европы в славянском мире. Но у В.С. Соловьева данное положение носило характер констатации, а не обвинения. Отношения Польши и России, таким образом, были частью более глобальной проблемы отношений России и Европы, и алгоритм их налаживания В.С. Соловьев представлял совпадающим.

Только через действительное и внутреннее примирение с Западом, через «свободное соглашение с его духовными началами» Россия обретет новые перспективы (19–20). Точно так же и примирение с Польшей возможно исключительно на основе поиска духовного согласия, поскольку политический компромисс русский философ считал недостижимым. Даже абстрагируясь от готовности России предоставить Польшу независимость, В.С. Соловьев указывал на фантастичность планов польской элиты по воссозданию Речи Посполитой. Кроме того, обретение Польшей независимости не устраняло германской угрозы, жертвой которой она пала бы неизбежно. Благом для Польши и России он видел взаимное отречение от взаимной неприязни и духовное сближение на основе христианского универсализма (21).

В.С. Соловьев писал о безусловном сочувствии идее «самой полной» автономии Польши, реализация которой была бы выгодна и самой России. Он постоянно и весьма резко выступал против русификации

Польши, называя ее «убийством братского народа» (Соловьев 1914: 238 Русская...).

Однако государственную независимость В.С. Соловьев считал вовсе необязательной для сохранения и развития национальности (Соловьев 1914: 271 Письмо...). Поляки, давно потеряв «ложное единство обособленного и эгоистического национального существования», стали прообразом существования наций в условиях будущего всеединства (272). Данный тезис философа очевидно противоречит умонастроениям, доминировавшим в польском обществе, не допускавшим компромисса в вопросе неизбежности обретения Польшей государственной независимости. Таким образом, идеи мыслителя вполне встраивались в либеральный дискурс, содержанием которого было осуждение насильственной ассимиляции поляков, требование предоставления равных возможностей национального и социально-политического развития, при отказе от обсуждения государственного суверенитета Польши.

Еврейский вопрос. В.С. Соловьев рассматривал еврейский вопрос в России через призму взаимоотношений христиан и евреев. Русский философ пытался показать, что для устранения отчуждения между евреями и христианами первый шаг должны были сделать христиане. Иными словами, решение проблемы не в необходимости изменить евреев, а в изменении отношения к ним. Прежде всего, должно было поменяться само христианское сообщество, возвратившись к истинным христианским ценностям. Это сделает возможным ликвидировать эксплуатацию, а следовательно, причину ненависти к евреям. Далее мысли В.С. Соловьева приобретали откровенно утопичный характер. Он полагал, что современное христианское общество, не являясь истинно христианским, не обладало притягательностью для евреев. Но обретя первоначальные этические ориентиры, оно изменит отношение к себе нехристиан. Это не означало отсутствия необходимости перемен среди евреев, однако от них не требовалось отказа от своей веры. Лучшая часть еврейства должна была войти в новую теократию, но и остальные могли бы найти себя в новом мире (Соловьев 1914: 183–184 Еврейство...).

Итак, подход В.С. Соловьева к еврейскому вопросу принципиально отличался от абсолютного большинства предлагавшихся российскими интеллектуалами и общественными деятелями вариантов его решения. Последние исходили из необходимости ассимиляции евреев в различной степени жесткости, но всегда принципиальным было требование культурной, религиозной, социальной адаптации евреев к условиям российского общества и русского этнического большинства. В.С. Соловьев считал ошибочным и бесперспективным подход, основывавшийся на отказе евреев от своих религиозных основ (Соловьев 1914: 3–4 Талмуд...). Также неверно, по его мнению, было обвинять евреев в отсутствии патриотических чувств к стране проживания, поскольку

еврейский патриотизм всегда носил национально-религиозный характер, объект почитания которого никогда не локализовался пространственно (8–9).

Если футурологические построения В.С. Соловьева, нацеленные на изменения общественного сознания, духовных ценностей, этических основ взаимоотношений между людьми, носили отвлеченно-теоретический характер, то работы, посвященные борьбе с антисемитизмом, были публицистически конкретными и политически жесткими. Будучи знатоком еврейских священных книг, философ старался опровергнуть доводы юдофобов и антисемитов (русских и немецких), стремившихся найти в них доказательство религиозной детерминированности ненависти иудеев к христианству. Обращаясь к тексту Талмуда, он доказывал поверхностное знакомство либо вовсе незнание его людьми, делавшими столь неверные и далеко идущие заявления (18–19).

Обращаясь к причинам распространения антисемитизма в России, В.С. Соловьев локализовал его эпицентр польско-русскими землями, т.е. Украиной, Белоруссией и Литвой. По его мнению, на этой территории исторически, еще в эпоху Речи Посполитой, сложилась ситуация своеобразной этносоциальной специализации. Землевладельцы-паны в абсолютном большинстве были представлены поляками, большинство же крестьянского населения составляли русские (не малороссы, литвины, а именно русские!). Евреи, несмотря на законодательные ограничения и антисемитизм, составили большинство «городского промышленного класса», активно эксплуатирующего русских крестьян. Поэтому традиционная юдофобия христиан (поляков-католиков и русских-православных) была дополнена ненавистью к инородцам-угнетателям. В.С. Соловьев видел в данном факте подтверждение безусловных способностей евреев к предпринимательской деятельности, но отказывался считать эксплуатацию проявлением их национального характера. Далее он предлагал рассуждения, схожие с логикой народников, – евреи не создали экономику, построенную на жесточайшей эксплуатации, они используют «правила игры», разработанные европейским капитализмом (Соловьев 1914: 183 Еврейство...).

В.С. Соловьев с горечью отмечал, что российское общественное мнение и публицистика все более приобретали откровенно антисемитский характер. Он недоумевал, почему евреям приписывали исключительно негативные черты, в то время как среди представителей любой народности достаточно и негодяев, и праведников, и было бы неверно распространять индивидуальные личностные качества на весь народ. Возвращаясь к обвинению евреев в национальной предрасположенности и предпочтении к занятию исключительно предпринимательством, публицист напоминал об ограничениях, существовавших для евреев на другие виды трудовой деятельности. Таким образом, профессиональ-

ная специализации евреев была вынужденной и вызывалась внешними факторами, не имея отношения к национальному характеру (Соловьев 1993: 94–95).

Результаты исследования. В.С. Соловьев предполагал сохранение глобальной системы «личность – нация – человечество (как единая цивилизация)», но надеялся на изменение принципов взаимодействия между ними посредством реализации идеи богочеловечества. Движение к межнациональному объединению – «всеединству» составляло, по Соловьеву, сущность исторического прогресса и определяло перспективы развития нации как формы человеческого сообщества. По его мнению, факторы, консолидировавшие народность в прошлом: единство происхождения, национальный язык, общая история, в (его) настоящем отходили на второй план перед общностью целей совокупности личностей (сознательно причисляющих себя к данной национальности), оформленной в качестве национальной идеи. Иначе говоря, целостность нации обуславливалась не столько единым прошлым, сколько наличием сферы общих интересов и общих задач с точки зрения перспектив развития.

В.С. Соловьев рассматривал все аспекты национальной проблематики с точки зрения христианской этики. Философ выработал собственную оригинальную позицию в данном, весьма сложном, в первую очередь для России, вопросе отношения к нации и к перспективе ее развития и неизменно этой позиции придерживался. Она предполагала уважение права личности на национальное самоопределение как важнейшего элемента ее идентичности, принципа толерантности как основы межнациональных отношений, недопустимости национального унижения и дискриминации, принципа открытости наций как важнейшего условия их открытости.

Автор солидарен с мнением А.Ф. Лосева, писавшего об оригинальности социально-исторических убеждений В.С. Соловьева, не позволяющих подвести их под какую-либо социально-историческую систему (Лосев 1990: 323). При всей неоднозначности взглядов русского философа приоритетное значение имеет сформулированный В.С. Соловьевым принцип, согласно которому национальность человека заслуживает уважения и признания как внутренняя неотъемлемая характеристика личности, в силу чего она приобретает достоинство характеристики, этически значимой и для общества.

Литература

- Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи. (К русской народной психологии.) М.: Университет. тип., 1890. 47 с.
- Бердяев Н.А.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Владимира Соловьева // Сборник первый о Владимире Соловьеве. М.: Путь, 1911. С. 3–7.

- Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // В.С. Соловьев: pro et contra. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. С. 233–294.
- Градовский А.Д. Постановка национального вопроса по отношению его к политике // Собрание сочинений: в 9 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 7–27.
- Киреев А.А. Славянофильство и национализм // Сочинения. М.: Издание А.С. Суворина, 1912. Ч. 2. С. 93–107.
- Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
- Малинова О.Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000. 254 с.
- Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. М.: Тип. Монтвида, 1903. С. 266–306.
- Соловьев В.С. Византизм и Россия // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 7. С. 313–319.
- Соловьев В.С. Еврейство и христианский вопрос // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 4. С. 142–188.
- Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 7. С. 381–384.
- Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 3–6.
- Соловьев В.С. Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 7–23.
- Соловьев В.С. Оправдание добра // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 8. С. 3–519.
- Соловьев В.С. О народностях и народных делах России // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 24–38.
- Соловьев В.С. «Письмо в редакцию “PrzeglądPolski”» // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 267–272.
- Соловьев В.С. Протест против антисемитического движения в печати // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 95–103.
- Соловьев В.С. Русская идея // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 219–246.
- Соловьев В.С. Славянофильство и его вырождение // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 181–244.
- Соловьев В.С. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 6. С. 3–32.
- Соловьев В.С. Что требуется от русской партии // Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Тип. Просвещение, 1914. Т. 5. С. 75–81.
- Тонкова Е.Г. Культурно-философский анализ национальной идеи В.С. Соловьева: дис. ... канд. филос. наук. М.: Б.И., 2004. 222 с.
- Трубецкой Е.Н. Владимир Соловьев и его дело // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 456–472.
- Трубецкой Е.Н. Основное начало учения В.С. Соловьева / Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 362–367.

Статья поступила в редакцию 8 мая 2014 г.

Kudriashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russia)
V.S. SOLOVYOV'S VIEWS ON NATION*

Abstract. One of the most controversial figures in the Russian national discourse of the 19th century was Vladimir S. Solovyov who considered the issues of nation through the prism of mankind going towards unity based on Christianity. Referring to common characteristics of

national unity, the philosopher essentially rejected their effectiveness purely as national identifiers. An important factor in national solidarity he considered national self-awareness, the formation of which was a significant criterion for building nationhood (nation). Therefore, Solovyov believed self-determination of a man to be crucial in terms of national identification. Solovyov finds a nation to be of interest as the main form of bringing people together at the time, as a community within which Christian unity of mankind will develop. However, in the history of mankind, nationhood acted as a force which differentiates and separates and therefore contradicts the unifying moral principles of Christianity. V.S. Solovyov thought the global system 'individual – nation – mankind (as a single civilization)' to be preserved but hoped for a change of principles of interaction of those through the idea of God-manhood. Moving towards inter-ethnic unity – the overall unity – constituted, according to Solovyov, the essence of historical progress and determined the prospects for the development of nation as a form of human community. In his view, factors that had united nationhood in the past were as follows: the unity of origin, national language, and common history but in his time they gave place to the unity of goals of individuals consciously considering themselves belonging to a particular nation that was shaped as a national idea.

Key words: nation, national idea, nationalism, overall unity

* The work is carried out under the project 'Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation: Past and Present' (Russian Government Grant № 14.B25.31.0009)

References

- Astafev P.E. *Natsional'nost' i obshchechelovecheskie zadachi. (K russkoi narodnoi psikhologii)*. Moscow: Universitet. tip., 1890, 47 p.
- Berdiaev N.A. Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vladimira Solov'eva, *Sbornik pervyi o Vladimire Solov'evе* [The issue of East and West in Vladimir Solovyov's religious consciousness, The first collection about Vladimir Solovyov]. Moscow: Put', 1911, pp. 3–7.
- Velichko V.L. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvoreniia, *V.S. Solov'ev: pro et contra*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000, pp. 233–294.
- Gradovskii A.D. Postanovka natsional'nogo voprosa po otnosheniiu ego k politike, *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [The statement of the national question with regard to politics, Collected works in 9 vols.]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasiulevicha, 1901, vol. 6, pp. 7 – 27.
- Kireev A.A. Slavianofil'stvo i natsionalizm, *Sochineniia* [Slavophilism and nationalism, Writings]. Moscow: izdanie A.S. Suvorina, 1912, part 2, pp. 93–107.
- Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremia* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Progress, 1990, 720 p.
- Malinova O.Iu. *Liberal'nyi natsionalizm (seredina XIX – nachalo XX veka)* [Liberal nationalism in the middle of the 19th and early 20th centuries]. Moscow: RIK Rusanova, 2000, 254 p.
- Miliukov P.N. Razlozhenie slavianofil'stva. Danilevskii. Leont'ev. Solov'ev, *Iz istorii russkoi intelligentsia* [The decay of Slavophilism. Danilevskiy. Leontyev, Solovyov, From the history of Russian intelligentsia]. Moscow: Tip. Montvida, 1903, pp. 266–306.
- Solov'ev V.S. Vizantizm i Rossiia [Byzantinism and Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 7, pp. 313–319.
- Solov'ev V.S. Evreistvo i khristianskii vopros [Jewishness and the Christian question], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 4, pp. 142–188.
- Solov'ev V.S. Mir Vostoka i Zapada [The world of East and West], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 7, pp. 381–384.
- Solov'ev V.S. Natsional'nyi vopros v Rossii. Predislovie [The national question in Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 3–6.

- Solov'ev V.S. Nravstvennost' i politika. Istoricheskie obiazannosti Rossii [Morality and politics. Russia's historical duties], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 7–23.
- Solov'ev V.S. Opravdanie dobra [The justification of the good], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 8, pp. 3–519.
- Solov'ev V.S. O narodnostiakh i narodnykh delakh Rossii [On the peoples and people's affairs of Russia], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 24–38.
- Solov'ev V.S. «Pis'mo v redaktsiiu "Przeglad Polski"» [A letter to the editorial board of 'Przeglad Polski'], *Solov'ev V.S. Sochineniia: v 2 t.* Moscow, 1989, vol. 2, pp. 267–272.
- Solov'ev V.S. Protest protiv antisemiticheskogo dvizheniia v pechati, *Taina Izrailia* [The protest against the anti-Semitic movement and press, The secret of Israel]. St. Petersburg: Sofiia, 1993, pp. 95–103.
- Solov'ev V.S. Russkaia ideia [The Russian idea], *Sochineniia: v 2 t.* Moscow: Pravda, 1989, vol. 2, pp. 219–246.
- Solov'ev V.S. Slavianofil'stvo i ego vyrozhdienie [Slavophilism and its decay], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 181–244.
- Solov'ev V.S. Talmud i noveishaia polemicheskaia literatura o nem v Avstrii i Germanii [Talmud and the modern polemical literature about it in Austria and Germany], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 6, pp. 3–32.
- Solov'ev V.S. Chto trebuetsia ot russkoi partii [On what is needed from a Russian party], *Sobranie sochinenii: v 8 t.* St. Petersburg: Tip. Prosveshchenie, 1914, vol. 5, pp. 75–81.
- Tonkova E.G. *Kul'turno-filosofskii analiz natsional'noi idei V.S. Solov'eva* [The cultural and philosophical analysis of V.S. Solovyov's national idea]: dis. ... kand. filos. nauk. Moscow: B.I., 2004, 222 p.
- Trubetskoi E.N. Vladimir Solov'ev i ego delo, *Kniga o Vladimire Solov'eve* [Vladimir Solovyov and his work, The book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991, pp. 456–472.
- Trubetskoi E.N. Osnovnoe nachalo ucheniia V.S. Solov'eva, *Sobranii sochinenii kn. S.N. Trubetskogo. Vol. 1.* [The basic principle of V.S. Solovyov's teachings, Collected works by the duke S.N. Trubetskoy. Vol. 1]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1907, pp. 362–367.

УДК 940.1

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX вв.

Юрий Сорокин

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции в развитии отечественной историографии XIX–XX вв. в части изучения политических режимов Екатерины II и Павла I. Вскрыты факторы, повлиявшие на построения профессиональных историков, показаны метаморфозы и различного рода трансформации их мнений, выстроен хронологический ряд, позволяющий не только установить авторство так называемых общепринятых суждений, но и уяснить особенности доказательной базы, опираясь на которую историки пытались аргументировать свои суждения. Это позволило автору сформулировать тезис, согласно которому историки всегда признавали различия между политическими режимами Екатерины II и Павла I весьма существенными, но оказались не в силах определить, в чем же, собственно, эти различия состоят в конкретно-историческом и формально-логическом аспектах.

Ключевые слова: отечественная историческая литература, политический режим, Екатерина II, Павел I

Введение. Изучение политических режимов и политических систем российских государей XVIII в. в отечественной историографии осуществлялось в контексте реформ системы государственного управления, начатых Петром I. Вектор государственного строительства, задуманный и реализованный Петром Алексеевичем, оставаясь неизменным на протяжении столетия, привел де-факто к становлению в России абсолютной монархии. Последняя в дальнейшем претерпела заметную эволюцию, наличие которой, кажется, признается всеми исследователями.

Вместе с тем ни дореволюционные, ни советские историки не пытались детально изучать эволюцию российского абсолютизма в последней трети XVIII в., затрагивая этот сюжет лишь при разрешении более общих или, чаще, более конкретных проблем. В лучшем случае историк, изучая конкретный вопрос в широких хронологических рамках (например, о правительственной политике или положении дворянства), констатировал те изменения, которые произошли после 1762 г., и только. Отметим также, что отечественные историки на протяжении XIX–XX вв. предпочитали изучать внутреннюю и внешнюю политику Екатерины II, ее законодательную деятельность, быт и нравы эпохи. Предпринимались попытки теоретического осмысления сущности политического режима Екатерины как российскими, так и западными исследо-

вателями. Последние вообще предпочитали на концептуальном уровне следовать в кильватере работ своих российских коллег. Все они единодушно трактовали политический режим Екатерины как «просвещенный абсолютизм», но характеристикам личности самой императрицы вплоть до рубежа XX–XXI вв. специальных работ было посвящено совсем немного. Напротив, интерес исследователей к царствованию Павла Петровича проявился прежде всего в части изучения личности этого государя. В отличие от «просвещенного абсолютизма» Екатерины политический режим Павла хотя и позиционировался исследователями чаще всего как «непросвещенный абсолютизм», так и не стал объектом специального изучения. Споры о том, как надлежит определить сущность павловской эпохи, в литературе XIX–XX вв., по сути дела, не зафиксировано. Соответственно, не спорили и о терминах, с помощью которых надлежало описывать сущность и природу екатерининского и павловского режимов.

Методы, используемые в данной статье, хорошо описаны и апробированы в литературе, прежде всего в трудах А.И. Данилова, и традиционно используются при изучении так называемой проблемной историографии, к каковой и примыкает настоящая публикация. Подобно А.И. Данилову, мы не намерены сводить историографию к истории «чистого исторического знания», но оно будет нас интересовать в первую очередь. При таком подходе основополагающим становится реконструкция взглядов историка, осуществляемая как на фоне магистрального развития исторической науки, так и в контексте общенаучных взглядов конкретного автора, методики и методологии его исследований, влияния на его построения выводов предшественников и т.п. Научные работы ученых-историков XIX–XX вв. составили основу источниковой базы данной статьи. Оговоримся, что публикации ныне действующих авторов, появившиеся в открытой печати с рубежа XX–XXI вв., опущены на том основании, что анализу их воззрений нами посвящены специальные статьи. Следует иметь в виду, что нынешние взгляды ученых на заявленную проблему могут заметно не совпадать с теми положениями, которые они считали истинными в 1990-х гг.

Мемуарные традиции в оценках политических режимов Екатерины II и Павла I. Свое отношение к эпохам Екатерины и Павла первыми выразили современники-мемуаристы. В записках и воспоминаниях, посвященных Екатерине Алексеевне, имеют место восторженные отзывы о ее личностных качествах, а также о ее деятельности. Но когда речь заходит о конкретных политических акциях императрицы, современники не всегда склонны были оценивать их положительно. Налицо, таким образом, известное противоречие между общими оценками эпохи Екатерины и оценками, данными ее отдельным начинаниям.

В мемуарах, посвященных Павлу, также имеет место противоречие в оценках, только в данном случае современники, напротив, приветствовали отдельные начинания Павла Петровича, относясь в целом негативно и к его царствованию, и к его личности. Нельзя не обратить внимание и на то, что лица, близко стоявшие к императору, непосредственно принимавшие участие в его преобразованиях, даже не сочувствуя Павлу, относятся к нему много лояльнее тех, кто был достаточно далек от кормила власти. Мемуарная традиция в исторической литературе на протяжении XIX–XX вв. очень заметна. Нередко историки просто воспроизводили в своих трудах мнения современников, не заботясь об их критическом осмыслении.

Из видных русских историков первым обратился к изучению эпохи Екатерины князь М.М. Щербатов, находившийся в оппозиции к режиму императрицы вплоть до своей смерти в 1790 г. Его трактат «О повреждении нравов в России» дает убийственные картины неприглядной, с точки зрения автора, российской действительности; ответственность за это дворянский историк возлагает лично на Екатерину. Н.М. Карамзин, напротив, в целом положительно оценивая деятельность Екатерины II, в своей «Записке о Н.И. Новикове», написанной в 1784 г., укоряет императрицу за излишний блеск и роскошь ее двора (1988). Позднее, в «Записке о древней и новой России», Н.М. Карамзин признавал, что при Екатерине «правосудие не цело»; «торговали правдою и чинами»; сама императрица «дремала на розах, была обманываема или себя обманывала; не видела или не хотела видеть многих злоупотреблений» (1991: 43–44), хотя общая оценка ее царствования в интерпретации известного историка по-прежнему оставалась высокой.

В первой половине XIX в. о Екатерине II больше писали в эмиграции, нежели в России. Упомянем в этой связи деятельность А.И. Герцена. Он не только публиковал в Лондоне мемуары авторов последней трети XVIII – первой трети XIX в. (например, Е.Р. Дашковой), но и смог в ряде своих статей дать достаточно нелицеприятные оценки личности и политики Екатерины (1958). Вот одна из оценок А.И. Герцена: «Одержимая ненасытной нимфоманией, запятнанная всеми преступлениями, эта “Мать Отечества” дала одним своим любовникам более 300 тысяч душ мужского пола» (Крещеная собственность 1958: 38). Скепсис по отношению к деяниям Екатерины высказал и В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» и в специальной статье, подготовленной в 1896 г. к столетию со дня смерти императрицы (1991). Маститый историк во многом безуспешно пытался напомнить коллегам, что политический режим Екатерины, как и сама личность императрицы, должны выступать объектом изучения, но не мишенью и не знаменем. Однако подобные мнения тонули в славословиях Екатерине, изливавшихся без меры со страниц мемуаров, массовая публикация которых

началась с 1870-х гг. Историки, скажем еще раз, часто просто воспроизводили мнения мемуаристов; свою задачу они видели в том, чтобы привлечь как можно большее количество мемуарных свидетельств. Их сочинения нередко становились своеобразными антологиями тенденциозно подобранных мнений мемуаристов. Примером такого рода работ могут служить труды М.И. Пыляева (1887, 1892). Данной историографической традиции суждена была долгая жизнь.

Наиболее авторитетными работами о временах Екатерины по праву считаются монографии А.Г. Брикнера и В.А. Бильбасова, написанные в конце XIX в. (Брикнер 1996; Бильбасов 1890–1896). Несмотря на то что сочинение В.А. Бильбасова содержало очень мягкие и взвешенные оценки, цензура уничтожила тираж второго тома, посвященного воцарению Екатерины. Историк издал работу в Берлине на немецком языке, но воздержался от намерения продолжить подготовку следующих томов. В.А. Бильбасовым задумывалось 12-томное исследование, но подготовлено к печати было лишь два тома, обрывавшиеся на 1762 г.

Этот эпизод прекрасно свидетельствует о цензурных ограничениях, с которыми сталкивались историки при изучении екатерининского царствования, – касаться бурных событий лета 1762 г. все еще было нежелательно, ибо заговор и убийство законного государя Петра Федоровича украсить Екатерину не могли, а оправдания, звучавшие в ее адрес, переставали удовлетворять не только научное сообщество, но и читающую публику. Последняя поэтому знакомилась с деятельностью Екатерины по популярным трудам европейских ученых, издававшихся на русском языке (Рамбо 1884). Качество этих публикаций не слишком высоко, но они сформировали стереотип восприятия екатерининской эпохи, господствующий до наших дней.

Таких жестких цензурных ограничений по отношению к изучению личности и эпохи Павла не было – историкам нежелательно было касаться только событий 11–12 марта 1801 г. Уже через несколько лет после гибели Павла I появились посвященные ему труды. Они вышли из-под пера верноподданнически настроенных людей, создавших идеализированный образ Павла Петровича. Научная значимость подобных сочинений ничтожна, но они заложили основы концепции официально-охранительного направления, доминировавшей в русской историографии в первой половине XIX в. (Кончина российского императора 1802; Жизнь, свойства, военные и политические деяния 1805; Жизнь Павла Первого 1805; Тыртов 1807; Похорский 1819: 152–158; Жизнь в бозепочиющей 1829; Филипповский 1830). Восторг перед Павлом в 40-е гг. XIX в. испытывали, скажем, дворянский историк А. Вейдемейер, а также Н.А. Полевой, перешедший к тому времени на охранительные позиции (Полевой 1845; Вейдемейер 1846). В 1857 г. Д.А. Милютин выпустил обширный труд, посвященный войне 1799 г., и первым высказал

тезис о наличии у Павла своеобразной программы будущей государственной деятельности, составленной еще в Гатчине, о ее целесообразности, насущной необходимости, продуманности и даже сбалансированности (1857).

Данное направление в историографии не было единообразным. Резким диссонансом господствующим оценкам фигуры Павла стала «Записка о древней и новой России» крупнейшего дворянского историка Н.М. Карамзина. Он признавал, что по своим личным качествам Павел «мог заслужить благодарность Отечества», однако правление его было «царством ужаса» (1991: 44–47). Карамзин первым признал зло павловского царствования для России именно как результат низменных, негативных качеств личности самого монарха. Причины этого кроются в особенностях понимания историком сущности самодержавия и его роли в истории России. Н.М. Карамзин был убежденным сторонником именно такой формы государственного устройства, но ненавидел деспотизм, различая эти два понятия. Основную вину Павла I историк видел именно в компрометировании самодержавия деспотическими методами правления, а также в стремлении ограничить свободы и привилегии дворянства – верной опоры трона. Н.М. Карамзин, опередив современников, высказал положения, утвердившиеся в исторической науке более чем через полвека.

В годы первой революционной ситуации в России, когда вопрос о взаимоотношениях дворянства и императора стал в высшей степени злободневным, известный дворянский историк М.А. Корф впервые публично признал некоторые негативные качества личности Павла Петровича. Причем труд его был напечатан с высочайшего соизволения, т.е. одобрен самим Александром II (1861: 54).

Отметим, что в тот период цензурные требования в области исторических исследований ужесточились. Граница «дозволенной истории» была отодвинута назад – вплоть до конца Петровской эпохи, т.е. до 1725 г. (Сборник постановлений 1862: 453). Данное обстоятельство существенно затормозило изучение отечественной истории XVIII – первой половины XIX в., хотя и не погасило его вовсе. Дворянские историки касались личности Павла попутно, обращаясь к другим сюжетам (Григорович 1881; Знаменский 1880). Изучение Павловской эпохи облегчалось тем, что в 1870–1880-е гг. началась массовая публикация выдержек из мемуаров современников, прежде всего в журналах «Русский архив» и «Русская старина». Мемуары расширили источниковую базу изучения эпохи Павла I, но отзывы современников, скажем вновь, нередко механически переносились историками в свои сочинения, что весьма характерно, в частности, для И. Знаменского, который воспроизводил оценки мемуариста Н.А. Саблукова на протяжении всей своей книги, нисколько не заботясь ни об их критическом восприятии, ни хотя

бы о ссылке на первоисточник (естественно, историк разделял уважение Н.А. Саблукова к Павлу).

Поляризация мнений в части оценок политических режимов Екатерины II и Павла I. В начале 1880-х гг. официальная историография постепенно отходит от однозначно апологетического толкования личности Павла I, оценивая ее более сдержанно. Думается, это произошло под влиянием воспоминаний современников Павловской эпохи, т.е. изменение оценок происходило в результате привлечения новых источников. Отметим, что в тот период дворянские историки не создали специальных работ, посвященных царствованию Павла. Правление сына Екатерины II рассматривалось как краткий эпизод в истории России, не имевший последствий (вполне в духе манифеста от 12 марта 1801 г.).

Иначе отнеслись к Павлу Петровичу либеральные историки, прежде всего В.О. Ключевский. В 1883–1884 гг. он прочел курс лекций по русской истории, охвативший период с древнейших времен до XIX в. включительно, в котором смог дать новую трактовку и личности Павла, и его правления. Прежде всего, В.О. Ключевский вписывал царствование Павла I в контекст русской истории. Он полагал, что деятельность Павла Петровича есть реакция на «просвещенный абсолютизм» Екатерины, в конце концов, поставивший империю в труднейшие условия. Таким образом, тезис дворянской историографии об отсутствии каких-либо традиций в павловских начинаниях был решительно отброшен. Деятельность императора Павла I, по Ключевскому, представляет, с одной стороны, протест против предыдущего царствования, а с другой – всего лишь неудачную попытку решить насущные задачи, вставшие перед Россией конца XVIII в.: при этом отрицалась какая бы то ни было программа реформ (Соч. 1989: 173–177).

Легко заметить, что оценки В.О. Ключевского качественно иные, чем у дворянских историков. Собственно, он предложил новую концепцию и эпохи Павла, и его личности. Справедливости ради отметим убийственные оценки А.И. Герценом личности Павла I (см. подробнее: Желвакова 1974: 207–223). Сообщения «Исторических сборников» позднее были опубликованы издателем Каспровичем отдельной книгой (Материалы для биографии императора Павла I. Лейпциг, 1874). Отказ от традиций охранительной историографии произошел, разумеется, не случайно. И дело тут не только в таланте исследователя. Нельзя не учитывать и социально-политические реалии России после 1 марта 1881 г., и вопиющее несоответствие мемуарных свидетельств современников павловского правления построениям и выводам официальных историков, и продолжавшуюся публикацию мемуаров, которые В.О. Ключевский использовал как вспомогательный источник для характеристики Павла, и т.д.

Позднее В.О. Ключевский существенно изменил свои взгляды на эпоху Павла I и его личность. В конспекте «Новейшая история Запад-

ной Европы в связи с историей России» историк уже иначе трактует значение царствования Павла, понимая его как «самый блестящий выход России на европейской сцене и самый важный закон внутреннего порядка»; изменилось отношение Ключевского и к самому Павлу – историк готов понять и извинить слабости его характера, обвиняя в этом обстановку и дурное к нему отношение (Ключевский 1983: 198–291). Оценки В.О. Ключевским личности и царствования Павла I оказали огромное влияние на развитие историографии проблемы. Так, Д.А. Кобеков в известном труде «Цесаревич Павел Петрович» (первая монография, посвященная непосредственно личности Павла, его детским и юношеским годам) повторил вывод Ключевского о безусловном ухудшении характера великого князя под воздействием французской революции и казни Людовика XVI, вследствие холодности со стороны Екатерины II и неуважения к наследнику ее фаворитов, а также из-за отсутствия верных друзей (1887: 405–406). Приводя массу новых фактов, почерпнутых из мемуаров, Д.Ф. Кобеко в целом стоит на позициях В.О. Ключевского, хотя и относится к Павлу Петровичу до его восшествия на престол с нескрываемой симпатией.

В 1901 г. исполнилось сто лет со дня гибели Павла I. Естественно, официальные историки не могли пройти мимо этого события. Фундаментальный по объему труд издал Н.К. Шильдер (1901). Он привлек для написания своего сочинения новые источники: переписку и именные указы Павла Петровича, мемуары современников, их письма и др. Н.К. Шильдер ввел в научный оборот массу новых, неизвестных ранее фактов из жизни императора и, тем не менее, не смог дать ничего нового в оценке деятельности Павла I, эпигонски воспроизводя положения В.О. Ключевского.

К прямо противоположным выводам пришел харьковский историк П.Н. Буцинский в своей известной брошюре (1901). Перед нами не что иное, как компиляция тенденциозно подобранных мемуаров современников, чьи свидетельства должны подкрепить положения Буцинского о тонкой, чувственной и страдающей натуре «царя-демократа», который в одинаковой мере заботится о благе всех подданных, и даже более о народе, чем о дворянстве. Подобная точка зрения, высказанная в начале XX в. да еще одновременно с авторитетным исследователем Н.К. Шильдером, выглядела явным анахронизмом и шокировала научную общественность, а читающая публика восприняла ее как очередную забавную байку о Павле I. В литературе начала нынешнего века прочно утверждались негативные оценки личности Павла Петровича (Панчулидзев 1901; Каратов 1902; Платонов 1903 и др.). Речь теперь могла идти лишь об очень скудной палитре красок историков при изображении Павла, спектр которых колеблется от черного до серого. Сусальному золоту П.Н. Буцинского места уже не оставалось, книжка его забылась быстро.

Первая русская революция смела цензурные ограничения и одновременно перенесла вопросы об исторической судьбе российской монархии и о неприкосновенности личности монарха из области теории в область практики. Аналогии с началом XIX в. напрашивались сами собой. Этим и объясняется невиданный ранее интерес к царствованию Павла I, настоящий историографический прорыв в исследованиях о нем. Причем во главу угла был поставлен вопрос о личных качествах государя и прежде всего о его дееспособности. Профессор психологии П.И. Ковалевский, сочинявший еще и историко-биографические очерки, заявил о безусловном сумасшествии Павла I (1906). Другой профессор психологии, В.Ф. Чиж, столь же авторитетно заявил об абсолютной нормальности императора в психическом плане, но считал Павла Петровича политическим безумцем (1907). Вопрос остался открытым, и тезис о душевной болезни Павла психологами (как, впрочем, и историками) доказан не был.

Историк С.А. Корф, в целом стоявший на либеральных позициях, в своем обширном труде усматривал прямую зависимость положения дворянства в империи от убеждений, идеалов и мирозерцания отдельных императоров. Попытки Павла I «ущемить» права и привилегии дворян привели его к гибели, которую С.А. Корф благословляет, как бы предлагая здравствующему монарху сделать соответствующие выводы, – своеобразное «назидание царям» (1906).

В публикациях официальных историков в годы революции и сразу же после нее к Павлу Петровичу отношение иное – более мягкое, сдержанное. Примером могут служить работы Е.С. Шумигорского и Н.Н. Назаревского (Шумигорский 1907; Назаревский 1910). Они снимают персональную вину с Павла и возлагают ее либо на «ненормальные явления того времени», либо на воспитание юного цесаревича и прочее, непоправимо отразившиеся на личности монарха. Е.С. Шумигорский вслед за Д.Ф. Кобеко противопоставляет личные качества великого князя и императора, предполагая их безусловное ухудшение и обосновывая тезис о «глубоко несчастном человеке» Павле Петровиче.

Иную позицию в эти годы заняли либеральные историки. Всячески подчеркивая безумие Павла, оправдывая заговор против него, они объясняли факт царевубийства отсутствием законов, позволявших низложить душевнобольного государя. Тем самым обосновывалась необходимость конституции, которая одна могла бы гарантировать свободу личности от самодержавного произвола. Либеральные историки подхватили положения официальной историографии начала века и попытались развить их. Наиболее интересны в этом плане работы В.И. Семевского. Он неоднократно обращался к эпохе Павла, но свое отношение к его личности полнее всего выразил в статье, открывающей книгу А. Брикнера (1907: 1–11). Монография профессора Дерптского универ-

ситета А.Г. Брикнера впервые увидела свет еще в 1897 г. (на немецком языке), но издана в России лишь в 1907 г. С крайней антипатией относясь к «злополучному четырехлетнему царствованию этого деспота», историк подводил читателя к выводу: во всех бедах России, в заговоре и цареубийстве виноваты сам Павел, его окружение, его деспотические методы управления, разрыв союза с дворянством, но только не самодержавие как таковое. В условиях революции такой вывод вполне устраивал власть имущих. Работа Брикнера тиражировалась в массовых изданиях, например в бесплатном приложении к журналу «Родная речь», в дешевой «Исторической библиотеке» (книжка стоила 10 коп., в то время как издание 1907 г. – порядка 2 руб.) (См. подробнее: Цареубийство, или История смерти 1910; Смерть Павла I 1912). Считая Павла невменяемым, Семевский отмечал его страсть к муштре, склонность поддерживать дисциплину в войсках жестокими наказаниями и пр. В конце статьи Семевского читатель не может не заметить аналогии (разумеется, не высказанной прямо) между судьбами и личностями Павла I и Николая II (обратим внимание, что публикация относится к 1907 г.).

В последующее время, в период третьей ионьской монархии, историография проблемы переживает своеобразный период, когда авторы как бы колеблются между выводами либеральной и официальной историографии, пытаясь вычленив нечто общее в той и другой. Так, в 1913 г. к трехсотлетию дома Романовых вышли роскошно изданные юбилейные издания (Три века 1913; Государи из дома Романовых 1913). Среди авторов маститые историки – М.К. Любавский, К.В. Сивков, Д.В. Успенский, В.И. Пичета, Н.Д. Чечулин. На фоне старательно облагороженной истории Романовых Павел Петрович выглядит изгоем, он не похож ни на мать, ни на своих сыновей. Авторы, впрочем, готовы извинить политику Павла и его не слишком привлекательные личные качества обстоятельствами его жизни, в конце концов, душевной болезнью.

Куда более резко о Павле I высказался польский историк К.Ф. Валишевский: чуть ли не единственная привлекательная черта у Павла, по его мнению, заключается в том, что он «сын великой Екатерины» (1914).

Официальная историография, таким образом, на протяжении XIX – начала XX в. претерпела серьезные изменения в своих оценках: начав с восторгов по поводу Павла (поскольку он все-таки был российским императором), она к концу XIX в. оценивает его личность более трезво, затем дает однозначно отрицательные характеристики (Н.К. Шильдер), а в годы первой русской революции вновь пытается вернуться к апологетическим оценкам (Е.С. Шумигорский).

Либеральная историография в целом, начав с утверждения о сумасшествии Павла и с нигилистических оценок его личности (В.О. Ключ-

чевский), дает ему затем все более и более резкие характеристики, пик которых приходится на годы Первой русской революции (В.И. Семевский). В годы Первой мировой войны, начавшегося революционного кризиса в России либералы пересмотрели свои положения, кардинально изменив оценки личности Павла I. М.В. Ключков обосновывал тезис о надклассовости политики Павла. Сам же государь – человек вполне умный, с огневой натурой, с высокими и разумно обоснованными принципами. Историк с сочувствием относится к желанию Синода и двора канонизировать Павла Петровича, причислить его к сонму русских святых как раз накануне Февральской революции (1916: 135).

Итак, в годы Первой мировой войны позиции либеральной и официальной историографии сблизились. В труде либерального историка М.В. Ключкова воспроизведена в девственной чистоте официально-охранительная концепция тех лет. Так, накануне Февральской революции в России два направления в развитии русской исторической мысли пришли к единой позиции по вопросу о личности императора Павла I и его эпохе.

Итоги развития дореволюционной историографии проблемы. Несмотря на чрезвычайно разнообразные оценки политического режима Павла I, дававшиеся историками на протяжении XIX – начала XX в., все они сходятся в понимании политики Павла как «отрицания» политической системы Екатерины II. Наличие реформ, существенных перемен – вот тот общий знаменатель, к которому мы можем свести характеристики Павловской эпохи в дореволюционной литературе. По мнению советского исследователя С.Б. Окуня, историки расходились лишь в объяснении мотивов этих перемен. Для одних – это результат низменных качеств личности Павла I или даже его душевной болезни, стимулированных холодностью матери и надменностью ее фаворитов; для других – осознанная борьба с правами и привилегиями дворянства и закрепившими их екатерининскими законодательными актами (1974).

Дореволюционная русская историография имеет и другие общие черты. Основным источником для историков при характеристике личности Екатерины II и Павла I служили мемуары современников Павловской эпохи. Серьезная критика мемуарных источников отсутствовала. Это приводило к тому, что тенденциозность исследователя как бы накладывалась на тенденциозность мемуариста. Односторонним был подбор мемуарной литературы, и в рамках одной работы весь известный тогда комплекс воспоминаний никогда не использовался. Более того, историк, негативно относящийся к Екатерине или Павлу, брал из мемуаров аналогичные оценки, иные же нередко просто отбрасывал, и наоборот.

Авторы пытались связать личности императоров с политикой, проводимой его правительством, и даже рассматривали личность государя

как решающий фактор, объясняющий любые повороты внешней политики России или внутривластного курса ее правительства. К примеру, отрицая для России значимость реформаторской деятельности Павла (т.е. будучи адептами Екатерины), историки отрицали и положительные качества его натуры. Как правило, историки не искали оттенков, нюансов, стремились все оценить однозначно – либо только со знаком «плюс», либо исключительно со знаком «минус».

В общих же трудах по истории России, а равно и в лекционных курсах, Павлу и его царствованию уделялось неоправданно мало внимания. Фактически правление этого императора рассматривалось как досадный эпизод, как своеобразная историческая случайность, не имевшая последствий. Тем самым отрицались своевременность и значимость павловских реформ, обоснованность попыток Павла I разрешить наиболее актуальные задачи, стоявшие перед Российской империей. И, наконец, не имея возможности объяснить всю сложную диалектику взаимоотношений императора и дворянства, дореволюционная историография прибегла к испытанному средству – объявила Павла безумцем.

Современный исследователь И.А. Желвакова, не ставя перед собой задачу дать периодизацию русской историографии в плане отношения к заговору 11 марта 1801 г. (и шире – к политическому режиму Павла I), тем не менее выделяет два пика, два своеобразных рубежа в ее развитии. Первый связывается с изданием «Исторических сборников Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева», другой – с периодом Первой русской революции (1974: 208–209). Мы согласны с утверждением о важности событий 1905–1907 гг., заставивших историков обратить внимание на эпоху Павла и просто-напросто дававших им такую возможность. Но вряд ли правомерно начинать с публикаторской деятельности А.И. Герцена и Н.П. Огарева новый этап в развитии историографии вопроса. Вероятно, есть смысл, учитывая незначительное количество работ о политических режимах Екатерины и Павла, вообще отказаться от попыток дать периодизацию в развитии исторических исследований по нашему сюжету. Это справедливо также по отношению к марксистской историографии.

Советская историческая наука 1920-х – начала 1960-х гг. об эпохах Екатерины и Павла: от единства мнений к пестроте оценок. Осмыслить историю павловского царствования и личность Павла I с марксистских позиций впервые попытался М.Н. Покровский в ряде своих работ (Русская история с древнейших времен 1965; Русская история в самом сжатом очерке 1965). Никогда ранее историки, писавшие или читавшие курс русской истории, не уделяли столько внимания павловскому царствованию. М.Н. Покровский трактует его не как своеобразный «вывих» русской истории, некий переход от эпохи Екатерины к

эпохе Александра I, а как явление, имевшее самостоятельную ценность. Он настаивает на закономерности попыток русского абсолютизма в условиях начавшегося разложения крепостнического хозяйства и войн с буржуазной Францией изменить методы внутренней и внешней политики в сторону ужесточения. Политика Павла I, таким образом, преследовала те же цели, что и политика его матери, его сыновей, и в этом смысле «оригинального мало было в Павловском царствовании» (Русская история в самом сжатом очерке: 160). Историк постоянно подчеркивает «наследственность... социальную, от Потемкина и Зубова» (Русская история с древнейших времен: 168). Если В.О. Ключевский сумел вписать эпоху Павла в русскую историю, то его ученик первым доказал преемственность политики Павла Петровича, а также огромное влияние его личности и его акций на сыновей, Александра и Николая. Не случайно император Николай Павлович (родившийся в 1796 г.) боготворил отца и недолюбливал бабуку, Екатерину II. М.Н. Покровский настаивает на насущной необходимости (а стало быть, закономерности) для российского абсолютизма в конце XVIII в. править методами «железной лозы».

Понимание М.Н. Покровским царствования Павла и самой его личности далеко не сразу получило признание в советской литературе. Подтверждением может служить книга известного писателя и публициста И.М. Василевского (Не-Буквы 1923). Задавшись целью дискредитировать в глазах читателя самодержавие через дискредитацию всех Романовых, доказать их личное убожество и зло, всегда приносимые династией стране, автор, ничтоже сумняшеся, создал компиляцию из работ дореволюционных историков, прежде всего В.О. Ключевского, к которому, отметим, он относился с большим уважением. Естественно, И.М. Василевский отбирал лишь те страницы, где Романовым давалась негативная оценка. Все сказанное полностью применимо и к личности Павла I.

Такая тенденциозность, не имеющая ничего общего с наукой, имела место в советской историографии нашей проблемы в 1920–1940-х гг. Оговоримся, что в это время эпоха Екатерины изучалась сквозь призму пугачевщины; естественно, что оценки деятельности императрицы, как правило, однозначно негативны. Работы, посвященные личности или хотя бы временам Павла I, в указанное время также редки. Советская историческая наука разрабатывала прежде всего другие проблемы. Правда, разбирая те или иные сюжеты, советские историки касались все-таки и личности Павла I. И. Троцкий считал Павла Петровича сумасшедшим, признавал жестокости его полицейского режима, но подчеркивал, что «капризы Павла для всей массы населения были вовсе не так тягостны, как более осмысленная политика его матери и сына» (1931). Историк М. Брюллова-Шаскольская, издавшая свою работу в серии

«Дешевая историко-революционная библиотека», отзывалась о Павле и его сословной политике уничижительно, явно переоценивая размах крестьянского движения в конце XVIII в. (1932). А. Преснов в двух статьях отмечал стремление Павла Петровича действовать наперекор матери; единственное, что их объединяло, пишет он, это ненависть к французской революции (1937, 1938). В целом же в 1920–1940-е гг. советские историки не смогли предложить собственного понимания деятельности Екатерины II и Павла I, пользуясь сложившимися еще до революции стереотипами. Примером может служить изданное в 1946 г. учебное пособие В.И. Самойлова, содержащее грубые фактические ошибки и ряд ничем не подкрепленных, бездоказательных суждений (1946). По счастью, эта публикация не сказалась заметно на последующих работах отечественных историков.

В 1950 – начале 1960-х гг. историографическое осмысление нашей проблемы, несмотря на кардинальные подвижки в развитии советской исторической науки, не изменилось сколько-нибудь заметно. Реформаторская деятельность Екатерины не привлекала внимания историков, публикаций об эпохе Павла по-прежнему немного. Т.Г. Снытко утверждал, что реакционная политика Павла, особенно в армии, привела к созданию тайной офицерской организации – «канальского цеха», которую автор считает проявлением общественного, чуть ли не освободительного, движения в России (1952: 111–122). Сквозь призму общественно-политической истории пытался понять деятельность Павла I А.В. Предтеченский (1957). Историк признает влияние личности государя «на ход исторического процесса» в целом. По его мнению, личная трагедия Павла заключалась в противоречиях его натуры: ненавидя мать, он хотел все изменить, но как монарх не должен был ничего менять (аргументы в пользу этого утверждения автор опускает). Предтеченский признает наличие у Павла продуманной программы, связывая ее с «Рассуждением о государстве вообще», но, продолжает он, реализовать свою программу Павел I не сумел в силу «строптивности и незадачливости». Основной мотив царствования Павла Петровича, по мнению Л.Г. Бескровного, «контрреформы», желание поступить вопреки стремлениям матери; при этом военный историк подчеркнуто негативно относится к преобразованиям Павла, прежде всего в армии (1958). А.М. Станиславская, считая Павла душевнобольным, не всегда находит у него стремление во всем поступать вопреки матери (1962).

Обратимся теперь к изданиям, которые не должны по сути своей обходить молчанием политический режим Павла I. Имеются в виду учебники и справочная литература. В учебниках по истории СССР для высшей школы, издававшихся в 1960–1970-х гг. (среди авторов видные советские историки М.Т. Белявский, А.В. Фадеев, В.В. Мавродин и др.) (История СССР 1964; История СССР с древнейших времен до конца

XVIII в. 1975; Краткая история СССР 1978; История СССР 1979 и др.), отмечаются беспощадные репрессии и жестокости павловского режима, носившего «даже характер деспотии»; признается сопротивление Павла I реформам Екатерины II, но лишь в частности; в целом же, согласно учебникам, Павел продолжил политику матери. Дается, таким образом, самая общая оценка правления Павла I. В Большой советской энциклопедии и в Советской исторической энциклопедии статьи о Павле принадлежат перу А.Н. Цамутали. Автор пишет о мелкой придирчивости Павла, усугублявшейся психической неуравновешенностью и самодурством. Аналогичную трактовку содержит четвертый том академического издания «История СССР» (История СССР с древнейших времен до наших дней 1967). Отметим почти стопроцентную схожесть оценок личности Павла в советских словарях и энциклопедиях и в аналогичных дореволюционных изданиях. В 1950–1960-х гг. по-прежнему обходилась вниманием эпоха Павла Петровича в учебных курсах (Фадеев 1960: 28).

С середины 1960-х гг. постепенно усиливается внимание историков к царствованию Екатерины II, в то время как изучение политического режима Павла I оставалось фрагментарным. Специальные исследования личности и политической системы Павла I стали появляться лишь в конце 1980–1990-х гг. (Сорокин 1989: 46–59; 1994, 1996 и др.). Изучение деятельности Екатерины II предпринималось исследователями сквозь призму изучения «просвещенного абсолютизма». Сам термин был введен в научный оборот немецкими историками в середине XIX в. и с тех пор получил, с незначительными модификациями (в англо-французской историографии принято использовать термин «просвещенный деспотизм» или, реже, «легальный деспотизм»), широкое распространение (История Европы с древнейших времен до наших дней 1994: 352). Советские исследователи охотно соглашались с наличием такого явления не только в европейской, но и в отечественной истории, широко оперировали самим термином, постоянно цитируя известное суждение В.И. Ленина об эволюции русского государства на протяжении XVII–XVIII вв. в направлении буржуазной монархии с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма». Но когда речь заходила о самой дефиниции, критериях, хронологических рамках, характерных чертах или социальной сущности политического режима Екатерины II, почти всеми понимаемого как «просвещенный абсолютизм», единство исчезало. В конкретно-исторических исследованиях царит удивительная пестрота подходов, когда речь заходит об имманентно присущих «просвещенному абсолютизму» признаках.

Проблемы «просвещенного абсолютизма» в советской исторической науке 1960–1980-х гг.: полемика вокруг природы и сущности екатерининского режима. Попробуем суммировать основные положения,

высказанные в отечественной историографии 1960–1990-х гг., поскольку именно в это время началось специальное изучение «просвещенного абсолютизма» в России, при этом положения и выводы дореволюционных исследователей, прежде всего Н.А. Кареева и М.М. Ковалевского, широко использовались советскими авторами. Так, А.Б. Каменский полагал, что лучшее толкование термина «просвещенный абсолютизм» предложил именно Н.А. Кареев (1992: 351). Последний, как известно, суть просвещенного абсолютизма усматривал в союзе абсолютистского государства с рационалистическим просвещением, имевшем и известные преобразовательные цели (1913: 290–291). И еще: для советских ученых этой поры весьма характерно стремление фактически ставить знак равенства между понятиями «просвещенный абсолютизм» и «политический режим Екатерины II», во всяком случае, именно Екатерину Алексеевну считали крупнейшим представителем просвещенного абсолютизма в России.

Можно выделить несколько подходов к определению политического режима Екатерины II или, иначе, к решению проблемы сущности «просвещенного абсолютизма», имевшихся в литературе. Часть историков принципиально отрицала возможность выделения некоего этапа в истории абсолютизма, который можно было бы обозначить как «просвещенный абсолютизм». По их мнению, в царствование Екатерины II существовала та же форма государственного устройства, что и при Петре I, т.е. абсолютная монархия. Не изменилась сколько-нибудь заметно и основная направленность внутренней политики – она оставалась продворянской, типично крепостнической. Однако правительство попыталось использовать новое идеологическое обоснование для проведения вполне традиционной для русского царизма политики. Камуфлируя свои истинные цели – укрепление режима неограниченной власти российского монарха в новых исторических условиях, – власть имущие в России вынуждены были заниматься демагогией, спекулировать на красивых фразах из работ французских авторов, маскируя ими растущий феодально-крепостнический гнет. Никаких реальных изменений в российской действительности ни в социально-экономической, ни в социально-политической сферах фактически не произошло.

Эту точку зрения в своих работах наиболее последовательно защищали Г.А. Новицкий, П.К. Иванов, М.Т. Белявский, Г.П. Макогоненко, С.Б. Окунь и некоторые другие авторы (Новицкий 1945; Иванов 1950; Макогоненко 1956; Белявский 1965; 1985; Окунь 1973; 1974). Они полагали, что неотъемлемой составной частью политики «просвещенного абсолютизма» (а вовсе не его сущностью, как почему-то интерпретируют их взгляды в некоторых публикациях) является социальная демагогия с использованием терминов и понятий европейского просвещения, а сама политика имеет целью «укрепить самодержавно-

крепостнический строй, ослабить остроту классовых и социальных противоречий и назревшую в стране крестьянскую войну» (Белявский 1965: 37), а С.Б. Окунь, кроме того, заметил, что «просвещенный абсолютизм» в России «являлся политикой противопоставления власти абсолютного монарха притязаниям аристократической конституции», имел своей целью «ликвидировать сановную фронду» (Окунь 1973: 114). При этом Екатерина II смогла опереться на широкие круги русского провинциального дворянства, бюрократию и армию, проводя последовательную политику удовлетворения дворянских сословных интересов, не останавливаясь и перед ущемлением отдельных непринципиальных интересов российского благородного сословия. «Правительство Екатерины II, охраняя с помощью лжи, демагогии, а также жесточайших расправ над трудящимися “имения и правости” господствующего класса, предостерегало господствующий класс от опасностей, грозящих всему существующему социально-экономическому и политическому строю. Правительство... делало попытки ограничить произвол помещика по отношению к крестьянину, используя для этого лишь печать, публичные выступления государыни и вельмож и некоторые рекомендации, предлагаемые нормами закона», – писал П.К. Иванов (1950: 99).

Историки, отнесенные к этому направлению, неустанно подчеркивали принципиальное различие между ширококвещательными заявлениями правительства Екатерины II и его практическими действиями, между часто талантливо составленными прожектами и реализацией их на практике. Наконец, они склонны объяснять политику «просвещенного абсолютизма» или, по крайней мере, особенности ее проведения в России некоторыми личными качествами императрицы Екатерины II, вовсе не обязательно высокими.

М.Т. Белявский, кроме того, высказал весьма любопытную идею: для российских подданных Екатерина II выступала грозной самодержицей, карающей и милующей; для своих западных корреспондентов она смогла стать просвещенной монархиней, сочувствующей свободам и покровительствующей просвещению, наукам и культуре. Государыня эти две свои ипостаси никогда не смешивала. Полемизируя с Дидро, Екатерина Алексеевна прямо заявляла: «...из всех ваших великих принципов... можно составить прекрасные книги, но не управлять государством... вы трудитесь только над бумагой... между тем как я, бедная императрица, работаю на человеческой шкуре» (Сочинения Екатерины II 1990: 205). Эта работа «на человеческой шкуре» особенно выразительна по отношению к тем русским дворянам, которые смогли самостоятельно усвоить высокие идеалы французского просвещения и руководствоваться ими в своей жизни и деятельности, – А.Н. Радищеву, Н.И. Новикову и многим другим. К просвещенным монархам упомянутые историки относили также Александра I. Наконец, С.Б. Окунь весь-

ма тонко подметил ту необыкновенную легкость, с которой в царствование Екатерины и Александра происходил отказ от внешнего либерализма при самом незначительном изменении ситуации как внутри страны, так и на международной арене.

Ряд советских авторов – среди них Н.Я. Эйдельман, В.Г. Сироткин, М.М. Сафонов, В.В. Рогинский, И.А. Булыгин и некоторые другие – развивают взгляды на «просвещенный абсолютизм» как на политику «европеизации» (вариант: «частичной модернизации») России посредством реформ сверху при сохранении традиционных основ самодержавия (Эйдельман 1973; 1986; Мгновенье славы настает... 1989; Революция сверху в России 1989; Сироткин 1985; 1990; Сафонов 1980; 1988; Рогинский 1994; Булыгин 1994). Они признают, что Россия – страна так называемого второго эшелона развития капитализма – обладает рядом характерных черт: относительная небуржуазность, недостаточно развитые правовые нормы, огромная роль государства в экономической жизни страны и т.д. Отсюда, по мысли этих авторов, можно сделать вывод об особой роли верховной власти в России и самой личности абсолютного монарха. От личных качеств государя (к примеру, от его политического реализма, перспективного видения основных исторических процессов, протекавших в империи, способностей, идеалов, привычек, от того, кому он поручал важнейшие дела, и пр.) в немалой степени зависел вопрос о ведущих направлениях внутренней и внешней политики.

Н.Я. Эйдельман также полагал, что в России много значило так называемое активное меньшинство, к которому историк относил средоточие власти – Петербург (петербургское дворянство? двор и свет? гвардию? – историк не уточняет) и примерно один процент населения страны, приближенный к Петербургу географически, экономически и социально. Именно среди них Н.Я. Эйдельман находит людей, близких просвещению и чести, – интеллигенцию. От того, какие отношения складываются между верховной властью и «мыслящим меньшинством» – поддерживают они друг друга или противостоят, зависит очень многое, особенно при попытках европеизации России, на которую страна была «обречена» всем ходом исторического развития.

Вариант просвещенного абсолютизма, по мысли Н.Я. Эйдельмана, как раз и предполагает тот случай, «когда верховная власть делала упор на “людей чести”, дворянскую интеллигенцию, народу же предписывалось исключительно исполнение и подчинение». Ему противопоставляется другой вариант – непросвещенного абсолютизма, когда император, подобно Павлу I, в определенной степени расходится с активным дворянством, желает ослабить его претензии, усиливает идеологическую ориентацию на «народность», имеет место надежда властей на негра-

мотные миллионы, верящие своим царям в отличие от «много рассуждающих умников» (Революция сверху... 1989: 66).

Указанные историки хронологические рамки просвещенного абсолютизма определяют от преобразований Петра I до 20-х гг. XIX в., но сам период, по их мнению, весьма неоднороден: просвещенный и непросвещенный абсолютизм как бы чередуются, последовательно сменяя друг друга. Более того, один и тот же государь, например Екатерина II, может издавать законы «европейские» и «азиатские», т.е. в деятельности одного монарха просвещение и непросвещение могут сочетаться. «Движение к просвещению через усиливающееся рабство – один из парадоксов России того времени», – полагал Н.Я. Эйдельман (1986: 14). Сама Екатерина Алексеевна, по их версии, реально сознавала, что в России, в силу ее отставания от Европы, не скоро еще появятся такие опасные «спутники прогресса», как стремление к вольности, ненависть к деспотизму и пр., а «прирученные идеи» могут быть использованы для укрепления самодержавия.

Итак, политика просвещенного абсолютизма трактуется уже не как демагогия, уступка духу времени, не как камуфляж феодально-крепостнической сути, но как естественный результат пересечения европейского просвещения и российской цивилизации, смысл которого и состоит в подготовке и проведении реформ, направленных на европеизацию России, развитие образования, формирование дворянской интеллигенции, зарождение правосознания, прогресс культуры и т.д. В.В. Рогинский подметил также, как легко феодальные монархи Европы адаптировали принципиальные положения европейского рационализма применительно к собственным целям. Например, если у французских просветителей «просвещенный монарх» в конечном счете должен был построить царство разума, т.е. буржуазное государство, то сами «просвещенные монархи», несмотря на всю их просветительскую фразеологию, имели целью «укрепление существующего строя, сохранение господства феодального класса, усиление абсолютистского государства, его финансовой и экономической мощи» (Рогинский: 354).

На основе великих идей Просвещения сформировались весьма пестрые конституционалистские теории, ставшие результатом творческих исканий наиболее образованной части феодального общества. И просвещенные монархи, и носители конституционных идей говорили на одном языке, но цели имели различные: «философы на троне» стремились укрепить свою неограниченную власть, в то время как представители просвещенного дворянства настаивали на модернизации старого феодального сословного строя, предлагая аристократические конституции, проекты которых сочинялись во множестве. Именно поэтому аристократия пребывала в известной оппозиции просвещенным монархам даже в тех случаях, когда монархи пытались на нее опереться. Основой

для политики «просвещенного абсолютизма» историки этой группы считают развитие капиталистических начал, ее крах Н.Я. Эйдельман объяснял известной неподготовленностью России к реформам, а М.М. Сафонов – классовыми инстинктами дворянства, не желавшего никаких реформ в период относительной стабильности.

Легко заметить, что отличие во мнениях между двумя упомянутыми направлениями основаны на нюансах, по-разному расставленных акцентах; принципиальных различий в их взглядах нет, что не исключает, разумеется, полемики и дискуссии между ними. К примеру, еще А.Я. Аврех обратил внимание на то, что «целый исторический период объяснить демагогией... нельзя просто потому, что всякая демагогия есть вещь строго обусловленная. Иначе говоря, “чистой демагогии” в истории вообще не бывает, она существует лишь как спутник реальной политики» (1968: 46).

Наконец, мы вправе выделить еще одно направление в историографии 1960–1990-х гг., представители которого попытались отказаться от противопоставления социальной демагогии и реальной политики в рамках «просвещенного абсолютизма». Среди них назовем Н.М. Дружинина, И.А. Федосова, А.Б. Каменского, С.О. Шмидта, О.А. Омельченко и других (Дружинин 1964; Федосов 1970; Каменский 1970, 1997; Шмидт 1987; Омельченко 1977, 1983, 1986). Политика просвещенного абсолютизма, по их мнению, выразилась в проведении ряда реформ, направленных на ликвидацию наиболее архаичных институтов феодализма (в чем состоят эти институты и как именно они были ликвидированы, историки предпочитают не уточнять) и делавших известный шаг в сторону буржуазного развития. Сами реформы носят вынужденный характер, проводить их правительству приходится в силу объективного развития России. Имеются в виду прежде всего изменения в социально-экономической сфере и известное влияние века Просвещения. Но противоречия, изначально заложенные в «союзе монархов и философов», привели к двойственности и непоследовательности политики просвещенного абсолютизма. Любая из реформ проводилась до тех пор, пока не касалась основ существующего строя.

И.А. Федосов готов признать относительную прогрессивность политики «просвещенного абсолютизма» в рамках феодальной монархии, но он решительно восстает против положения о капиталистическом прогрессе при просвещенных монархах, довольно резко критикуя вывод Н.М. Дружинина. В свою очередь, Н.М. Дружинин настаивал на закономерности просвещенного абсолютизма в России не только потому, что это общеевропейское явление, но и находя для него прочную социально-экономическую основу – формирующийся капиталистический уклад. Стратегическая цель всей политики просвещенного абсолютизма, по его мнению, состоит в гибком и постоянном приспособле-

нии, преимущественно мирными средствами, существующего порядка к новым (капиталистическим) социально-экономическим отношениям. И.А. Федосов и А.Б. Каменский уже не настаивали на ярко выраженных буржуазных тенденциях политики просвещенного абсолютизма, но признавали, что развитие капиталистического уклада породило целый комплекс важных проблем, требующих незамедлительного разрешения. А.Б. Каменский, похоже, вообще полагал, что Екатерина II проводила чуть ли не единственно возможную (по крайней мере, оптимальную) правительственную политику в тех условиях и могла находить дельные решения давно назревшим проблемам. При этом в деятельности Екатерины Алексеевны он подчеркивает децентрализаторские тенденции, увязывая их с жалованной грамотой дворянству 1785 г. И.А. Федосов полагал даже, что Екатерина II привнесла своей деятельностью много принципиально нового, особенно в экономической политике (принцип свободы торговой и промышленной деятельности торжественно декларировался, ликвидировались некоторые торгово-промышленные монополии, учреждалось Вольное экономическое общество и пр.), хотя и предостерегал, что «не стоит преувеличивать буржуазность этой политики».

По мнению этих историков, прежде всего И.А. Федосова, «просвещенный абсолютизм» – «не направление в политике... а особые периоды в истории абсолютистских государств, имеющие свои специфические черты» (1970: 34). Факторы, определившие наличие «просвещенного абсолютизма» в России, сводятся у И.А. Федосова, во-первых, к неустойчивости власти после эпохи дворцовых переворотов, отсутствию четкой системы государственных органов, действовавших на основании непреложных законов, во-вторых, к наличию массового крестьянского движения в стране и принципиальной неспособности власти на местах справиться с ним. При этом классовые противоречия между крестьянами и феодалами не несли угрозы самому факту существования абсолютной монархии, но приводили к консолидации вокруг престола господствующего в обществе слоя (38–39).

По мнению С.О. Шмидта и И.А. Федосова, «просвещенный абсолютизм» в России начался с Петра I и в Екатерининскую эпоху мы наблюдаем лишь развитие петровских начал даже без привнесения в них качественно новых черт, а в эпоху Александра I, с 1801 по 1815 г., имел место второй период существования «просвещенного абсолютизма». С этим утверждением решительно не согласен Н.М. Дружинин, заметивший, что в этот период «самодержавие пыталось создать новую форму монархии, юридически ограничивающую абсолютизм, но фактически сохраняющую единоличную власть государя» (1964: 457). Весьма характерно, что С.О. Шмидт находил элементы «просвещенного абсолютизма» не только в политике Петра I и Елизаветы Петровны,

но и Петра III, более того, он полагал, что в Петре Федоровиче типичные черты «просвещенного абсолютизма» «обнаружились наиболее эффективно» (1987: 57). Таким образом, упомянутые историки отказались от попыток персонифицировать «просвещенный абсолютизм», понимали его как веление времени, и любой государь на российском престоле в этот период должен был быть просвещенным монархом. Исключение делалось лишь для Павла I.

Наконец, И.А. Федосов предложил определение просвещенного абсолютизма. По его мнению, просвещенный абсолютизм есть абсолютизм, реформирующий органы власти, сохранивший возможности для внутреннего развития. Политика просвещенного абсолютизма могла проводиться в тех странах и на том уровне развития, где и когда развитие буржуазных отношений еще не выходило за рамки феодальной системы, а классовая борьба не грозила существующему общественному строю (1970: 55). Это определение стало чуть ли не общепринятым, утвердившись не только в научной, но и в учебной литературе.

Однако если принять определение И.А. Федосова, тогда к режимам просвещенного абсолютизма должны быть отнесены все монархии и во всех странах, существовавшие в переходные от феодализма к капитализму периоды, в том числе Россия времен царствования Павла I, Николая I и Александра II, сделавших для реформ органов власти не менее Екатерины II и Александра I. Впрочем, сам И.А. Федосов термин «просвещенный абсолютизм» считает условным, так как просвещение, просветительство, не были ни главными, ни определяющими в его политике. Еще дальше идет А.Б. Каменский, заметивший, что «просвещенный абсолютизм» – выражение слишком неопределенное, чтобы с его помощью описывать политическую систему (1992: 352). Разумеется, мы отдаем себе отчет, что отнесли к одной группе весьма различающихся по своим взглядам авторов, нередко весьма резко полемизирующих друг с другом. Так, И.А. Федосов критиковал не только выводы П.К. Иванова, но и в большей степени взгляды Н.М. Дружинина.

Итоги развития советской историографии проблемы. Таким образом, историки так и не смогли договориться о том, что они имеют в виду, когда пишут о «просвещенном абсолютизме»: некий период, своеобразный этап в развитии абсолютной монархии, заметно отличающийся от предшествующих и последующих этапов (под таковыми понимают чаще всего «непросвещенный абсолютизм» Павла I), или же внутреннюю политику, которую проводили абсолютные монархи с вполне определенными целями в исторически-конкретных условиях.

Критерии выделения «просвещенного абсолютизма» в силу неоднозначного толкования самого термина, казалось бы, должны различаться. Однако в действительности этого не произошло. Все советские историки единодушно используют следующие признаки для определения

«просвещенного абсолютизма»: применение идей рационализма и просвещения в качестве идеологической базы. Иногда эта мысль уточняется в том плане, что идеологической основой для становления абсолютных монархий в Европе явились прежде всего разработки английских и немецких просветителей, а идеологической основой для «просвещенного абсолютизма» послужили труды французских авторов – Монтескье и особенно Вольтера; активная законодательная и законотворческая деятельность, понимаемая едва ли не как основная задача государственной власти, – важнейший фактор прогресса общества, основа общественного порядка и государственного строя; покровительство торговле и предпринимательству в духе физиократов, меркантилистов, а затем и фритредеров; поощрение наук, опека культуры, забота об образовании и пр. Иначе говоря, как только историки сталкиваются с подобными явлениями, они чувствуют себя вправе рассуждать о «просвещенном абсолютизме» вне зависимости от того, какое содержание они вкладывают в это понятие.

«Непросвещенный абсолютизм» Павла I, в любом случае, по мысли большинства историков этого времени, противопоставляется «просвещенному абсолютизму» даже в тех случаях, когда они реализуются в деятельности одного и того же монарха. Советские историки-марксисты фактически прошли мимо того факта (между прочим, очевидного для марксистской научной парадигмы), что общего в политических режимах Екатерины и Павла принципиально больше, чем различий. И мать, и сын есть порождения века Просвещения как с точки зрения фундаментальных теорий строительства «регулярного» государства, так и с точки зрения их текущей, повседневной, рутинной деятельности в сфере управления. Все те критерии «просвещенного абсолютизма», которые историки широко применяли к политическому режиму Екатерины II, вполне применимы и к политическому режиму Павла I. Мимо этого очевидного для нас обстоятельства и прошли ученые, творившие в 1960–1990-х гг. Здесь не место обосновывать этот вывод конкретно-историческими материалами. Но любой непредвзятый читатель легко может убедиться, что Павел I заботился о развитии, скажем, образования, ничуть не меньше матери, особенно если учесть существенную разницу в продолжительности их царствований.

Выводы. Действительное различие между режимами Екатерины II и Павла I состоит в отношении к ним современников. Против последнего никто и никогда, кажется, не возражал ни в XIX, ни в XX в. Но чем, в свою очередь, детерминируются эти различия в восприятии современниками политических режимов Екатерины и Павла? Проведенный нами анализ отечественной исторической литературы убеждает, что главным отличием в их режимах почитается сам факт заговора и царевубийства 11–12 марта 1801 г. на том хотя бы основании, что ничего по-

хожего в царствование Екатерины Алексеевны просто не могло произойти в силу поголовной трепетной любви россиян к своей государыне. События 11–12 марта 1801 г., с точки зрения отечественных историков, есть, таким образом, протест против, во-первых, незавидных личных качеств Павла Петровича, во-вторых, против его неудачной внутренней и внешней политики. Сам факт цареубийства является «ultimaratio» в пользу такого вывода.

Если хотя бы допустить, что заговор и цареубийство осуществлялись на английские деньги и в английских интересах, а английское золото позволило наwerbовать исполнителей в гвардейских кругах, а также обеспечить, с помощью других факторов, лояльность наследника (такие предположения в литературе высказывались, под них подведена солидная база фактов. См. подробнее: Сорокин 2006: 15–29), пропадет возможность говорить об общедворянском сопротивлении политическому режиму Павла, и вот тогда-то, вслед за этим, у отечественных историков пропадут всякие рациональные доводы в пользу существования принципиальных различий в политических режимах Екатерины и Павла, следовательно, будут нивелироваться различия между «просвещенным» и «непросвещенным» абсолютизмом.

Отечественная историография 1960–1990-х гг., тем не менее, смогла продвинуть вперед исследование особенностей развития России последней трети XVIII в. и закономерностей эволюции российского абсолютизма в условиях разложения феодально-крепостнической системы. Однако в целом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в рассмотрении проблемы, ее изучение в публикациях советских авторов ограничено, как правило, узостью тематических или хронологических рамок их исследований. С этим багажом отечественная историческая наука и вступила в новый век. Отсутствие до сих пор специальных обобщающих трудов по проблемам эволюции российского абсолютизма, недостаточная изученность многих важных вопросов, стремление исследователей воздержаться от теоретических обобщений, наличие в литературе спорных точек зрения – все это свидетельствовало о необходимости дальнейшей разработки указанной проблемы, предпринятой уже в XXI в. во многом с новых методологических позиций.

Литература

- Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 8. С. 82–104.
- Белявский М.Т. Крестьянский вопрос накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. 382 с.
- Белявский М.Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: к вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 145–190.
- Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. 645 с.

- Бильбасов В.А.* История Екатерины II. Санкт-Петербург; Берлин, 1890–1896. Т. 1, 2.
- Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. М., 1996. Т. 1–3.
- Брикнер А.Г.* Смерть Павла I. СПб., 1907. 161 с.
- Брюллова-Шаскольская М.* Отклики пугачевщины. М., 1932.
- Булыгин И.А.* Государственный строй России в XVIII в. // История Европы с древнейших времен до наших дней. М., 1994. Т. IV.
- Буцинский П.Н.* Отзывы о Павле I его современников. Харьков, 1901. 41 с.
- Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины. СПб., 1914. 662 с.
- Василевский И.М.* (Не-Буква). Романовы: Портреты и характеристики. Пг., 1923. 332 с.
- Вейдемейер А.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. 2. 235 с.
- Герцен А.И.* Крещенная собственность // А.И. Герцен. Сочинения. М., 1958. Т. 7.
- Государи из дома Романовых.* М., 1913. Т. II.
- Григорович Н.А.* Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1881. Т. 2.
- Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России. М., 1964.
- Желвакова И.А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации (на примере публикаций «Исторических сборников Вольной русской типографии в Лондоне» о дворцовом перевороте 1801 года) // Революционная ситуация в России в 1859–1861. М., 1974.
- Жизнь в безопасности государыни императрицы Марии Федоровны.* М., 1829.
- Жизнь Павла Первого, императора и самодержца всероссийского.* М., 1805.
- Жизнь, свойства, военные и политические деяния российского императора Павла I.* СПб., 1805.
- Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.
- Иванов П.К.* К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России 60 годов XVIII века // Вопросы истории. 1950. № 5.
- История Европы с древнейших времен до наших дней.* М., 1994. Т. 4.
- История России в XIX веке.* М., 1908. Т. I.
- История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* М., 1975.
- История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1967. Т. 4.
- История СССР.* М., 1979.
- История СССР.* М., 1964. Т. I.
- Каменский А.Б.* Екатерина II // Вопросы истории. 1970. № 3.
- Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...». СПб., 1992.
- Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.
- Карамзин Н.М.* Записка о Н.И. Новикове // Н.М. Карамзин. Записки старого московского жителя. М., 1988.
- Каратов Ф.В.* Павел I: Его семейная жизнь, фавориты и убийство. Лондон, 1902.
- Кареев Н.А.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1913. Т. III.
- Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
- Ключевский В.О.* Императрица Екатерина II // В.О. Ключевский. Исторические портреты. М., 1991.
- Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1989. Т. V.
- Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1887.
- Ковалевский П.И.* Император Петр III, император Павел I. СПб., 1906.
- Кончина российского императора Павла I, характер нового императора Александра I, внутренние перемены, новое положение во всей Европе.* М., 1802.
- Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1.

- Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762–1855. СПб., 1906.
- Краткая история СССР.* Л., 1978. Т. I.
- Макагоненко Г.П.* Радищев и его время. М., 1956.
- Материалы для биографии императора Павла I.* Лейпциг, 1874.
- Милютин Д.А.* История войны 1799 года. СПб., 1857. Т. 1.
- Назаревский Н.Н.* Царствование императора Павла I и походы Суворова в Италию и Швейцарию. М., 1910.
- Новицкий Н.А.* История СССР. М., 1945.
- Окунь С.Б.* Истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX вв. М., 1974. Ч. I.
- Окунь С.Б.* К вопросу о сущности русского абсолютизма (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973. Вып. 2.
- Омельченко О.А.* «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Омельченко О.А.* К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983.
- Омельченко О.А.* Становление абсолютной монархии в России. М., 1986.
- Панчулидзе С.* История кавалергардов. СПб., 1901. Т. 1.
- Платонов С.Ф.* Столетие кончины императрицы Екатерины II // Платонов С.Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903.
- Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // М.Н. Покровский. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2.
- Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке // М.Н. Покровский. Избранные произведения. М., 1965. Кн. 3.
- Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845.
- Похорский А.А.* Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. М., 1819.
- Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957.
- Преснов А.* Царская Россия и французская буржуазная революция 1789 г. // Исторический журнал. 1937. № 2.
- Преснов А.* Общественная мысль в России в конце XVIII в. // Исторический журнал. 1938. № 9.
- Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.
- Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 1892.
- Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1884.
- Рогинский В.В.* Ранние буржуазные государства и «просвещенный абсолютизм» в Европе XVIII в. // История Европы с древнейших времен до наших дней. М., 1994. Т. IV.
- Самойлов В.И.* Внутренняя и внешняя политика Павла I. Хлебниково, 1946.
- Сафонов М.М.* Россия на пути реформ // Преподавание истории в школе. 1980. № 4.
- Сафонов М.М.* Проблемы реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.
- Сборник постановлений и распоряжений о цензуре с 1720 по 1862 год.* СПб., 1862.
- Сироткин В.Г.* Великая французская буржуазная революция. Наполеон и самодержавная Россия // История СССР. 1985. № 5.
- Сироткин В.Г.* «Властитель слабый и лукавый», или Почему не пошла перестройка у Александра I // Наука и жизнь. 1990. № 6.
- Смерть Павла I.* М., 1912.
- Снытко Т.Г.* Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII в. // Вопросы истории. 1952. № 9.
- Сорокин Ю.А.* Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11.

- Сорокин Ю.А. «Непросвещенный абсолютизм» Павла I. (Проблематика и опыт изучения). Омск, 1994.
- Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996.
- Сорокин Ю.А. Заговор и царубийство 11 марта 1801 г. // Вопросы истории. 2006. № 4. Сочинения Екатерины II. М., 1990.
- Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1797–1807. М., 1962.
- Три века. М., 1913. Т. V.
- Троцкий И. Семья Бестужевых // Воспоминания Бестужевых. М., 1931.
- Тыртов Е. Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце всероссийском. М., 1807.
- Фадеев А.В. Дореформенная Россия: 1800–1861. М., 1960.
- Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9.
- Филипповский Е. Краткие исторические и хронологические описания жизни и деяний великого князя. М., 1830.
- Царубийство, или История смерти императора Павла Первого. М., 1910.
- Чиж В.Ф. Император Павел I // Вопросы философии и психологии. СПб., 1907. Кн. 88–90.
- Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901.
- Шмидт С.О. Внутренняя политика России в середине XVIII в. // Вопросы истории. 1987. № 9.
- Шумигорский Е.С. Император Павел I: Жизнь и царствование. СПб., 1907.
- Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.
- Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетий. М., 1986.
- Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.
- Эйдельман Н.Я. Мгновенье славы настает... Год 1789. Л., 1989.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2014 г.

Sorokin Yuriy A. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

POLITICAL REGIMES OF CATHERINE II AND PAUL I IN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE OF THE 19th AND 20th CENTURIES

Abstract. The article describes the main trends in the development of national historiography in the 19th and 20th centuries in terms of studying the political regimes of Catherine II and Paul I. It reveals the factors that influenced the thinking of professional historians and shows metamorphoses and transformation of their views, as well as provides a chronological order that allows not only to establish the authorship of the so-called conventional views, but to understand the specificities of the evidence upon which historians relied. This allowed the author to argue that, although historians have always thought the differences between the political regimes of Catherine II and Paul I to be quite substantial, they were unable to determine what, in fact, these differences consisted in, if considered in the actual historical and formal logical aspects.

Key words: Russian historical literature, political regime, Catherine II, Paul I

References

- Avrekh A.Ia. Russkii absoliutizm i ego rol' v utverzhenii kapitalizma v Rossii [Russian absolutism and its role in the establishment of capitalism in Russia], *Istoriia SSSR*, 1968, no. 8, pp. 82–104.
- Belivskii M.T. *Krest'ianskii vopros nakanune vosstaniia E.I. Pugacheva*. Moscow, 1965, 382 p.

- Beliavskii M.T. Nakanune «Nakaza» Ekateriny II: k voprosu o sotsial'noi napravlenosti politiki «prosveshchennogo absolutizma», *Pravitel'stvennaia politika i klassovaia bor'ba v Rossii v period absolutizma* [On the eve of the 'Order' by Catherine II: on the issue of social orientation of the 'enlightened absolutism' policy, The government policy and class struggle in Russia during the period of absolutism]. Kuibyshev, 1985, pp. 145–190.
- Beskrovnyi L.G. *Russkaia armia i flot v XVIII v.* [The Russian army and fleet in the 18th century]. Moscow, 1958, 645 p.
- Bil'basov V.A. *Istoriia Ekateriny II* [The story of Catherine II. Vols. 1, 2]. St. Petersburg; Berlin, 1890–1896, vol. 1, 2.
- Brikner A.G. *Istoriia Ekateriny Vtoroi* [The story of Catherine II. Vols. 1–3]. Moscow, 1996, vol. 1–3.
- Brikner A.G. *Smert' Pavla I* [The death of Paul I]. St. Petersburg, 1907, 161 p.
- Briullova-Shaskol'skaia M. *Otkliki pugachevshchiny* [Repercussions of the Pugachev movement]. Moscow, 1932.
- Bulygin I.A. Gosudarstvennyi stroi Rossii v XVIII v., *Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Russia's system of government in the 18th century, The history of Europe from ancient times to the present day], vol. IV. Moscow, 1994.
- Butskinskii P.N. *Otzyvy o Pavle I ego sovremennikakh* [Reviews on Paul I and his contemporaries]. Khar'kov, 1901, 41 p.
- Valishevskii K.F. *Syn Velikoi Ekateriny* [The son of the Great Catherine]. St. Petersburg, 1914, 662 p.
- Vasilevskii I.M. (Ne-Bukva). *Romanovy: Portrety i kharakteristiki* [The Romanovs: portraits and profiles]. Petrograd, 1923, 332 p.
- Veidemeier A. *Dvor i zamechatel'nye liudi v Rossii vo vtoroi polovine XVIII stoletia* [The Court and great people in the second half of the 18th century in Russia]. St. Petersburg, 1846, part 2, 235 p.
- Gertsen A.I. Kreshchennaia sobstvennost' [The baptized property], *A.I. Gertsen. Sochineniia*. Moscow, 1958, vol. 7.
- Gosudari iz doma Romanovykh* [Sovereigns of the House of Romanov]. Moscow, 1913, vol. 2.
- Grigorovich N.A. *Kantsler kniaz' Aleksandr Andreevich Bezborodko v sviazi s sobytiiami ego vremeni* [Chancellor Duke Alexander Andreevich Bezborodko with respect to the events of his time]. St. Petersburg, 1881, vol. 2.
- Druzhinin N.M. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii, *Absolutizm v Rossii* [The enlightened absolutism in Russia, Absolutism in Russia]. Moscow, 1964.
- Zhelvakova I.A. Rassekrechivanie proshlogo v gody pervoi revoliutsionnoi situatsii (na primere publikatsii «Istoricheskikh sbornikov Vol'noi russkoi tipografii v Londone» o dvortsovom perevorote 1801 goda), *Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1859–1861* [Declassification of the past during the years of the first revolutionary situation (through the example of publication of 'Historical collections of the Free Russian Printing House in London' on the palace coup of 1801), The revolutionary situation in Russia in 1859–1861]. Moscow, 1974.
- Zhizn' v boze pochiiushchei gosudaryni imperatritsy Marii Fedorovny* [The life of lying-in-state Empress Maria Fyodorovna]. Moscow, 1829.
- Zhizn' Pavla Pervogo, imperatora i samoderzhitsa vserossiiskogo* [The life of Paul the First as an Emperor and Autocrat of all Russia]. Moscow, 1805.
- Zhizn', svoistva, voennye i politicheskie deianiia rossiiskogo imperatora Pavla I* [The life, idiosyncrasy, military and political acts of the Russian Emperor Paul I]. St. Petersburg, 1805.
- Znamenskii I. *Polozhenie dukhovenstva v tsarstvovanie Ekateriny II i Pavla I* [The position of the clergy in the reign of Catherine II and Paul I]. Moscow, 1880.
- Ivanov P.K. K voprosu o «prosveshchennom absolutizme» v Rossii 60 godov XVIII veka [On the question of the 'enlightened absolutism' in Russia in the 1860s], *Voprosy istorii*, 1950, no. 5.

- Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Europe from ancient times to the present day]. Moscow, 1994, vol. 4.
- Istoriia Rossii v XIX veke* [The history of Russia in the 19th century]. Moscow, 1908, vol. 1.
- Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of SSSR from ancient times to the late 18th century]. Moscow, 1975.
- Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of SSSR from ancient times to the present day]. Moscow, 1967, vol. 4.
- Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1979.
- Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1964, vol. 1.
- Kamenskii A.B. Ekaterina II [Catherine II], *Voprosy istorii*, 1970, no. 3.
- Kamenskii A.B. «Pod sen'iu Ekateriny...» [‘Under the shadow of Catherine...’]. St. Petersburg, 1992.
- Kamenskii A.B. *Zhizn' i sud'ba imperatritsy Ekateriny Velikoi* [The life and fate of Empress Catherine the Great]. Moscow, 1997.
- Karamzin N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii* [A note on the old and new Russia]. Moscow, 1991.
- Karamzin N.M. *Zapiska o N.I. Novikove, N.M. Karamzin. Zapiski starogo moskovskogo zhitelia* [A note on N.I. Novikov, N.M. Karamzin, Notes of an old Moscow resident]. Moscow, 1988.
- Karatov F.V. *Pavel I: Ego semeinaia zhizn', favority i ubiistvo* [Paul I: his family life, favourites, and assassination]. London, 1902.
- Kareev N.A. *Istoriia Zapadnoi Evropy v novoe vremia* [The history of Western Europe in modern times]. St. Petersburg, 1913, vol. 3.
- Klochkov M.V. *Ocherki pravitel'stvennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on the government activities in the reign of Paul I]. Petrograd, 1916.
- Kliuchevskii V.O. *Imperatritsa Ekaterina II, V.O. Kliuchevskii. Istoricheskie portrety* [Empress Catherine II, V.O. Klyuchevskiy. Historical portraits]. Moscow, 1991.
- Kliuchevskii V.O. *Neopublikovannye proizvedeniia* [Unpublished works]. Moscow, 1983.
- Kliuchevskii V.O. *Soch.* [Writings]. Moscow, 1989, vol. 5.
- Kobeko D.F. *Tsesarevich Pavel Petrovich* [Crown prince Pavel Petrovich]. St. Petersburg, 1887.
- Kovalevskii P.I. *Imperator Petr III, imperator Pavel I* [Emperor Petr III, Emperor Paul I]. St. Petersburg, 1906.
- Konchina rossiiskogo imperatora Pavla I, kharakter novogo imperatora Aleksandra I, vnutrennie peremeny, novoe polozhenie vo vsei Evrope* [The death of Russian Emperor Paul I, the idiosyncrasy of new Emperor Alexander I, domestic changes, and the new state across Europe]. Moscow, 1802.
- Korf M.A. *Zhizn' grafa Speranskogo* [The life of Count Speranskiy]. St. Petersburg, 1861, vol. 1.
- Korf S.A. *Dvorianstvo i ego soslovnnoe upravlenie za stoletie. 1762–1855* [The nobility and its estates governance throughout the century, 1762–1855]. St. Petersburg, 1906.
- Kratkaia istoriia SSSR* [A brief history of SSSR]. Leningrad, 1978, vol. 1.
- Makagonenko G.P. *Radishchev i ego vremia* [Radishchev and his time]. Moscow, 1956.
- Materialy dlia biografii imperatora Pavla I* [Materials for biography of Emperor Paul I]. Leiptsig, 1874.
- Miliutin D.A. *Istoriia voiny 1799 goda* [The history of the War of 1799]. St. Petersburg, 1857, vol. 1.
- Nazarevskii N.N. *Tsarstvovanie imperatora Pavla I i pokhody Suvorova v Italiuu i Shveysariiu* [The reign of Emperor Paul I and Suvorov's campaigns in Italy and Switzerland]. Moscow, 1910.
- Novitskii N.A. *Istoriia SSSR* [The history of SSSR]. Moscow, 1945.
- Okun' S.B. *Istorii SSSR. Konets XVIII – pervaiia chetvert' XIX vv.* [Histories of SSSR. The late 18th to the first quarter of the 19th centuries]. Moscow, 1974, part I.

- Okun' S.B. K voprosu o sushchnosti russkogo absoliutizma (vtoraia polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [On the essence of Russian absolutism in the second half of the 18th to the early 19th century], *Problemy otechestvennoi i vseobshchei istorii*. Leningrad, 1973, vol. 2.
- Omel'chenko O.A. «Nakaz komissii o sostavlenii proekta novogo ulozheniia» Ekateriny II. *Ofitsial'naiia politicheskaia teoriia russkogo absoliutizma vtoroi poloviny XVIII v.* [Catherine II 'Mandate to the commission as to the compiling of a new draft Code']: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1977.
- Omel'chenko O.A. K probleme pravovykh form rossiiskogo absoliutizma vtoroi poloviny XVIII v. [On the issue of legal forms of Russian absolutism in the second half of the 18th century], *Problemy istorii absoliutizma*. Moscow, 1983.
- Omel'chenko O.A. *Stanovlenie absoliutnoi monarkhii v Rossii* [The establishment of absolute monarchy in Russia]. Moscow, 1986.
- Panchulidzev S. *Istoriia kavalgardov* [The history of horse-guardsmen]. St. Petersburg, 1901, vol. 1.
- Platonov S.F. Stoletie konchiny imperatritsy Ekateriny II, *Platonov S.F. Stat'i po russkoi istorii* [The centenary of the death of Empress Catherine II, Platonov S.F. Papers on the Russian history]. St. Petersburg, 1903.
- Pokrovskii M.N. Russkaia istoriia s drevneishikh vremen, *M.N. Pokrovskii. Izbrannye proizvedeniia* [The Russian history from ancient times, M.N. Pokrovskiy. Collected works]. Moscow, 1965, book 2.
- Pokrovskii M.N. Russkaia istoriia v samom szhatom ocherke, *M.N. Pokrovskii. Izbrannye proizvedeniia* [The most concise essay on the Russian history, M.N. Pokrovskiy. Collected works]. Moscow, 1965, book 3.
- Polevoi N.A. *Stoletie Rossii s 1745 do 1845 g.* [The centenary of Russia from 1745 to 1845]. St. Petersburg, 1845.
- Pokhorskii A.A. *Rossiiskaia istoriia, izobrazhaiushchaia vazhneishie deianiia rossiiskikh gosudarei* [The Russian history describing the most important acts of Russian sovereigns]. Moscow, 1819.
- Predtechenskii A.V. *Ocherki obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii v pervoi chetverti XVIII v.* [Essays on social and political history of Russia in the first quarter of the 18th century]. Moscow; Leningrad, 1957.
- Presnov A. Tsarskaia Rossiia i frantsuzskaia burzhuaznaia revoliutsiia 1789 g. [Tsarist Russia and the French Bourgeois Revolution of 1789], *Istoricheskii zhurnal*, 1937, no. 2.
- Presnov A. Obshchestvennaia mysl' v Rossii v kontse XVIII v. [Russian social thought in the late 18th century], *Istoricheskii zhurnal*, 1938, no. 9.
- Pyliaev M.I. *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the past life of the capital]. St. Petersburg, 1887.
- Pyliaev M.I. *Staroe zhit'e* [Old life]. St. Petersburg, 1892.
- Rambo A. *Zhivopisnaia istoriia drevnei i novoi Rossii* [The colourful history of old and new Russia]. Moscow, 1884.
- Roginskii V.V. Rannie burzhuaznye gosudarstva i «prosveshchennyi absoliutizm» v Evrope XVIII v., *Istoriia Evropy s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Early bourgeois states and 'enlightened absolutism' in Europe in the 18th century, The history of Europe from ancient times to the present day]. Moscow, 1994, vol. IV.
- Samoilov V.I. *Vnutrenniaia i vneshniaia politika Pavla I* [Domestic and foreign policy of Paul I]. Khlebnikovo, 1946.
- Safonov M.M. Rossiia na puti reform [Russia on the path to reforms], *Prepodavanie istorii v shkole*, 1980, no. 4.
- Safonov M.M. *Problemy reform v pravitel'stvennoi politiki Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv.* [Issues of reforms and Russian government policy at the turn of the 18th and 19th centuries]. Leningrad, 1988.
- Sbornik postanovlenii i rasporiashenii o tsenzure s 1720 po 1862 god* [A collection of resolutions and orders with respect to censorship from 1720 to 1862]. St. Petersburg, 1862.

- Sirotkin V.G. Velikaia frantsuzskaia burzhuznaia revoliutsiia. Napoleon i samodержavnaia Rossiia [The Great French Bourgeois Revolution. Napoleon and autocratic Russia], *Istoriia SSSR*, 1985, no. 5.
- Sirotkin V.G. «Vlastitel' slabyi i lukavyi» ili pochemu ne poshla perestroika u Aleksandra I [The ruler of the weak and wily' or why the perestroika by Alexander I failed], *Nauka i zhizn'*, 1990, no. 6.
- Smer' Pavla I* [The death of Paul I]. Moscow, 1912.
- Snytko T.G. Nove materialy po istorii obshchestvennogo dvizheniia kontsa XVIII v. [New materials on the history of the social movement in the late 18th century], *Voprosy istorii*, 1952, no. 9.
- Sorokin Iu.A. Pavel I [Paul I], *Voprosy istorii*, 1989, no. 11.
- Sorokin Iu.A. "Neprosveshchennyi absolutizm" Pavla I. (Problematika i opyt izucheniia) [The 'unenlightened absolutism' of Paul I (problems and experience of studying)]. Omsk, 1994.
- Sorokin Iu.A. *Pavel I. Lichnost' i sud'ba* [Paul I. The personality and the fate]. Omsk, 1996.
- Sorokin Iu.A. Zagovor i tsareubiistvo 11 marta 1801 g. [The plot and regicide of 11 March 1801], *Voprosy istorii*, 2006, no. 4.
- Sochineniia Ekateriny II* [Writings by Catherine II]. Moscow, 1990.
- Stanislavskaia A.M. *Russko-angliiskie otnosheniia i problemy Sredizemnomor'ia: 1797–1807* [Russian-English relations and problems of the Mediterranean: 1797–1807]. Moscow, 1962.
- Tri veka* [Three centuries]. Moscow, 1913, vol. V.
- Trotskii I. Sem'ia Bestuzhevvykh, *Vospominaniia Bestuzhevvykh* [The Bestuzhefamily, Memoirs of the Bestuzhevs]. Moscow, 1931.
- Tyrto E. *Anekdoty ob imperatore Pavle Pervom, samoderzhtse vserossiiskom* [Anecdotes about Emperor and Russian Sovereign Paul the First]. Moscow, 1807.
- Fadeev A.V. *Doreformennaia Rossiia: 1800–1861* [The pre-reform Russia: 1800–1861]. Moscow, 1960.
- Fedosov I.A. Prosveshchennyi absolutizm v Rossii [Enlightened absolutism in Russia], *Voprosy istorii*, 1970, no. 9.
- Filippovskii E. *Kratkie istoricheskie i khronologicheskie opisaniia zhizni i deianii velikogo kniazia* [Brief historical and chronological descriptions of the life and acts of the great duke]. Moscow, 1830.
- Tsareubiistvo, ili Istoriia smerti imperatora Pavla Pervogo* [The regicide or the history of the death of Emperor Paul the First]. Moscow, 1910.
- Chizh V.F. Imperator Pavel I [Emperor Paul I], *Voprosy filosofii i psikhologii*, book 88–90. St. Petersburg, 1907.
- Shil'der N.K. *Imperator Pavel I* [Emperor Paul I]. St. Petersburg, 1901.
- Shmidt S.O. Vnutrenniaia politika Rossii v seredine XVIII v. [Russian domestic policy in the middle of the 18th century], *Voprosy istorii*, 1987, no. 9.
- Shumigorskii E.S. *Imperator Pavel I: Zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Paul I: The life and regicide]. St. Petersburg, 1907.
- Eidel'man N.Ia. *Gertsen protiv samodержavii* [Gertsen against autocracy]. Moscow, 1973.
- Eidel'man N.Ia. *Gran' vekov. Politicheskaiia bor'ba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletii* [Granvekov. The political struggle in Russia in the late 18th and early 19th centuries]. Moscow, 1986.
- Eidel'man N.Ia. «Revoliutsiia sverkhu» v Rossii [‘Top-down revolution’ in Russia]. Moscow, 1989.
- Eidel'man N.Ia. *Mgnoven'e slavy nastoet... God 1789* [The moment of glory is coming... God 1789]. Leningrad, 1989.

РЕЦЕНЗИИ

Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ: сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 320 с.: ил. ISBN 978-5-7511-2240-9. (Красильников С.А.)

Новая публикация по истории и современному состоянию Томского государственного университета (далее – ТГУ) не совсем обычна, это иллюстрированное научно-популярное издание с охватом «от корней до кроны», т.е. от момента зарождения идеи сибирского университета (начало XIX в.) до его воплощенной деятельности в лице ТГУ начала века XXI. Издание выбивается из общего, стандартного ряда, будучи симбиозом сразу нескольких интеллектуальных жанров – здесь и элементы строго исторического, событийного повествования с его фактографической основой, и громадный объем изобразительного и фотографического материала, и биографика, демонстрирующая «человеческое измерение» университетской жизни, и официальная документалистика с ее указами и приказами.

Вместе с тем издание привлекает своей неординарностью и с точки зрения сплава формы и содержания, научности в подходе и популярности в изложении информации. Строгость и лаконичность подачи материала – это, безусловно, индикатор научности. В то же время авторам удалось избежать «занаученности», в которую нередко впадают юбилейные академические издания: здесь текст прочитывается и усваива-

ется с большим интересом. И этот уровень заинтересованности выдержан на протяжении всей книги, что, возможно, и есть приоритетный признак ее качества.

Несколько слов о слагаемых упомянутого качества. Оно достигнуто усилиями весьма квалифицированного коллектива авторов текстов и редакционной группы. Документы и материалы по истории университета многие десятилетия собирались, систематизировались, хранились и использовались гуманитарными структурами – музейными и архивными подразделениями, специализированными кафедрами, сотрудники которых доминируют в составе авторского коллектива. Среди авторов также физики, палеонтологи, биологи, что в совокупности дало творческий сплав «физиков» и «лириков». Данное издание опирается на достижения нескольких поколений историков университета, начиная от работ П.А. Зайченко (1960) через коллективный труд под руководством М.Е. Плотниковой (1980) и завершая многотомным биографическим словарем «Профессора Томского университета» под редакцией С.Ф. Фоминых (1996–2014). Важную роль в создании книги сыграли Э.И. Черняк (научный редактор и автор статей) и Н.М. Дмитриенко (руководитель авторского коллектива, автор текстов к иллюстрациям и многих статей).

Основная трудность, которая встала перед создателями книги, – это не столько сбор информации, сколько ее тщательный отбор и структурное выстраивание, компоновка изобразительной и текстовой информации. Данная работа по профилю сродни энциклопедической, где требуются строгость и ответственность отбора и подачи текстов без права на ошибки и небрежности, отчасти простительные для других научных жанров. Извечная проблема репрезентативности выборки из многообразия событий более чем векового университетского бытования здесь решена, на наш взгляд, вполне оптимальным образом: две трети отдано истории («корни» и «ствол»), треть – это современная «визитная карточка» Томского университета («крона»).

Историческая часть посвящена становлению Томского университета как классического российского, далее советского университета. ТГУ в этом отношении есть плоть от плоти отечественной научно-образовательной системы со всеми ее сильными, прорывными сторонами и немалыми издержками, привнесенными прежде всего социально-политическими коллизиями первой половины XX в. Здесь очень рельефно прослеживаются крайне важные для понимания трансформации науки и образования разнонаправленные тенденции преемственности и разрывов в интеллектуальной сфере. В издании находит отражение отмеченная разнонаправленность, имевшая место вследствие государственной политики и практики ее реализации, когда безусловно позитивные и прогрессивные программы и планы развития университетско-

го образования сопровождалось уроном и невозвратными потерями «человеческого капитала»: вначале в эпоху войн и революций (1914–1921 гг.), затем в периоды Большого террора (1930–1937 гг.) и кампаний позднесталинского времени (достаточно назвать одно только «дело геологов» 1949 г., погромное для томской геологической науки, осколком которого стала помещенная в книге акварель (с. 126), написанная профессором В.А. Хахловым в заключении в Норильлаге в 1951 г.).

В то же время стержневая тенденция состояла в обеспечении преемственности научно-образовательного процесса через формирование и развитие научных школ и направлений. В книге представлены знаменитые школы, сформировавшиеся в первой половине – середине XX в., – ботаническая, геологическая, физическая, историческая, филологическая, связанные с именами таких ученых, как П.Н. Крылов, В.Д. Кузнецов, И.М. Разгон, В.В. Палагина. Принципиально важно и то, что ТГУ стал научно-образовательным «донором» для возникновения целой сети вузов не только Томска (медицинский, педагогический), но и ряда других сибирских городов: достаточно сказать, что в условиях «взрывного роста» новых университетов в 1970-е гг. десанты преподавателей Томского университета стали ядром формирования факультетов Алтайского, Омского, Кемеровского университетов. То же справедливо и в отношении создания сети академической науки в регионе. И хотя Томск в 1943 г. проиграл в споре с Новосибирском о месте размещения Западно-Сибирского филиала АН СССР, реально вплоть до 1949 г. научно-педагогические кадры из ТГУ и Томского индустриального (с 1944 г. – политехнического) института составляли костяк трех из четырех действовавших в филиале институтов (горно-геологического, медико-биологического и транспортно-энергетического). Да и в дальнейшем справедливо говорить о существенном вкладе научно-педагогических кадров и выпускников ТГУ в становление и развитие Сибирского отделения АН СССР / РАН за пределами собственно Томска (Новосибирский и другие научные центры). Данные аспекты, как представляется, могли бы получить в рецензируемом издании более рельефное отражение.

Обращает на себя внимание и то, что создатели книги не использовали возможности и приемы компьютерной графики для более наглядной подачи статистической информации о ТГУ (в частности, для представления данных о структурной и кадровой динамике), т.е. средства инфографики. Приходится сожалеть и о том, что если ректоры университета в той или иной степени удостоились внимания авторского коллектива, то представители таких номинаций, как «почетный доктор ТГУ» и «заслуженный профессор ТГУ» в издании системного отражения не нашли. Еще один из аспектов, возможно, заслуживающий своего отражения на страницах издания, – это протестные формы социально-

политической активности преподавателей и студентов в послесталинскую эпоху, характеризующиеся нередко как «диссидентство».

Информационно насыщен завершающий издание раздел, посвященный современности и перспективам развития ТГУ. Безусловно, что в условиях возросшей конкуренции в научно-образовательной сфере принципиально важно обозначать «точки роста», конкурентные преимущества каждого вуза. Представляется, что для Томского университета, который уже изначально обладал качествами и образовательной, и исследовательской структуры, важно сохранить достигнутый баланс этих двух начал, оставаясь в рамках модели классического университета: качество модерна обеспечивается классикой. А у классики есть такие базовые черты, как *традиции, престиж и репутация*. Вся эта «триада» у Томского университета налицо. И авторы рецензируемой работы хорошо это показывали.

Перечисленные достоинства позволяют смело рекомендовать книгу самой широкой читательской аудитории, проявляющей интерес к истории первого вуза на территории Сибири.

С.А. Красильников
Новосибирский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 27 августа 2014 г.

Krasilnikov Sergey A., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Review of Slav'sia, universitet! Illiustrirovannye stranitsy istorii TGU [Be glorious, university! Illustrated pages of the TSU history]: compiled by N.M. Dmitrienko; ed. by E.I. Cherniak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014, 320 p.: il. ISBN978-5-7511-2240-9

Уникальный источник по истории Сибири и Аляски: рецензия на серию книг «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven», Halle, 2000–2010 / «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». М.; СПб., 1999–2013. (Функ Д.А.)*

Историю отечественной исторической мысли, включая этнографию, рождающуюся в недрах истории, невозможно представить без XVIII столетия, подарившего нам целую плеяду великолепных исследователей. Имена Миллера (Мюллера), Гмелина, Стеллера (Штеллера), Фишера, де ла Кройера, Крашенинникова, Палласа и многих других, благодаря величю их научного подвига, известны сейчас далеко за пределами академических и университетских стен. Но все ли известно самим специалистам? Разумеется, нет. Ранее не известные страницы истории экспедиций XVIII в. открываются с каждой новой публикацией документов из российских архивов. Публикации эти не столь часты и регулярны, как хотелось бы, что, впрочем, вполне объяснимо сложностью работы с источниками практически трехсотлетней давности.

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Последние полтора десятилетия обогатили историю российской академической науки уникальным изданием серии книг под общим названием “*Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven*” (в немецком варианте издания), или «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» (на русском языке). Публикация томов – их к настоящему времени вышло семь на немецком языке и пять на русском – является результатом сотрудничества главным образом двух организаций: Фонда Франке (*Frankesche Stiftungen*, г. Галле, Германия) и Архива Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия). Фактически в проект вовлечено гораздо большее число исследователей, представляющих различные города и организации России, Германии и Дании.

Издание серии началось в 1999–2000 гг. с почти одновременного выхода на немецком и русском языке первого тома, в который были включены письма и документы Георга Вильгельма Штеллера 1740 г. Второй и третий тома, существующие пока лишь на немецком языке, составили путевые дневники Штеллера, Крашенинникова и Фишера 1735–1743 гг., а также письма и документы Штеллера, на сей раз относящиеся к 1739 г. Публикация путевых дневников Штеллера и Фишера 1738–1745 гг. была продолжена в седьмом томе (вновь лишь на немецком языке).

Нет необходимости подробно рассказывать специалистам о той роли в развитии мировой науки, которую сыграла так называемая Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. В ее задачи входило не только исследование северного и восточного побережий Российской империи, включая поиск морских путей в Северную Америку и Японию, но и изучение истории, географии, природы и культур населяющих Сибирь народов. Представляемое многотомное издание планомерно публикует во многом до сих пор не известные документы этой уникальной экспедиции. Документы по истории академических ее отрядов 1730–1734 гг. изданы в двух томах (IV, ч. 2 и V) на немецком языке, а морских отрядов 1730–1738 гг. – в трех томах (IV, ч. 1, VI и IX) на русском языке. В эти пять книг вошли документы, относящиеся как к периоду осуществления Второй Камчатской экспедиции, так и к периоду ее подготовки (обе части четвертого тома, охватывающие 1730–1733 гг.), что вызывает особый историографический интерес. Опубликованные документы дают нам не только материал для анализа, скажем, логистики организации экспедиции, но и возможность почувствовать порой сложные отношения как между государственными инстанциями, так и между исследователями, вовлеченными в реализацию проекта экспедиции, трудности путешествий и ежедневного быта.

Несомненным украшением серии стал пока единственный этнографический том (IV, ч. 1), в который вошла уникальная работа Г.Ф. Мил-

лера «Описание сибирских народов» (“Beschreibung der sibirischen Völker”) и варианты авторского предисловия к ней. История работы отечественных исследователей над этой рукописью насчитывает почти три четверти века. Впервые она была обнаружена в Российском государственном архиве древних актов еще в 1939 г. (Т. VIII, 1: 8). Выдающийся историк А.И. Андреев в 1950-х гг. вынашивал идею подготовки ее к публикации, для чего привлек к работе не только переводчиков (именно тогда рукопись была впервые переведена на русский язык Т.Н. Кладо), но и нескольких выдающихся этнографов того времени. Рукописный текст перевода несколько десятилетий хранился в личном архиве Л.П. Потапова¹. Причины медленного продвижения работы исследователей над рукописью «Описание сибирских народов» раскрывает А.Х. Элерт, благодаря подвижническому труду которого русскоязычные читатели получили, наконец, возможность прикоснуться к этнографическому наследию великого Миллера. Есть смысл привести эту формулировку целиком: «Подавляющее большинство этнографических рукописей Миллера написано на немецком языке крайне неразборчивым почерком с многочисленными сокращениями слов. Его немецкоязычные тексты, как правило, содержат многочисленные вкрапления слов и выражений, написанных на латинском, французском и русском языках (в последнем случае – с использованием букв как латинского, так и русского алфавитов), а также на языках коренных народов Сибири (латинскими буквами с использованием диакритических знаков). Еще одной особенностью большинства рукописных этнографических работ историка является то, что у них нет беловых вариантов.

Многослойные исправления, перемещения фрагментов текста, прибавления на полях, нередко размещаемые не на тех страницах, к которым они должны быть отнесены, – все это также затрудняет работу исследователя. Особенно сложны для прочтения черновые заметки, сделанные в полевых условиях» (Т. VIII, 1: 8).

Во второй половине XX столетия, в советское время, организовать работу над этим архивным манускриптом так и не удалось. В итоге лишь на рубеже тысячелетий его подготовкой к публикации на немецком языке и в переводе на русский занялся международный коллектив немецких и российских исследователей. Поскольку список этнографических работ Миллера не исчерпывается опубликованным наконец-то «Описанием...»², хочется пожелать всему коллективу серии скорейшего издания всех остальных рукописей. Лишь тогда мы сможем составить максимально полное представление о Миллере как об исследователе культур народов России, а также получить в свое распоряжение уникальные этнографические материалы первой половины XVIII столетия.

Несмотря на существенную порой разницу в объемах параллельно изданных русских и немецких версий томов³, следует все же признать в целом высокое качество научно-справочного аппарата всех книг серии, включая академичные, максимально подробные редакторские примечания ко всем публикуемым документам.

Завершая на этом по необходимости краткое представление книг в серии “*Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven*” / «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов», следует особо подчеркнуть выдающуюся роль, которую сыграл в инициировании и продолжает играть в реализации этого фундаментального по своим масштабам исследовательско-издательского проекта ответственный редактор серии д-р Виланд Хинтцше. Надо признать, что проект этот реализуется В. Хинтцше согласно лучшим образцам «жанра» научных проектов. Кроме издания серии книг, вот уже два десятилетия в г. Галле (Германия) ежегодно проводятся представительные международные сессии *Deutsch-Russische Begegnungen*, собирающие специалистов, которые занимаются историей и источниками XVIII в. и так или иначе вовлечены в издательский проект. Создано и Международное общество им. Георга Вильгельма Штеллера / *Internationale Georg-Wilhelm-Steller-Gesellschaft*, сайт которого (<http://www.steller-gesellschaft.de>) максимально подробно отражает всю издательскую и организационную деятельность общества.

Все тома, изданные на сегодняшний день в представленной здесь серии, заслуживают того, чтобы быть в библиотеках как минимум всех исторических факультетов России, где они будут способствовать рождению и подпитке профессионального интереса новых поколений историков и антропологов к истории удивительных свершений и научных подвигов наших выдающихся предшественников XVIII столетия.

Д.А. Функ

Московский государственный университет,
Томский государственный университет

Примечания

¹ В начале 1990-х гг. Л.П. Потапов передал рукопись перевода этого архивного текста мне, а я, в какой-то момент решив, что вряд ли займусь подготовкой текста к изданию (что было просто невозможно без обращения к архивным оригиналам), передал данный перевод своему новосибирскому коллеге Александру Элрту. В опубликованном сейчас томе история отправки перевода рукописи «Описание сибирских народов» в Новосибирск была рассказана А.Х. Элртом (по согласованию со мной) несколько иначе.

² Можно упомянуть хотя бы рукопись Г.Ф. Миллера “*Nachrichten über Völker Sibiriens*”, изданную Евгением Хелимским и Хартмутом Катцем на языке оригинала в серии *Hamburger sibirische und finnougriische Materialien* в 2003 г.

³ Например, объем восьмого тома на немецком языке почти вдвое превышает объем его русского аналога.

Литература

- Georg Wilhelm Steller* – Briefe und Dokumente 1740 / bearb. Von W. Hintzsche, T. Nickol und O.V. Novochatko. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen Halle, 2000. XXXVI. 387 s. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; I). ISBN 3-930195-61-5.
- Georg Wilhelm Steller* / Stepan Krašeninnikov / Johann Eberhard Fischer. Reisetagebücher 1735 bis 1743 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O.V. Novochatko und D. Schulze. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2000. XXIX. 627 s. 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; II). ISBN 3-930195-64-X.
- Georg Wilhelm Steller* – Briefe und Dokumente 1739 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O.V. Novochatko und D. Schulze. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2001. XLII. 535 s. 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; III). ISBN 3-930195-67-4.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733* – Akademiegruppe / bearb. von W. Hintzsche in Zusammenarbeit mit N. Ochotina Lind u. P.U. Møller; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und B. Meister. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2004. LVIII. 960 s. 2 Karten (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; Bd. IV, T. 2). ISBN 3-931479-63-3.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734* – Akademiegruppe / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel, B. Meister und O.V. Novochatko. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2006. XLVIII. 485 s. 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; V). ISBN 10: 3-931479-87-0; ISBN 13: 978-3-931479-87-9.
- Georg Wilhelm Steller – Johann Eberhard Fischer* – Reisetagebücher 1738 bis 1745 / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2009. XLI. 601 s. 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; VII). ISBN: 978-3-939922-12-4.
- Gerhard Friedrich Müller* – Ethnologische Schriften I / bearb. von W. Hintzsche und A.Ch. Èlert unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2010. LXXII. 817 s. 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; VIII). ISBN: 978-3-939922-28-5; ISSN 2192-3374.
- Георг Вильгельм Штеллер*. Письма и документы 1740. М.: Памятники исторической мысли. 1999. 430 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов). ISBN 5-88451-064-0.
- Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Часть 1: Морские отряды*. Сост. Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Мёллер. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 650 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: IV, 1). ISBN 5-88451-102-7.
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1734–1736. Морские отряды* / Сост. Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Мёллер; отв. ред. Виланд Хинтцше. СПб.: Нестор-История, 2009. 934 с., ил. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. VI). ISBN 978-59818-7315-7.
- Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: т. VIII, ч. 1; Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Часть 1). ISBN 978-5-88451-258-0.
- Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1737–1738. Морские отряды* / Сост. Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Мёллер; отв. ред. Виланд Хинтцше. СПб.: Нестор-

История, 2013. 942 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. IX). ISBN 978-5-4469-0077-0.

Рецензия поступила в редакцию 15 сентября 2014 г.

Funk Dmitry A., Moscow State University (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia)

A Unique Source on the History of Siberia and Alaska. Review of a series “Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven“, Halle, 2000–2010 / “Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov”, Moscow; St.-Petersburg, 1999–2013.

The work is carried out under the project ‘Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation: Past and Present’ (Russian Government Grant № 14.B25.31.0009)

References

- Georg Wilhelm Steller – *Briefe und Dokumente 1740* / bearb. von W. Hintzsche, T. Nickol und O. V. Novochatko. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen Halle, 2000, XXXVI, 387 S. (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; I). ISBN 3-930195-61-5.
- Georg Wilhelm Steller / Stepan Krašeninnikov / Johann Eberhard Fischer. *Reisetagebücher 1735 bis 1743* / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O.V. Novochatko und D. Schulze. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2000, XXIX, 627 S., 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; II). ISBN 3-930195-64-X.
- Georg Wilhelm Steller – *Briefe und Dokumente 1739* / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von T. Nickol, O.V. Novochatko und D. Schulze. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2001, XLII, 535 S., 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; III). ISBN 3-930195-67-4.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733 – Akademiegruppe* / bearb. von W. Hintzsche in Zusammenarbeit mit N. Ochotina Lind u. P.U. Møller; unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel und B. Meister. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2004, LVIII, 960 S., 2 Karten (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; Bd. IV, T. 2). ISBN 3-931479-63-3.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734 – Akademiegruppe* / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau, K. Küntzel, B. Meister und O.V. Novochatko. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2006, XLVIII, 485 S., 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; V). ISBN 10: 3-931479-87-0; ISBN 13: 978-3-931479-87-9.
- Georg Wilhelm Steller – Johann Eberhard Fischer – *Reisetagebücher 1738 bis 1745* / bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2009, XLI, 601 S., 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; VII). ISBN: 978-3-939922-12-4.
- Gerhard Friedrich Müller – *Ethnologische Schriften I* / bearb. von W. Hintzsche und A.Ch. Élert unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2010, LXXII, 817 S., 1 Karte (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven; VIII). ISBN: 978-3-939922-28-5; ISSN 2192-3374.
- Georg Vil'gel'm Shteller. *Pis'ma i dokumenty 1740*. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli. 1999. 430 p. (Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov). ISBN 5-88451-064-0.
- Vtoraia Kamchatskaia ekspeditsiia. Dokumenty. 1730–1733*. Chast' 1: Morskije otriady. Sost. Natal'ia Okhotina-Lind, Peter Ul'f Meller. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001.

650 p. (Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov: vol. IV, pt. I). ISBN 5-88451-102-7.

Vtoraiia Kamchatskaia ekspeditsiia: Dokumenty 1734–1736. Morskie otriady / Sost. Natal'ia Okhotina-Lind, Peter Ul'f Meller; otv. red. Viland Khintsshe. SPb.: Nestor-Istoriia, 2009. 934 p., il. (Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov. T. VI). ISBN 978-59818-7315-7.

Miller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* / Izd. A.Kh. Elert, V. Khintsshe / Per. s nem. A.Kh. Elert. M.: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009. 456 p. Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov: VIII, 1; Gerard Fridrikh Miller. Etnograficheskie trudy. Chast' 1). ISBN 978-5-88451-258-0.

Vtoraiia Kamchatskaia ekspeditsiia: Dokumenty 1737–1738. Morskie otriady / Sost. Natal'ia Okhotina-Lind, Peter Ul'f Meller; otv. red. Viland Khintsshe. SPb.: Nestor-Istoriia, 2013. 942 p. (Istochniki po istorii Sibiri i Aliaski iz rossiiskikh arkhivov. T. IX). ISBN 978-5-4469-0077-0.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета, Россия.
E-mail: vassa.mv@mail.ru

ЖДАНОВА Галина Дмитриевна – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Алтайского края, Россия.
E-mail: gaak@ttb.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета, Россия.
E-mail: vpz@tsu.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, Россия.
E-mail: krass49@gmail.com

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета, Россия.
E-mail: kvn18011962@yandex.ru

РАЗГОН Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, Россия.
E-mail: vrazgon@rambler.ru

СМИТ-ПИТЕР Сьюзан – доктор философии (PhD), ассоциированный профессор факультета истории Городского университета Нью-Йорка, преподаватель русской истории в Колледже Статен Айленд (Нью-Йорк), США.
E-mail: susan.smithpeter@csi.cuny.edu

СОРОКИН Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Россия.

E-mail: ifdoid@rambler.ru

ФУНК Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии Московского государственного университета, главный научный сотрудник Томского государственного университета, Россия.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

ABOUT THE AUTHORS

DMITRIENKO Nadezhda Mikhailovna – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Museology, Cultural and Natural Heritage, Tomsk State University, Russia.

E-mail: vassa.mv@mail.ru

ZHDANOVA Galina Dmitrievna – Cand.Sc. (History), Director of the State Archive of Altai Region, Russia.

E-mail: gaak@ttb.ru

ZINOVYEV Vasily Pavlovich – Dr.Sc. (History), Professor, Chair of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History, Tomsk State University, Russia.

E-mail: vpz@tsu.ru

KRASILNIKOV Sergey Alexandrovich – Dr.Sc. (History), Lead Research Fellow at the Institute of History (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University, Russia.

E-mail: krass49@gmail.com

KUDRIASHEV Vyacheslav Nikolaevich – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of History and Document Science, Tomsk State University, Russia.

E-mail: kvn18011962@yandex.ru

RAZGON Viktor Nikolaevich – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Altai State University, Russia.

E-mail: vrazgon@rambler.ru

SMITH-PETER Susan – Ph.D., Associate Professor, College of Staten Island / City University of New York, USA.

E-mail: susan.smithpeter@csi.cuny.edu

SOROKIN Yuriy Alekseevich – Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Pre-Revolutionary Russian History and Document Science, Dostoevsky Omsk State University, Russia.

E-mail: ifdoid@rambler.ru

FUNK Dmitry Anatolievich – Dr.Sc. (History), Professor, Chair of the Department of Ethnology of Lomonosov Moscow State University, Chief Research Fellow of Tomsk State University, Russia.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 тыс. знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;
- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить Ваш текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу.

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Rotarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135.
Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, сама статья, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the ‘Siberian Historical Research’ journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the ‘Siberian Historical Research’ journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors’ works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7 000 words – for research papers, or 800 to 1 500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author’s name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate/title sheet)

▪ Author’s full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author’s last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author’s name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like “Introduction”, “Conclusions” and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *full colour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References:

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: “In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...”

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the “et al” is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the “et al” even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book "Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis" may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate "s.d." (sine data) and if the publication is currently in press, put "in press": (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the "post-national" era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms/abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Научный периодический журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2014. № 3

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Польшкина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 17.12.2014 г. Формат 70x108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13. Гарнитура Times.
Тираж 200 экз. Заказ № 699.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru